
Россия, Русь! Храни себя, храни!

Союз писателей России

**Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал
Основан в 1922 году**

В НОМЕРЕ:

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Алексей ИЛЬИН. Русофобия в информационном мире	3
Виктор ЗУЕВ. Когда началась Украина?	82
Сергей АМОСОВ. Очерк о красном директоре	148

ПОЭЗИЯ

Валерий МИХАЙЛОВ. От края судьбы и до края. Стихи	25
Светлана СУПРУНОВА. Россыпь яблок на снегу. Стихи	31
Татьяна ПАРСАНОВА. Боль невозврата. Стихи	104
Татьяна ВЕТРОВА. Безусловно, люблю. Стихи	109
Стихи ярославских поэтов	162

ПРОЗА

Александр ТИТОВ. Комсомолка. Повесть	37
Юрий МАНАКОВ. Два рассказа	115
Алексей ХЛУДЕНЁВ. Видит ли небо землю? Рассказ	177
Анатолий КРИЩЕНКО. Ода Создателю. Рассказ	184

ЛАРЕЦ

Г.Р. ДЕРЖАВИН. **Бог** (Ода) 196

ИСТОКИ

Людмила ТУРОВСКАЯ. **«Подмосковные вечера»** 199

Людмила ГРИЦАЙ. **«Прощание славянки»** 208

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АРХИВ

Алексей ШОРОХОВ. **Птицы небесные
Ивана Веневцева** 212

Иван ВЕНЕВЦЕВ. **Урал — быстра река.
Фрагменты романа** 226

ДОСЬЕ «МГ»

Сергей ХОЛОДОВ. **«Человек, похожий
на Генерального прокурора»** 242

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Игорь ХОДАКОВ. **Возможно ли мирное
сосуществование?** 246

Валерий ГАБРУСЕНКО. **Три крымские истории** 254

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

Фёдор ПАПАЯНИ. **Либералы пожирают Россию** 260

Роман ИЛЮЩЕНКО. **Расшнурованная «культура»** 263

Валерий ФИЛИМОНОВ. **Как и сказано в Откровении** 265

Павел ГУБАРЕВ. **Путь Донбасса** 268

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Валерий ХАТЮШИН. **Протуберанцы. Размышления
и воспоминания. Продолжение** 271

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Светлана ЗАМЛЕЛОВА. **«Духовной жаждою томим...»** 276

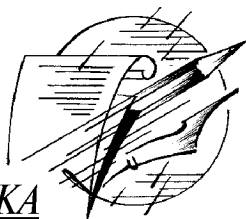
Валентина БЕЛЯЕВА. **«Мальчик или девочка?»** Нечаянные
впечатления от спектакля «Серёжа» в МХТ им. А.П. Чехова ... 281

Алексей ИЛЬИН,
кандидат философских наук

РУСОФОБИЯ В ИНФОРМАЦИОННОМ МИРЕ

Русофобия — бездоказательная критика России, основанная на геополитических интересах западного мира, руководимого Соединенными Штатами Америки. Страны Европы находятся в зависимости от США. Этим объясняется поддержка и тиражирование русофобского информационного тренда. Русофобия вместо доказательной базы основывается на презумпции вины России. Информационный прогресс является одновременно прогрессом развития псевдоинформационных технологий, которые являются условием для распространения русофобских мифов. Русофобские идеологические фантазмы в своем содержании противоречат реальности, но вместе с тем они во многом формируют реальность. Она представляет собой комплекс идей, которые объединяют Запад. Русофобия содержательно бедна, но идеологически насыщена. В ней используются методы, далекие от объективной критики. Один из эффективных методов, которые использует западный мир в комплексном обвинении России, — метод «перекрестных обвинений». Наиболее адекватная реакция на русофобию и антироссийскую политику —

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

необходимость более жесткого информационного, экономического и дипломатического ответа со стороны России.

Русофобией как идеологическим инструментом формирования общественного мнения Запад сегодня объединен в различных формах сотрудничества. Запад своей политической риторикой постулирует презумпцию виновности русских.

Русофобия создает негативный облик России путем атаки на российскую культуру как таковую, уклад жизни, ценностные ориентации, антропологические свойства, историю и ее конкретные эпизоды, политические решения современности, русскую мысль. Это системное, комплексное и многоуровневое явление. Русофобия — основанное на исторических фальсификациях и политических инсинуациях принципиально отрицательное отношение к русским как этносу, к русской культуре, к русской цивилизации, к русскости как таковой.

После бесславного развала Советского Союза пришедшая к власти либеральная элита отказалась от государственного суверенитета и отдала страну в распоряжение транснациональному капиталу. Запад на некоторое время опустил русофобское оружие, так как исчезла необходимость очернять сдавшего позиции оппонента.

Сегодня Кремль осторожно и нерешительно принялся выстраивать самостоятельную внешнюю политику, что заставляет его встать на пути коллективного Запада, возглавляемого Соединенными Штатами Америки. Правда, противостояние это — и неуклюжее, и непоследовательное. Ведь до сих пор не сформулирована национальная идея, не создан образ желаемого будущего и не спроектирована стратегия прихода к нему. Как говорил еще Сенека, «кто не знает, куда плывет, тому нет попутного ветра». По-прежнему социально-экономический блок правительства находится в руках либералов, которые продолжают покупать долговые обязательства США и тем самым спонсировать нашего стратегического конкурента, развязавшего против нас настоящую информационную, дипломатическую и экономическую войну. Центральный банк России остается привязанным к экономической системе США со всеми вытекающими последствиями, связанными с реализацией интересов американских элит по ослаблению экономики России. Так, ЦБ продолжает монетарную рыночную политику, в результате которой финансы перераспределяются в пользу спекулятивного сектора, из-за чего реальный сектор экономики остается в маргинальном положении. В общем, наше руководство не сумело еще отстраниться от важных аспектов мирового жизнеустройства, которые указывают на несправедно наращи-

---

ваемое благосостояние США и транснационального бизнеса — за счет других стран. Хотя оно присоединило Крым, оказывает помощь Донбассу, ограничило преступное вмешательство Штатов в суверенные дела Сирии и ведет действительную борьбу против так называемого Исламского государства. И этого стало достаточно для включения на полную мощь псевдоинформационного проекта «русophobia».

Страны, играющие роль верных сателлитов мирового гегемона, в своих СМИ стремятся поддерживать очерняющий нас тренд, и русophobia уже распространилась в медийном пространстве, становясь глобальной по охвату. Сконструированный в массовом сознании миф, несмотря на его информационную недостоверность, уже начинает оказывать влияние на саму действительность. Ведь в отношении очерненной страны можно вводить различные санкции, выдавливать ее из международного политического дискурса, прикрываясь искусственно созданным негативным образом этой страны. Данный образ становится неким жупелом, который дает возможность использовать любые недружественные акции, не опасаясь негодования со стороны собственных народов. Сегодня помимо чисто военных сфер актуализировались противостояния в информационной области как важном поле боевых действий.

Русophobia — в основном англосаксонский ответ на российскую мощь. В отношении слабых и не слишком ценных для США стран не ведется такой изощренной информационной войны, какая ведется против России. Россия — соблазнительный конкурент для англосаксонского мира, обладающий колоссальными природными ресурсами. Они пытаются формировать в странах-мишенях выгодную для себя специфику общественного мнения в политической сфере, стремясь направить широкие круги населения против собственного правительства. Так вносится дополнительная сила в дело дестабилизации как культурно-исторической самобытности народов, так политической ситуации в выбранных странах и регионах.

Европейские СМИ работают в интересах Штатов и тиражируют ту идеологическую позицию, которая выгодна именно Вашингтону. Старый Свет не просто отказывается подвергать решительной критике действия США в мире, а всячески подыгрывает им — даже когда это приносит Европе большие проблемы.

Европейцы присоединились к бомбежке Ливии, после чего беженцы из некогда богатой североафриканской страны направились в Европу. Руководители Евросоюза не сопротивлялись волне иммиграции из стран северной Африки и Ближнего Востока. Прибывшие в Европу довольно агрессивно

настроенные мигранты имели ежедневное обеспечение, вследствие чего возникает вопрос: кто и за что им оплачивал жизнь? Массовый импорт мигрантов вносит существенный вклад в ослабление Европы как потенциального конкурента Штатов.

Европейские политики вместе с американцами поддержали нацистский переворот на Украине, в результате которого выгодоприобретателями вышли американские экономические и политические элиты, сращенные с транснациональным капиталом, а у России и Европы появились серьезные проблемы. Похоже, богатый и некогда могущественный Европейский континент захвачен коллективной амнезией, забыв опыт нацизма.

Старый Свет позволил американцам построить на своей территории огромное количество военных баз, дав возможность себя оккупировать. В некоторых европейских странах были возведены американские системы противоракетной обороны. Военная инфраструктура США защищает Европу не от Ирана, Северной Кореи или «агрессивной» России. Она направлена на защиту от независимости.

Американские спецслужбы прослушивают множество политиков — в том числе европейских. Вспомним разоблачения, связанные с именем Э.Сноудена. Когда эти данные были обнародованы, элиты ЕС никак не отреагировали. Для них контроль со стороны американцев уже вошел в норму. Но с таким контролем могут спокойно смириться только представители несuverенных правительств.

Старый Свет принял новомодные социально вредные веяния, которые в совокупности сейчас называют толерантностью: пропаганда гомосексуализма и различных перверсий, ювенальная юстиция и другие формы дегуманизации. Все это приводит к медленному культурному, нравственному, демографическому регрессу общества. В этом контексте следует вспомнить слова ряда американских политиков и акторов транснационального бизнеса о необходимости снижать народонаселение планеты. Правда, пока речь идет о депопуляции только Европы.

Европа претерпевает значительное финансово-экономическое влияние со стороны США. Так, Германия некогда отдала свой золотой запас американцам, а потом потребовала его обратно. Возврата не последовало.

По инициативе США евролидеры присоединились к экономическим санкциям против России и всеобщими силами устроили санкционное цунами, что сильно бьет по европейским экономикам. Так, бывший итальянский сенатор Роберто Мур заявил, что из-за антироссийских санкций Италия

каждый день недополучает по семь миллионов евро, а за последние четыре года Италия потеряла вследствие этого десять тысяч рабочих мест. Причем санкции против России были инициированы Вашингтоном в основном за то, что РФ проявила активное, выраженное в реальных действиях несогласие с приведением Штатами алчной нацистской власти на Украине. Но когда США кого-то бомбят, пренебрегая международными законами и Советом безопасности ООН, страны «цивилизованного» мира смотрят на это спокойно и даже не заикаются о санкциях против влиятельного гегемона.

Одним словом, мы видим множество фактов, указывающих на европейскую зависимость от США. Эта зависимость, по сути, антиевропейская, то есть противоречащая интересам как народов, так и политиков Старого Света. И русофобия выгод Европе не приносит. Следовательно, исходящая в том числе из Европы русофобская риторика опирается не на действительную вину России, а на зависимость Европы от Штатов. Европа делает то, что требуется от поверженного мирового гегемона сателлита. В условиях подчиненного положения Старого Света идеологический тренд, исходящий от Вашингтона, вписан в плоть европейского медиапространства. Сама же русофобия — это сугубо геополитический феномен.

Надо сказать, в некоторых случаях европейские лидеры проявляют субъектность, принимают решения в пользу своих стран и народов. Но на общем фоне это представляется минимальным полем деятельности, микросуверенностью, что неукоснительно доказывают приведенные выше факты.

Так, однажды президент Франции Э. Макрон высказал идею о необходимости создания европейской армии. Европейская армия — это некая альтернатива управляемому из Вашингтона Североатлантическому Альянсу. Такое своеволие, буквально сепаратизм, предполагающий выход из-под контроля в военном смысле, США позволить не могут. Поэтому Макрону следовало чем-нибудь ответить. И ответ не заставил себя ждать. Внезапно, в ноябре 2018 г., Францию стали лихорадить «стихийные» митинги и демонстрации. Протестующие вышли на улицу с требованием недопущения роста цен на бензин и дизельное топливо. Участники акций останавливали движение автотранспорта. Начались стычки с полицией, грабежи, погромы магазинов, поджоги автомобилей. Полиция применила резиновые пули и слезоточивый газ, стала проводить обыски и аресты.

На первый взгляд ситуация выглядит вполне закономерной и понятной, поскольку удорожание топлива вызывает в народе несогласие. Однако мы видим ряд странностей. Ми-

---

тинги захлестнули Францию сразу после высказывания Макрона о европейской армии. Это можно рассматривать как стечение обстоятельств, обычное совпадение. Но вызывают вопросы другие факты. В целом происходящее напоминает технологию цветных революций, организуемых Государственным департаментом США и связанными с ним структурами (Freedom House, Фонд Сороса и т.д.) в разных странах мира.

Во-первых, вышедшие на протест люди одеты в желтые жилетки. Отличительная одежда — некий символ идентичности, который был использован в ряде цветных переворотов. Это знак принадлежности к группе «правильных» людей, спланивающий фактор, который позволяет отделять «своих» от «чужих». Более того, отличительный признак является «простым», говорящим о том, что стать «своим» довольно легко. Вряд ли стоит вести речь о стихийном протесте, когда мы наблюдаем организованность хотя бы даже на уровне повсеместно демонстрирующей себя желтой «униформы».

Во-вторых, митингующие начали с негодования ростом цены бензина, позже перешли к не связанным с топливом требованиям, а затем — к лозунгам о смене правительства. Такой подход «от малого к большому» может проявляться стихийно, но он же применялся во многих цветных революциях. Когда власти Франции решили уступить протестующим и отменили повышение налогов на топливо, митинги продолжились — уже против правительства. Это закономерно, если изначальной причиной происходящего выступало вовсе не подорожание топлива.

В-третьих, речь идет о повышении цены бензина всего на три евроцента, что не является серьезным удорожанием. Когда правительство принимает значительно менее приемлемые для народа решения, митинги не возникают, а здесь мы видим волну протеста в отношении недостаточно важного — по сравнению со многими другими — политического решения. Весьма сложно организовать масштабный митинг даже против серьезных по степени антинародности действий властей. Поэтому трудно поверить в самоорганизацию недовольных масс при взгляде на столь «важный» повод для волнений и на многотысячные толпы в Париже и других городах страны.

В-четвертых, когда Макрон прилетел в Аргентину на Саммит G-20, его «забыли» встретить так, как полагается встречать президента. Макрон — это не Порошенко и не Грибаускайте. Президент Франции — глава развитой страны, входящей, если можно так выразиться, в топовую категорию стран. Макрона и его жену должны были встретить ведущие поли-

---

тики, как это подобает в таких официальных случаях. Однако вместо президента, вице-президента или других официальных лиц высшего политического уровня Аргентины встречу «организовал» сотрудник аэропорта в жилетке желтого цвета, похожей на те, в которые облачены французские бунтари. То есть президента Франции встретил протестующий желтый жилет. И слова вице-президента Аргентины Г.Микетти о «недоразумении» не выдерживают никакой критики. Здесь мы видим не повод для высмеивания Макрона, даже не его унижение, не шутку и не конфуз. Это похоже на явный дипломатический жест.

После описаний этих фактов следует сделать вывод: элиты мирового гегемона указали Макрону на его «неправоту». Вовсе необязательно они стремились сместить действующую власть. Скорее всего цель была иная — заставить Макрона отказаться от «недружественных» инициатив.

Практически весь комплекс обвинений России представляется вероломной идеологической инъекцией. «Цивилизованный» мир, в котором повестку дня задает Вашингтон, тиражирует массу антироссийских обвинений: во влиянии на американские выборы, в отравлении Скрипалей, в допинговом деле спортсменов, в трагедии малайзийского «Боинга», в развязывании войны против Украины, в осуществленной в обход воли местных жителей аннексии Крыма, в поддержке сирийских террористов, в нарушении Договора о ракетах средней и малой дальности, в кибератаках на Организацию по запрещению химического оружия и на Всемирное антидопинговое агентство. Список можно продолжать. Ранее Россия обвинялась в агрессии против Грузии и в отравлении А.Литвиненко.

Французский философ-постструктуралист Р.Барт пользовался термином «нулевая степень письма». Применительно к многочисленным обвинениям России следует говорить о нулевой степени риторики, под которой мы понимаем содержательный вакуум. И тут стоит говорить не просто о вымысле, а о глобальном вымысле. Псевдособытие представляется Событием, псевдоистория — Историей. Это не случившиеся события, а сформированные, сделанные, произведенные конвейером медиаманипуляций — для глобального потребления. Мы наблюдаем информационное наступление пустых языковых конструкций, квазисмысловых симулякров.

Конечно, далеко не всякие исходящие извне обвинения российского правительства стоит квалифицировать как русофобские тезисы. Под таковыми мы понимаем именно те,

---

которые: 1) являются лживыми, основанными на инсинуациях и фальсификациях, 2) направлены на шельмование тех действий российской власти, которые выгодны России как стране и ее народу.

Если ложь и манипуляции о всеобщей вине России эффективны (а во многом для их эффективности вместо четких доказательств требуются постоянные повторения), среди народов западного мира данные СМИ вызывают уже не смех над необоснованностью их контента, а веру в правоту предоставляемых информационных симулякров. Дезинформация воспринимается в качестве информации.

Западная русофобия проистекает из утвердившейся практики отрицательного отношения к России, которая насчитывает несколько столетий. В XIX и XVIII вв. и даже раньше в Европе появлялись различные негативистские предрассудки в отношении России и русских, которые опирались на шаткую основу или вообще не имели никакого основания. Россия в целом противопоставлялась Западу как варварское, необразованное, нецивилизованное, авторитарное и аморальное азиатское государство с царящими в нем дикими нравами в отличие от просвещенных, цивилизованных, демократических и морально состоятельных европейских держав. Причем скверность русских нередко представлялась априорной, происходящей как из культурно-исторических, так и из генетических предпосылок.

Политически ангажированные европейские путешественники, посетившие Русь в XV—XVII вв., представляли широкому вниманию свои очерки, наполненные самой примитивной клеветой, невежественными выдумками, которые характеризовали русских как ущербных во всех отношениях, отсталых бескультурных людей, имеющих сугубо рабское сознание. Аналогичные процессы происходят и сейчас, однако европейские туристы, возвращаясь из России, часто меняют свою прежнюю точку зрения на обратную, более реалистичную. Посмотрев на реальных русских, они понимают, что европейская пропаганда и реальность в корне друг другу противоречат.

Западные пропагандисты, создавая у собственного населения неверный облик России, воспитывают невежество. Характерная для Запада совокупность штампов и ярлыков по отношению к России скорее указывает на особенности ментального пространства Запада, нежели на российские реалии. Можно сказать, обвинение русских в невежестве — это следствие невежества самих западных пропагандистов, а также их приверженности к политической конъюнктуре,

---

которая требует очернять Россию. А вот конъюнктура эта в своей основе остается неизменной.

У России всегда были, есть и всегда будут геополитические противники, которые используют различные средства участия в «большой игре», и русофобия — одно из них. Сегодня идеологический расизм, политический фашизм и западоцентризм продолжают жить в словах и делах политиков и журналистов «цивилизованного» мира. Собственно, традиционность данного расизма следует считать одной из главных причин формирования и укрепления русофобских настроений в т.н. «цивилизованном» мире.

Помимо расистского западоцентризма значимая причина формирования русофобии на Западе — усиление России, которое само по себе противоречит интересам сильных мира сего. Неудивительно, что западные политики огромные средства выделяли и продолжают выделять на воспитание ненависти к России в своих странах и на подрывную деятельность в самой РФ: разжигание революционных настроений, активизация сепаратизма и национализма малых народов, распространение антирусских идей и т.д. Россия, как и любая страна, опасалась усиления недружественных соседей. Но, в отличие от стран Запада, в ней никогда не наблюдалось россиецентризма и расизма и не было пропагандистских машин для нагнетания тех или иных фобий по отношению к другим странам и проживающим в них народам. Но политическим лидерам Запада нужны различные поводы на все случаи жизни, чтобы обосновать претензии «цивилизованного» мира к их богатому ресурсами северному соседу и в целом к обеспечению себе гегемонизма, на который никто не мог бы покушаться. Поэтому весьма наивно выглядят убеждения вроде того, что противостояния между Россией и странами Запада в последние годы — результат разного понимания норм международной политики. Дело вовсе не в разном понимании, а в западной геополитике, правила которой остаются неизменными.

Короче говоря, русофобия — не ситуативное явление, не побочное дитя современности, а целая идеология, которая имеет свою богатую историю. Можно говорить одновременно как о блеске, так и о нищете русофобии. Она содержательно бедна, но идеологически насыщена, поскольку включает в себя огромное число идеологических нападок, которые относятся к самым разным эпохам существования России. Она вызвана не трудностью понять Россию, русский народ, его культуру. Наоборот, она рождена продуманной, отрефлексированной политикой борьбы с Россией, и является одним из методов этой борьбы.

Современная информационная война реализуется той или иной стороной посредством политизации массового сознания граждан своей страны и стран-союznиков, формирования максимально реалистично выглядящего (но отдаленного от реальности) образа неприятеля, наделения его атрибутами врага. Эта политизация проникает в дома, учебные заведения, церкви и другие социальные институты.

В информационной войне, ведущейся против нас западным миром, используется богатая методология:

- изъятие факта из контекста;
- сокрытие полной картины событий (неполная информация, замалчивание каких-либо событий);
- тенденциозный показ события (ориентация на точку зрения только представителей одной из сторон как на единственно возможную);
- выстраивание ложной причинно-следственной связи, когда, например, какое-то реальное кризисное событие рассматривается как результат деятельности сил, не имеющих к нему отношения;
- использование анонимных высказываний как объективных;
- подмена информации мнением, преподнесение мнения как достоверного комментария к факту;
- использование слов авторитетного лица (высказанная популярным деятелем позиция истинна, так как он популярен);
- формирование отрицательных ассоциаций, фиксация внимания на негативе (отрицательная информация вызывает больше эмоций, чем положительная);
- повторение ложных утверждений до тех пор, пока они не станут восприниматься правдивыми;
- манипулирование статистическими данными, подтасовка фактов;
- предоставление псевдоисточников в качестве источников, придание им объективности и нейтральности, апелляция к дезинформации как к информации;
- прямая ложь;
- компенсация недостатка научно обоснованных высказываний большим количеством эмоционально окрашенных утверждений;
- ложные обвинения и демонизация личностей;
- трансформация исторического значения событий (приукрашивание и преувеличение или, наоборот, снижение значимости);
- наклеивание ярлыка как необъективной эмоционально насыщенной характеристики и необоснованные обобщения (мол, он же русский, а значит, агрессивный);

— подмена понятий (например, осуществление мер по дестабилизации жизни целых стран, по их политическому и экономическому ослаблению называется демократизацией).

Конечно, этот список далеко не полный, и он вовсе не претендует на классификационную точность. В ситуации конкретной информационной атаки используется целый спектр методов, и не всегда представляется возможным отделить один метод от другого. Если мы проанализируем актуальные для нашего времени русофобские выпады, то в их «аргументации» мы найдем многие из этих подходов.

Русофобски настроенный пропагандист пытается вписать новые факты и домыслы в сконструированную им теоретическую модель и согласовать их с уже встроенными в нее фактами и домыслами. Факты, которые разрушают данную модель, он просто не использует, принимая их за несуществующие. Если «неудобные» факты игнорировать не удастся, он объявляет их малозначимыми.

В общем, помимо методологии извлечения истины существует также методология сокрытия истины, замещения истины, постановки на ее место правдоподобно выглядящей лжи. Посредством данных методов путем манипулирования мировым общественным мнением осуществляется дискредитация страны-соперника на мировой арене и — одновременно с этим — реализуется стратегия символического насилия над сознанием населения данной страны.

Просветители и представители позитивистской мысли когда-то утверждали, что противоречащие истине мифологии и иллюзии уйдут в прошлое, будучи вытесненными рациональным, объективным, научным знанием. Но реальность говорит о том, что мифы, иллюзии, предрассудки по-прежнему крепнут в человеческом мире. В век развития информационных технологий происходит даже *эскалация иллюзорности*. Она связана с внутренними — психологическими — причинами; человеку свойственно использовать стереотипы и объяснять быстро меняющуюся реальность максимально простыми способами. Кроме того, сами условия так называемого глобального информационного общества, в котором сознание сталкивается с множеством знаний и подаваемым под видом истин псевдознаний, формируют эскалацию иллюзорности. Многие русофобские выпады, эти иллюзорные воображаемые конструкции, хотя не имеют связи с истиной, но оказывают воздействие на мировое общественное мнение и на глобальную повестку дня. Эти иллюзии противоречат реальности, но вместе с тем они во многом формируют реальность.

Многообразие русофобских идеологем заставляет ввести в научный оборот понятие «перекрестных обвинений». Сначала в информационном пространстве раскручивается одно обвинение, потом появляется другое, третье, четвертое и так далее. Затем в качестве доказательств для пятого обвинения предъявляется ссылка на первые четыре в стиле «если они пошли на эти преступления, то очевидно, что и новое преступление — дело их рук». Потом, при учете всей их совокупности, делается обобщающее утверждение, что нынешний российский режим носит крайне антигуманный и опасный для мира облик. Причем, в обратном порядке, ссылкой на российский антигуманизм доказывается каждое из этих обвинений (мол, чего иного следует ожидать от такой негуманной цивилизации?). Далее высказывается мысль, что не только современная РФ отличается агрессивностью и конфликтностью, но и предшествующая история России аналогична; для этого «вспоминаются» неприглядные «факты» типа расстрела польских военных в Катыни. Реальные исторические данные фальсифицируются, как, например, договор Молотова—Риббентропа объясняется как пособничество немецкому фашизму и т.д. Одновременно отсылкой к этим «фактам» прошлого снова «доказывается» вина России в преступлениях настоящего и так далее. Всегда ведь можно сказать: «Вы не верите в отравление Скрипалей Кремлем? Тогда посмотрите на весь тот преступный мрак, который характеризовал досоветскую, советскую и постсоветскую Россию». Конечно, «преступный мрак» таким же образом сфальсифицирован, как и вина за современные события. В общем, сперва возлагается вина за настоящее, затем она объясняется «преступлениями» недавнего прошлого, затем — «преступлениями» давнего прошлого, после чего делается концептуально-метафизический вывод о неблагоприятной тысячелетней истории России.

Приведем вполне конкретный пример использования метода перекрестных обвинений, когда ряд необоснованных фактов, которые подаются в виде обоснованных, проявил себя в полной неприглядности в виде «обвинительной цепочки». Лондон представил презентацию, «доказывающую» причастность России к отравлению Скрипалей. В презентации описываются инциденты, которые Лондон причисляет к враждебным действиям со стороны России. К ним относятся убийство в 2006 г. А.Литвиненко, DDoS-атаки на интернет Эстонии в 2007 г., «вторжение в Грузию», «оккупация Крыма», «дестабилизация Украины», сбитый «Боинг» МН-17, «взлом Бундестага», «вмешательство в выборы в США», «попытка

организации переворота в Черногории», «кибератака на датское Министерство обороны» и «атака с помощью вируса-вымогателя NotPetya». Проблема только в том, что российская вина за эти инциденты не была доказана. Но общественному мнению это знать необязательно. Достаточно просто продуцировать всё больше и больше обвинений и убедительность каждого нового подкреплять целым веером предыдущих необоснованных нападок. Ведь в широких СМИ не ставится вопрос на тему, виновна или нет Россия в убийстве Литвиненко, попытке госпереворота в Черногории и т.д. Как бы подразумевается очевидный ответ. А если он очевиден, то аналогичным должен быть ответ на вопрос о «деле Скрипаля». С помощью этой технологии можно любой новый абсурдный, наскоро сконструированный антироссийский тезис «обосновать» отсылкой к другим необоснованным русофобским мифам, выдаваемым за историческую истину. Так идеологическое пространство немалой части мирового сообщества подвергается буквально террористическому воздействию «мягкой силы», вследствие чего создается плен самоочевидности, не способный выйти к действительной реальности.

В последние годы очень много пишут про информационное общество как социальную реальность настоящего времени. Однако более верным было бы назвать современное социальное состояние скорее псевдоинформационным, так как поле сообщений насыщено когнитивными противоречиями, знанием и псевдознанием, истинами и мифами, информацией и псевдоинформационным спамом. Антропное пространство наполнилось и постоянно наполняется огромным количеством сообщений, в океане которых всё труднее отличить ложное от действительного, значимое от второстепенного. Важная проблема современной реальности состоит не только в перенасыщенности псевдоинформацией, но в отсутствии четких критериев отделения истины от лжи, полезных сообщений от вредных. Критерии, демаркационные линии утопают в бескрайнем океане сведений.

Сами условия современного так называемого информационного мира стимулируют трансформации сознания. Нарастает вес информационных технологий, которые где-то описывают реальность, а где-то ее подменяют. Продукт функционирования информационных технологий в основном представляет собой псевдоинформационный мусор, который во многом сопряжен не с отражением реальности, а с ее фальсифицированием или откровенной ложью и манипулированием. Поэтому сами эти технологии далеко не всегда оправдывают свое название как «информационные».

Одни новости, призывы и лозунги активно замешаются другими, одна риторика «наползает» на предыдущую, новые возгласы заставляют своих предшественников уйти в сторону. Здоровое, рациональное, нравственно состоятельное, социально полезное высказывание просто тонет в этом потоке. «Белый шум» делает свое дело... СМИ переполняются совершенно ненужными и бесполезными сведениями. Интеллектуально ущербные ток-шоу заполнили собой медиа-пространство. Они тиражируют «информацию» о том, кто на ком женился, кто с кем развелся, кто как себя повел в эпатажной манере, кто с кем вступил в сексуальную связь и т.д. Реклама постоянно говорит о моде, о не совсем необходимых вещах, о том, что они приносят счастье и успех. Действительно важные сведения утопают в этом потоке бессмысленности, мелкотемья, манипуляций сознанием и прямой лжи. Строгие запреты не нужны, поскольку запретный плод сладок, а в социуме рождается убеждение, что запретное есть истинное. Самим же магнатам медиа (и западного мира в целом) невыгодно, чтобы широкие массы были знакомы с «неправильным» дискурсом. Перенасыщение, в котором тонет истина, эффективней прямых запретов.

В современных условиях засилья псевдоинформационного спама и причудливого переплетения информации и дезинформации у среднестатистического реципиента иссякают шансы отделить правду от лжи. У него нет ни времени, ни возможности самостоятельно докопаться до истины, рассмотреть различные источники, альтернативные версии. Сама реальность выступает помехой. А если — в дополнение к этому — образовательные системы отказываются формировать строгое методологическое мышление и демонстрируют свою когнитивную бедность (что происходит как на Западе, так и — в меньшей степени — в России), это создает еще большую проблему верификации поступающих сведений. Не слишком наученный критически мыслить человек, привыкший к потреблению самых примитивных продуктов массовой культуры, да еще с перегруженным псевдоинформацией мозгом, будет сопротивляться восприятию и пониманию того, что требует внутреннего напряжения, интеллектуальных усилий. Остается пассивно и молчаливо принимать на веру не то сообщение, которое логически и фактологически обосновано, а то, которое выделяется из «белого шума», постоянно демонстрируется во всех «передовых» СМИ и многократно повторяется, будучи исчадием жутко идеологизированного «дискурса воображаемого».

Ведь «белый шум» захватывает далеко не все псевдоинформационное поле. В бескрайнем океане сведений остается

защищенным от утопления контент, который тиражируется ведущими СМИ, продвигающими интересы политико-экономической транснациональной элиты. Он как бы стоит над схваткой. Этот контент представляется его создателями основным (и потому неутопающим), который должен в идеале совершить интервенцию в ментальное пространство каждого слушателя (зрителя, читателя) и сформировать общественные настроения.

Описанные медийные явления мы наблюдаем в России, в которой власть имущие тоже используют СМИ как средство управления мыслями людей, а значит, их действиями. Данной теме можно посвятить отдельное исследование, но нас интересует в рамках настоящей работы несколько иное — то, что эти тенденции, проявляя себя на Западе, формируют соответствующий спектр мнений у людей о различных мировых явлениях, процессах, странах. «Белый шум» отвлекает реципиентов от реальных проблем их обществ, вводит в дискурс беззаботной развлекательности, снижает их политически активный (оппозиционный) потенциал. Одновременно «сверху» псевдоинформационного массива с помощью манипуляций и прямой лжи насаждается «нужная» идеологическая составляющая, которая говорит о многом — в том числе о том, что Россия виновата во всём, в чём только ее можно и нельзя обвинить.

Здесь уместно привести слова Г.Лебона: «...часто повторяемая идея, в конце концов, врзается в самые глубокие области бессознательного, где именно и вырабатываются двигатели наших поступков. Спустя некоторое время мы забываем, кто был автором утверждения, повторявшегося столько раз, и, в конце концов, начинаем верить ему, отсюда-то и происходит изумительное влияние всяких публикаций. После того, как мы сто, тысячу раз прочли, что лучший шоколад — это шоколад X, нам начинает казаться, что мы слышали это с разных сторон, и мы, в конце концов, совершенно убеждаемся в этом. Прочтя тысячи раз, что мука V спасла таких-то и таких-то знаменитых людей от самой упорной болезни, мы начинаем испытывать желание прибегнуть к этому средству, лишь только заболеваем аналогичной болезнью. Читая постоянно в одной и той же газете, что А — совершенный негодяй, а В — честнейший человек, мы, в конце концов, становимся сами убежденными в этом, конечно, если только не читаем при этом еще какую-нибудь другую газету, высказывающую совершенно противоположное мнение. Только утверждение и повторение в состоянии состязаться друг с другом, так как обладают в этом случае одинаковой силой».

Неудивительно, что американцы в свое время поверили крайне лживой риторике о связи Хусейна с «Аль-Каидой» и о наличии в Ираке оружия массового поражения. Самым известным случаем «обоснования» антииракского лживого нарратива является выступление в ООН госсекретаря Колина Пауэлла. Он произнес пламенную и совершенно бездоказательную речь об агрессивном Саддаме, и усиленно тряс пробиркой с непонятным веществом, приговаривая, что это — доказательство вины Хусейна. Демонстрация пробирки была задумана как веское основание, камня на камне не оставляющее от альтернативной версии. Это позиционировалось как весомый аргумент, который должен развеять все сомнения. По сути, Пауэлл всего лишь сотряс воздух пробиркой и антисаддамовской речью. Американцы разбомбили Ирак, но химического оружия не нашли. Их «ошибка» стоила очень дорого миллионам иракцев. Но ошибка ли? После данного «убедительного» выступления госсекретаря войну поддерживала уже не треть, а половина всего населения США; сам же Пауэлл позже вспомнит это событие как недостойную страницу своей карьеры. Для нас здесь важен простой факт: совершенно необоснованное выступление в купе с аналогичными вызвало такой массовый милитаристский эффект.

Можно услышать множество разговоров о том, что информационная революция создаст просвещенное общество, способное охватывать вниманием основные события и выносить информированное суждение по всем важным вопросам. Однако так называемый переход к информационному обществу вовсе не повышает уровень общественного сознания.

Западному миру, априори настроенному русофобски, везде видится российский след, даже когда никаких фактов нет. Уровень обвинений крайне низок. Они характеризуют «особый» интеллектуальный и моральный облик обвинителей, которые с завидным упорством продолжают повторять свои мантры. Там уже, похоже, антижурналистика победно смещает журналистику. Наследники Просвещения отходят от своего философского богатства в сторону наиболее грубых и глупых предрассудков. От реальной глубины мысли они перешли к затертым клише и к лживым псевдофилософским теориям, которые созданы для оправдания американских преступлений против человечества и для очернения тех, кто позволяет себе не соглашаться с американоцентричными идеологемами.

Мы видим ситуацию, когда идеологема не просто противоречат реальности, они самым изощренным образом наси-

---

луют реальность. Про большинство русофобских позиций обычно говорят, что в них наличествует масса несостыковок. Это не совсем верно. В них нет несостыковок, поскольку состыковывать просто нечего. Ведь в них нет **ничего**.

В целом, глядя на обширный список бездоказательных обвинений и оскорблений в адрес России, следует постулировать исчезновение дипломатии как таковой. Накал угроз и хамства, характерный для нашего времени, просто не соответствует образу достойной дипломатии, ее нормам и правилам. Вместо исторических претензий господствуют антиисторические нападки. Вместо дипломатических актов мы видим антидипломатическое давление. Однако Россия продолжает сохранять верность дипломатическим нормам поведения.

Но в отчаянной русофобии можно увидеть и оптимистичные нотки. Стоит вспомнить философский принцип диалектики, благодаря которому в, казалось бы, бесспорно негативном явлении целесообразно узреть нечто позитивное. Русофобия — знак не только действий «цивилизованного» мира против России. Это знак того, что наше правительство делает некоторые верные, необходимые для страны и ее общества шаги и, наверное, отходит от длившейся более 25 лет эпохи либерального предательства национальных интересов. Чем планомерней и решительней мы вступаем на тропу не войны, а защиты своих интересов и суверенитета, тем интенсивнее на нас будет нападать конкурирующая сторона по всем фронтам в своих «независимых» СМИ, давно уже защищающих интересы транснациональных элит, которые стремятся перекроить мир по-своему. Тут уместно вспомнить фразу Марка Твена о том, что американская пресса «не продажна, просто она продана раз и навсегда». Эти слова характерны далеко не только для американской прессы, но и для масс-медиа той части мира, которая верой и правдой прислуживает Штатам.

Цель критики — изменить обсуждаемое явление, улучшить его, трансформировать в более идеальный объект, которому меньше свойственно недостатков и больше — достоинств. Цель русофобии — изменить обсуждаемый объект обратным образом, то есть сообразно принципу «от хорошего к плохому», низвести его ценность, опорочить, даже ослепительно белые стороны объекта представить как черные, замазать черной краской весь объект и в идеальном плане довести его до уничтожения. Русофобия не выражает и никогда в истории не выражала борьбу прогрессивного мира против деспотизма, самодержавия, варварства. Никогда она не была средством борьбы за освобождение русских людей от авторитар-

---

ного государства. Антирусские нападки Запада только скрывались за этими благими стремлениями.

Как бы мы себя ни вели, сколько бы действительно добрых поступков ни делали, нам не следует ждать ни похвалы, ни объективной оценки. Нас будут дискредитировать, обвинять в несодеянном нами зле, приписывать нам вину в преступлениях Запада. В своих СМИ «та сторона» не будет предоставлять нам возможности ответить, она не даст эфирного места альтернативной (и более правдивой) концепции. Говоря о плюрализме и свободе слова, она продолжит ограничивать диапазон высказываний, если дело касается России. Этому диапазону свойственно иметь ширину от точки, где Россия представляется не очень хорошей, до точки, в которой она видится очень нехорошей. Думается, такое явление продолжится до тех пор, пока одна из геополитических сторон не прекратит существование, пока по тем или иным причинам не рухнет в бездну само геополитическое противостояние. Поэтому нет никакого смысла впадать в «дурную рефлексю» и принимать клеветнические послы Запада всерьез. Вместо этого нам нужно переходить к жестким информационным, экономическим и дипломатическим ответам.

Управители «цивилизованного» мира и их находящиеся в России либеральные приспешники давно сбросили маски, продемонстрировали целую систему поддержки самого настоящего антигуманизма вплоть до откровенного нацизма. Вместо верховенства мировой демократии и всеобщего экономического процветания им нужны экспансия собственной власти и рост своего благосостояния — разумеется, за счет целых стран и народов. Национальные капиталы (деньги, природные ресурсы и т.д.), по откровенно криминальной или по либеральной схеме уведенные на Запад, укрепляют положение господ мира сего. Соответственно, средства, оставленные на родине и развивающие ее, воспринимаются недополученными капитанами глобализации. Такой «наглости» они простить не могут, поскольку возомнили себя легитимными глашатаями политического устройства мира и наделили себя правом решать, кто и в каких количествах обязан делиться своими ресурсами с так называемым «международным сообществом». Соответственно, любая попытка России в своей политике приблизиться к элементарному здравому смыслу, даже ее самые осторожные стремления реализовать национальные интересы расцениваются глобалистами как особенная дерзость.

Весьма тривиально выглядит мысль, согласно которой для своего национального сохранения мы должны помнить свою

историю — именно свою, а не экспортируемую извне «историю России». Но нам следует также сохранять в памяти и многообразный комплекс нападок «цивилизованного» мира, красной нитью проходящий сквозь эпохи и вносящий свой вклад в конфигурацию международных отношений. Под словом «нападки» подразумеваются самые различные формы давления, в том числе те, которые носят идеологический характер. Когда мы, помимо собственной истории, помним всё многообразие антироссийских догм, проходящих через века и десятилетия, и когда мы их осознаём именно в качестве недоказанных догм, мы имеем мощный ресурс против русофобского воздействия. Именно незабвенность национальной истории, сопряженная с общим уровнем образованности народа (с чем сейчас серьезные проблемы, учитывая продолжающиеся реформы образования), позволяет нам критически оценивать русофобские возгласы, безжалостно сдирать с них поверхностный налет научности и оставлять их разоблаченными — в смешном и совершенно неприглядном виде. Ведь их сущность — пустота.

Однако нынешняя реакция России на русофобские выпады разрозненна, бессистемна, слаба и замедленна. Во-первых, реакция должна быть системной, быстрой, сильной и асимметричной. Во-вторых, наиболее важна другая форма активности. Все-таки есть большая разница между реакцией на повестку дня и формированием повестки дня. Необходима мощная и целостная упреждающая стратегия информационного влияния, связанная с наличием стратегий, с качественным стратегическим видением.

В смысле информационного наступления речь идет не о предложении прибегать к такой же циничной, пропитанной инсинуациями, фальсификациями и ложью методологии информационной атаки, которая применяется по отношению к нам. В заимствовании «дискурса воображаемого» нет необходимости. Во-первых, если этика позволяет нашим оппонентам использовать такую методологию, то пусть это останется на их несуществующей совести. Во-вторых, обычный, даже отстраненный от морали, прагматический интерес не требует применения методологии дезинформации с нашей стороны. Незачем использовать обличающую наших противников ложь, когда они накопили огромное количество страниц неприглядной истории. Куда ни посмотришь, всюду под флагом демократизации и экономического развития странами «развитого Запада» осуществляется новый вариант колонизации с обеднением населения страны-объекта с целью потери ее суверенитета. Необходимо во всех СМИ об-

---

суждать многочисленные преступления Запада, о которых их медиаканалы предпочитают молчать. Нужно постоянно указывать на эти стороны деятельности западных правительств и изобличать их человеконенавистнические деяния.

На псевдоинформационное наступление нужно отвечать информационным контрнаступлением, а на санкции — давать уверенный симметричный ответ. И не просто отвечать, то есть действовать постфактум, а проявлять инициативу.

Важно на различных международных форумах постоянно задавать «той стороне» неудобные вопросы о доказательной базе их тезисов-фантазмов и выставлять ответственных за клевету и фальсификации лиц в крайне невыгодном свете перед мировой общественностью. Имеет смысл ставить виновных перед ответом за прежние русофобские риторические акции, многие из которых спровоцировали ряд реальных антироссийских действий.

В ответ на санкции российские чиновники заговорили об импортозамещении, о необходимости развития сельского хозяйства и экономически важных сфер. Получается, что до осуществления Западом столь мощного давления на Россию всё это развивать не надо было, и лишь санкции стали легитимным основанием для восстановления страны. Весьма странная логика. Все-таки независимо от характера отношений с другими странами архиважно осуществлять планомерное и комплексное развитие экономики России. Однако на неолиберальных (по сути, колониальных) рельсах сделать это невозможно.

Российская элита обычно очень неохотно реагирует контрсанкциями на очевидные враждебные, да еще и основанные на подтасовках и лжи, акции против нашей страны. Можно сказать, такая псевдореакция стала традицией среди российских властей, от которой нужно срочно отказываться. России необходимо вместо отправления одних лишь нот протеста отвечать более чем зеркально на голословные обвинения и следующее за ними давление, сопряженное с соответствующими действиями. Отвечать надо сильно, даже асимметрично, чтобы российская реакция перекрывала мощь антироссийской акции, и геополитический оппонент понимал, что имеет дело со страной, готовой себя активно защищать. Важно, чтобы он осознавал простую истину: его действия вызовут реакцию, крайне невыгодную для него же. Когда мы отвечаем слабо или вообще миримся с недружественными акциями как должным, то даем этим понять миру, что Россию позволительно унижать. Аналогичный сигнал Западу посылается и тогда, когда наше руководство вместо

самостоятельного формирования повестки дня всего лишь отвечает на повестку, сформированную за пределами России и настроенную против России.

Так, реакция российских властей на «дело Скрипаля» была довольно слабая. На высылку двадцати трех наших дипломатов из Великобритании следовало реагировать высылкой гораздо большего количества британских подданных из РФ. Нужно было поставить вопрос о прекращении отправки газа в Туманный Альбион. И прямо заявить о возможности разрыва дипломатических отношений между нашими странами. Поскольку дочь Скрипаля является гражданкой РФ, необходимо было заставить Британию объясняться и оправдываться, в то время как происходил ровно обратный процесс. Оправдания создают психологическую убежденность в виновности. Скрипаля-отца так и не показали и не позволили встретиться ни с отцом, ни с дочерью нашим консульским работникам, из чего следует вывод, что гражданка РФ была похищена. Следовательно, нужно было использовать все инструменты, чтобы обвинить британских «партнеров» в похищении российского подданного. Также целесообразно было бомбардировать британцев требованиями объяснить, как они допускают отравление на своей территории гражданки России, и вопросами о том, почему так плохо работают их специальные службы, отвечающие за безопасность. Важно было постоянно ставить их перед неудобными вопросами, требующими раскрытия всей доказательной базы. А за необоснованное, очевидно клеветническое, связанное с нарушениями Конвенции о запрещении химического оружия обвинение Англия должна была морально и материально заплатить. Но российская элита всё еще не готова обстоятельно и последовательно отстаивать национальные интересы.

Невозможно выиграть матч, просто стоя в воротах и отбивая нападение противника. При такой стратегии нашего поведения он, в конечном счете, забьет мяч и не получит достойного ответа. Оборона — это всего лишь средство отсрочить поражение. Но оборона плюс наступление — залог успеха.

Когда Запад развернул целую волну антироссийской дезинформации, когда антироссийские санкции почти достигли апогея, когда американцы решили отобрать у нашего посольства дипломатическую собственность, когда актуализировалась лицемерная травля российских спортсменов, когда Запад поддерживает украинский нацизм, с российской стороны должны следовать реальные действия, а не сдержанные претензии, высказываемые неуверенным голосом, — всего лишь высказываемые. Не следует ждать очередного

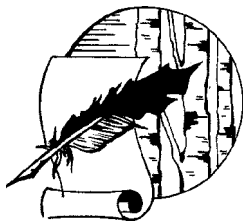

хода против нас с «той стороны», нужно идти в экономическое, дипломатическое, информационное наступление. Важно первыми осуществлять выгодные для нас действия, причем без всяких объяснений и оправданий. Думается, самая страшная для американских элит контрсанкция, которую может предпринять российский истеблишмент, — это увольнение (если не отправление на скамью подсудимых) либералов со значимых постов российской власти, отказ от расчетов в долларах, отход от покупки гособлигаций США, национализация Центрального банка и вообще отход от экономического неолиберализма.

На их санкции необходимо давать еще более решительный санкционный ответ. На необоснованные действия против наших спортсменов следует объявлять персонами нон-грата всех принимающих соответствующие решения западных спортивных руководителей и прекращать любую бизнес-деятельность с теми, кто сотрудничает с этими представителями олимпийского комитета. На активную антироссийскую истерию со стороны Украины, обильно замешанную на крови русских людей, надо было отвечать закрытием всяческой продажи Украине природных ресурсов и вообще сворачиванием любых торговых отношений. Наши протесты, громогласие которых не подкрепляется решительными действиями, заведомо бездарны и выступают всего лишь объектом насмешек для другой стороны. Наступающие на нас единым фронтом политические и корпоративные акторы знают только один способ взаимодействия — язык дипломатической, экономической, информационной силы. Советский Союз силой и решительностью обуздывал вероломство своих геополитических конкурентов. Современной России есть чему поучиться у СССР, ведь за невыученные уроки приходится платить национальным унижением и обнищанием народа. Мы это прошли в 90-е гг., когда Россия была ослаблена капиталистическими силами и действующими в их интересах местными либералами, пришедшими к власти. Необходимо решительно и бесповоротно закрыть эпоху национального предательства, выбросить ее в прошлое как действительно позорную страницу российской истории и начать двигаться вперед.

г. Омск

Валерий МИХАЙЛОВ

ОТ КРАЯ СУДЬБЫ И ДО КРАЯ

* * *

Дорога уходит в забытое поле,
Где рожь под луной серебром колосится
И в отсвете этом разлито такое,
Как будто ничто никогда не случится.

Не здесь ли допрежь, до сознания, до жизни
Ты брёл босиком, чуя свежие росы,
И смертной тоскою болел по отчизне,
Сминая травы неприметные слёзы...

Уплыли в моря тихоструйные реки,
Ведь велено водам по миру скитаться,
Но с чем ты, казалось, расстался навеки,
С тем больше тебе никогда не расстаться.

Дорога уходит не в поле, а в небо...
Пусть поле себе на земле остаётся...
И эхо несётся над волнами хлеба:
— Душа не прервётся! Душа не прервётся!

* * *

...и место его уже не узнает его.
Пс. 102: 16

Я в городе этом лишь дом наш любил,
Он детство моё одиноко хранил.
Но вот его нет, и я вспомнил, скорбя:
И место твоё не узнает тебя.

Я кинулся дедову дому вослед,
Но пусто и там, ничего уже нет,

Под яром в кустах лишь бормочет ручей,
Что он позабыт и давно уж ничей.

Скажи мне, родная моя сторона,
На что мне лихая твоя бузина
И эти глухие твои лопухи
На месте пустом у безмолвной ольхи?

На всей на Земле что мне рок сохранил,
Лишь несколько старых да новых могил...
Но пылью когда-то пойдёт и гранит,
Ведь долго земля ничего не хранит.

Изменчиво всё в этом быстром краю,
Надежда одна — лишь на душу мою.
Слетит ли сюда ещё, память храня?
Но место моё не узнает меня.

* * *

Что мне делать на этой земле,
Нипочём никогда я не знал.
Я по искрам в пуховой золе
Свою жизнь, как с небес, угадал.

Я подростком костры разводил,
Неотрывно я в пламя глядел.
Это всё, что тогда я любил,
Это всё, что тогда я умел.

Горек листьев черешневых дым,
Сладок веток черешневых зной...
Костерок становился седым,
Опадая легчайшей золой.

И в чужом облетевшем саду
Всё я понял тогда о себе.
В прошлом веке, в каком-то году...
О любви, о земле, о судьбе...

РОДИНА

По-над прошлым, по-над жизнью, по-над миром,
По-над кровью зрячей и слепой

Поднебесным журавли запели клиром,
Словно кличет Водолей на водопой.

Ни прощением жарким, ни прощанием
Душеньки уже не утолишь.
Родина! Ты северным сияньем
Незакатным над судьбой стоишь.

До кровинки до излётной, стылой,
До последней искорки огня
Светом ты своим насквозь пронзила,
Искупив у темноты меня.

Пью твоё дыхание ржаное,
За тебя у Господа молю...
И на том ли дальнем водопое
По тебе незримы слёзы лью.

* * *

Я любил тот высокий пустынный закат
И спокойный его, тихо меркнувший свет,
Что сиял над землёю столетья назад
И что будет сиять ещё тысячи лет.

Я любил тот невысказанный воздух весны,
Словно юной свободы пьянящий глоток,
Что в сырой черноте надышались, тесны,
Тополиная почка и клейкий листок.

Я любил ту степную горячую пыль,
Как шипя в ней вскипал тёплый дождик слепой,
Позабывшую ту босоногую быль,
Где когда-то я был самым лучшим собой.

* * *

Неужто это я бегу по тёплым лужам
Под дождик проливной, сшибая пузыри,
Как будто бы земле до капельки я нужен,
Как эти пузыри, с их радостью внутри...

И, пятками блестя счастливыми, босыми
На солнышке слепом в прогалах быстрых туч,
Неужто это я под струями косыми
На всю катушку жив и словно дождь певуч...

А как просохнет степь — вслед за бумажным змеем —
Неужто это я воздушною душой
Взмываю в небеса и долго-долго рею
И весь наш вижу мир, прекрасный и большой...

Но целый век прошёл — и притомилось сердце
Гнать медленную кровь по кругу лет и жил.
На пустоту времён ничем не опереться...
Неужто это я когда-то где-то жил?..

* * *

Как загоняли на счастье в колхозы,
Плакали лошади, блеяли козы,
С тяжким укором коровы мычали,
Словно как чуяли,
Словно как знали.

Но за неделю
До смертного рёва
Первой завыла собака дворовая.
Ночью ли, днём ли захлёбно рыдала,
Будто хозяйина предупреждала...

* * *

Ус крутил да часами молчал.
Колко супясь, газету читал
И придиричиво радио слушал.
На парадную поступь страны
Говорил лишь одно: — Брехуны!
И ворчал про себя: — Мать их в душу..

Внук однажды о прошлом спросил —
Всхлипнул глухо в ответ. Слезы лил.
Да рукою махнул еле-еле.
Нету силы о том вспоминать,
Как загнали в степя помирать.
Молвил только: — Хоть мир посмотрели...

* * *

Всё ж когда тебя сбили с пути,
И винтовку ты поднял на брата,

Эхо смутное — «Боже, прости!» —
В ясном сердце метнулось кудлато.

Лавой огненной кровь полилась
На гульбу мирового пожара.
И чумел ты, спиртягой давясь
Под картавой слюной комиссара.

Ты в кострища иконы швырял,
Девять грамм не шадил на святого.
Но, шальной, краем глаза хватал
Жуть свеченья того золотого.

Наплывали в бреду, как обвал,
Тёмноликие древние своды...
И ты белые церкви взрывал,
Матерясь от постылой свободы.

Ты кулацкую гниду давил
Так, что край весь от голода вспухнул.
Но однажды тебя поразил
Стон земли, словно колокол ухнул.

И когда повели на расстрел
Самого, вдруг шепнул: «Боже святой...»
И в глаза палачу посмотрел
С благодарностью виноватой.

* * *

Никаких нет ворот у Никитских ворот,
Но о том вряд ли помнит народ,
Что снуёт у Никитских ворот взад-вперёд,
На машинах без продыху прёт.

И на улице той, по названью Лесной,
Не слышать, чтоб шумело листвою.
Ни берёзки сквозной, ни рябинки резной,
Лишь асфальт и зимой и весной.

Жизнь, конечно, права, память вечно жива.
Но одни остаются слова.
Зеленеют слова, и желтеют слова,
И по ветру летят, как листва.

Бог ты мой, Бог ты мой, сердцу нужен покой,
Только нет его в жизни земной.
И молчит предо мной, и летит надо мной
Мир серебряный, мир золотой.

* * *

Наши погостики лёгкие, милые,
Крашены краской какой-то голубенькой,
Крестики там покосились хилые,
Звёзды из тоненькой жести нарублены.

Нету почти там гранита тяжёлого,
Мрамора ясно-холодного, скользкого,
И на оградках потрескалось олово...
Кустики, яблоньки... столько там свойского.

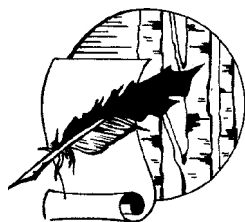
Наши погостики славные, нищие,
Дождиком вымыты, солнышком крашены,
Там воробы важно кормятся вишнями,
Стопкой гранёной бродяжки уважены.

Наши погосты, как небо, свободные.
Чисто жилось — так добром поминается...
Значит, такие здесь Богу угодные,
Стало быть, так оно и полагается...

* * *

Война против нас не кончалась,
Война эта будет всегда.
Одна ты, Россия, осталась,
Как в небе пред Богом звезда.
От края судьбы и до края
Лежит заповеданный путь.
Гореть же тебе не стораю...
От ада до светлого рая
Недолго, немного, чуть-чуть...

г. Караганда

Светлана СУПРУНОВА

РОССЫПЬ ЯБЛОК НА СНЕГУ

ТРЕТИЙ ТОСТ

Нас соберёт однажды время,
Нарушив будничный уклад,
И, лапу положив на темя,
Заставит посмотреть назад.

Вручит стаканы нам по праву
И, насыщая интеллект,
К словам подсыплет, как приправу,
Родной афганский диалект.

Война покажется подружкой,
Вновь обнажая полюса,
И будет вертолёт — «вертушкой»,
«Зелённой» — редкие леса.

Тяжка смертельная пропажа.
Воскреснут лица в тишине,
Которые эпоха наша
В чужой рассеяла войне.

В укор посмотрят, неутешно,
С иконы будто — свысока.
За третьей стопкою поспешно
Сама потянется рука.

За тех, кто под звездой упрятан
От жизни этой, как от бед,
За тех, кто в цинке запечатан
И у кого могилы нет,

Кто жуткий крик в горах оставил,
Чей стон в душе своей храню,
За всех, кто, падая, добавил
Свеченья Вечному огню!

ИСЧЕЗАЮЩИЕ ДЕРЕВНИ

Мы сегодня с тобой неуклюжи,
Под ногами сухая листва,
На пути то ухабы, то лужи,
До калитки по пояс трава.

И, пробравшись, калитку открою,
И поглажу сухие стволы...
Окна старые вровень с землёю
И обшитые тёсом углы.

С ощущением какой-то утраты
Я коснусь потемневшей резьбы,
Снеговик из бумаги и ваты
Встретит нас за порогом избы.

Над кроватью, такой старомодной,
В рамке простенькой чей-то портрет.
Три ступеньки к лежанке холодной
И пустой, нараспашку, буфет.

Люди добрые, дом умирает!
Мы, продрогшие, ищем ночлег.
...В тишине, где так рано светает,
Пять старух доживают свой век.

ШЕСТЬ СОТОК

Как будто отпустили беды,
В полях и небе мирный гул.
Он рано встал и в День Победы
Друзей ушедших помянул.

Летели годы, шли парады,
Опять то ливни, то пурга.
В шкафу солдатские награды,
В чужой земле — его нога.

И в доме не было излишка,
Но радость всё-таки была:
Шесть соток — грядки и домишко,
И всё дела, дела, дела...

Хозяйка рядом, помогала,
Потом Господь её прибрал.
Земля цвела, земля дышала,
А он мотыжил и копал.

В рубаше белой, без пилотки
Ходил к колодцу в суховой.
Оборонял он эти сотки —
Кусочек Родины своей.

* * *

Двери тёмные, стальные.
Постучать ли, позвонить?
Я живая, вы живые,
Так давайте говорить —

Всё о том, о чём хотели
Говорить бы целый век,
Что вчера ветра шумели,
А сегодня падал снег.

Что отпелось, отгулялось,
Ни души на берегу,
Что от осени осталась
Россыпь яблок на снегу.

Что летят опилки к дому,
Что в стволах текут года.
Пилят, пилят по живому,
Расширяя города.

Вспоминать бы всё, что мило,
Вспоминать под шум дождя,
Как растерянно кружила
Птица, ветки не найдя.

Может, вспомним, что живые,
С душ озябших смоем грим.
Все свои мы, все родные,
Но об этом промолчим.

В СТАРОМ ДОМЕ

Старый дом и новый дом.
В первом — тусклые окошки,
Жуткий запах, бродят кошки,
Всё не так, как во втором.

Вечно охает, скрипит
Дверь расшатанная тяжко,
На ступеньке грязной Пашка
Беломориной дымит.

Ни мыслинки дельной нет,
В голове темно с похмелья,
Комнатка его — как келья:
Стол, кровать и табурет.

Потянуло сквозняком,
А на Пашке лишь тельняшка.
В щель дверную видит Пашка
Только снег и новый дом.

Как там держится народ? —
Перемолвиться бы словом.
И не знают в доме новом,
Как тут Пашка? как живёт?

* * *

Сидела в несвежей рубашке,
Глядела на рюмку с тоской.
Что деньги? — да просто бумажки,
Чтоб как-то поправить настрой.

Шумели, квартиру делили,
Наскакивал коршуном брат..
В хибарку её отселили
И сколько-то дали денегат.

Солёным грибком закусила
Она под кошачью возню.
Что деньги? — да тёмная сила,
Чтоб как-то рассорить родню.

И было и страшно, и тяжко,
И думалось в этой глуши:
Неужто такая бумажка
Прилеплена вместо души?

* * *

Вот он, домик у тихой реки,
Где под окнами бледные розы,
Где в траве копошатся жуки
И до ночи летают стрекозы.

Утра свежи, и синь высока,
И рукою подать до погоста.
Дверь не заперта, нету замка —
Что скрывать? — всё по-божески, просто.

И дела здесь и помыслы в лад,
Знают жизнь, равнодушны к излишку,
О погоде, хлебах говорят
И не прячут подальше сберкнижку.

Может, путь весь уже позади,
Домочадцам бесхитростным глянуть,
И рукой остановят — сиди!
И послушаюсь я, и останусь.

ПОЭТЫ

Поём о звёздах и туманах луга.
Как поездами манит нас вокзал!
Кто слышит нас? А слышим ли друг друга,
Летающие на лучший пьедестал?

Шумим, шумим... Отпугиваем думу.
Остались мысли, ссыпаны в мошну.
Мы всё шумим и так привыкли к шуму,
Что разучились слушать тишину.

Луна в окошке, ситцевая шторка.
Из года в год то снег, то комарьё.
Мы здесь затем, чтоб всматриваться зорко
И молвить слово — светлое, своё.

Всё это нам — терзания людские,
И потому поменьше дан ломоть.
И не смолчать, когда молчат другие.
Перо и лист доверил нам Господь.

* * *

Всё поля вокруг да огороды,
Парится в заварнике чабрец.
Кольцами стянули сердце годы.
Сколько же осталось тех колец?

Голова под шапкой всё белее,
Снова снег и лужи у крыльца.
Вот ещё кольцо, и тяжелее
Под лопаткой левой от кольца.

Для чего-то копятся печали,
И земным печалям нет конца,
И смотрю в заоблачные дали,
И боюсь последнего кольца.

Каждый год, увы, всё разудалей,
Всё больнее выстраданный стих.
Наверху не может быть печалей.
А смогу ли, грешная, без них?

г. Калининград

КОМСОМОЛКА

ПОВЕСТЬ

ПОДЭСПАНЬ

Еще в детском саду мы с ней были в одной группе, и уже тогда я выделял ее среди прочих девочек. Позже я думал: детство, юность и даже зрелые годы мне пришлось быть рядом с ней, и только с ней! Или, по крайней мере, вблизи нее, в поле ее интересов...

В детском саду, готовясь к утреннику, мы с ней разучивали какой-то странный танец — то ли краковяк, то ли подэспань. Мне надо было держать маленькую Любу за мизинец, она в этот момент слегка приседала, я же, как мог, быстро и старательно кружился вокруг нее, голос воспитательницы подгонял нас всех до нужной скорости: кружитесь, мальчики, кружитесь! Быстрее, быстрее!.. Девочки, приседайте, не моргайте глазками!..

Девочки торопливо приседали, мальчишки ходили вокруг неуклюже, чуть вперевалку, тогда это не казалось смешным.

Я не любил танцев, и сам никогда не хотел танцевать. В дни репетиций я почти с отвращением чувствовал Любин палец — мягкий, поднятый торчком вверх, чуть влажный, горя-

ПРОЗА

чий и липкий, за который я вынужден был держаться и вокруг которого старательно бегал на цыпочках. Ненавистное лицо куклы, лицо девочки, с которой меня принуждали танцевать этот глупый танец... Я смотрел на маленькое Любино лицо как на лицо врага.

Однажды во время репетиции я посмотрел на ее приоткрытый, часто дышащий рот, и вдруг понял, что мне надо не драться с этой девочкой, а немедленно поцеловать эти маленькие, распухшие от напряжения и чуть слюнявые губки. Но я понимал, что для этого я сам еще маленький, и так делать нельзя — воспитательница накажет, а ребята засмеют, начнут показывать пальцами. На мгновение остановился, погасил танец. Люба тоже остановилась, взмахнув тонкими руками. Вопросительно смотрела на меня широко открытыми вопрошающими глазками.

Остальные дети тоже перестали танцевать.

— Ну, это еще что такое? — крикнула полная, пыхтящая при каждом слове воспитательница. — Что за фокусы?

В руках у нее был бубен с натянутой пергаментной пленкой, воспитательница не больно, но весомо ударила меня по стриженной голове мягкой стороной инструмента, звякнули бубенцы, ребята засмеялись.

Но Люба не смеялась, она, видимо, почувствовала что-то, связанное со мной как с мальчиком. Ее маленьким открытым ртом дышало само детство. Она медленно протянула ко мне свои оголенные тонкие руки, на которых до самых узких плеч выступили мурашки; девочка глубоко вздохнула, словно что-то хотела сказать, и вдруг заплакала, закрыла лицо ладошками и убежала в раздевалку.

Воспитательница в недоумении развела руками, окинула меня с ног до головы презрительным взглядом и вперевалку, с трудом осиливая свой вес, пошла вслед за Любой — ведь та была дочкой местного торгового начальника!

— Люба, Любочка...

В тот же день в обед мы с Любой и еще двумя детьми сидели за одним столиком и ели суп из мерзлой картошки — от выделившегося в результате охлаждения крахмала суп всегда был слащавый, приторный, слизистый, словно Люба помыла в нем свои потные ладошки. На второе та же сладкая и липкая мерзлая картошка-пюре плюс соленая котлета, неплохая по тем временам. На третье совсем уж замечательный теплый компот из сушеных яблок, на некоторых дольках даже после варки были заметны ходы червоточин, а в сердцевинах яблочных ломтиков сохранились червячные яйца, похожие на белые маковые зерна. Но все равно было вкусно. Ели

мы по-детски неторопливо и неохотно, во время еды почему-то поглядывали друг на друга.

Над тарелкой я видел большие Любины глаза — они и тогда были такие же темные, яркие, как во всю последующую жизнь; я тогда и вообразить не мог, что эти глаза станут стражами моей юности, молодости, а затем и моей журналистской зрелости.

ЗНАЧОК С ПОРТРЕТОМ

В школе она была, разумеется, отличницей, а мне выпало сидеть с ней за одной партой. Классная начальница рассадил нас всех так ради дисциплины — девочек с мальчиками. В первом классе всех приняли в октябрята. Любу выбрали командиром «звездочки». Октябрятам выдавался значок в виде пластиковой пятиконечной звезды с миниатюрным фотографическим портретом кудрявого мальчика в кружочке, в самом центре значка. Это был маленький Ленин. Казалось, он тоже октябренок, и тоже где-нибудь учится на одни пятерки. Класс разбивался на маленькие отряды по пять человек, в нашем классе было, кажется, четыре «звездочки».

Шли годы, наполненные разнообразными событиями, но мне хочется скорее перейти к рассказу о нашем отрочестве и юности, когда я почувствовал, что люблю свою Любу, и что она — моя судьба. Росли мы быстро, вскоре Люба была уже пионеркой, командиром отряда нашего класса, затем председателем совета дружины школы, агитировала нас, бездельников и хулиганов, собирать металлолом и макулатуру, водила к «подшефным» старикам копать огороды, пилить и колоть дрова. Это было веселое время, мы охотно подчинялись нашей маленькой серьезной начальнице, тем более она уже тогда становилась постепенно красавицей.

Кажется, уже в девятом классе учительница литературы Галина Ивановна зачитала перед всем классом отрывки из наших сочинений на тему «Кем быть?». Разумеется, зачитывала самые глупые и смешные отрывки. Мое сочинение было прочтено почти целиком — ребята смеялись, я был доволен, ведь я нарочно написал, что собираюсь стать монахом, построить себе избушку в лесу, чтобы прожить в одиночестве и молитвах всю оставшуюся жизнь.

Наш бдительный педагог читала, поглядывая на меня поверх тетради, в ее синих глазах мелькали официального оттенка вспышки. Она смотрела на меня с откровенной и в то же время загадочной ненавистью. Кажется, я ей немного нравился. Кстати, молодая незамужняя Галина Ивановна мно-

---

гим из наших ребят тоже нравилась. Ее недавно назначили нашим классным руководителем, и она изо всех сил принялась нас воспитывать.

Люба несколько раз перехватывала мои взгляды, направленные на круглые колени учительницы, обтянутые чулками в рубчик, и потихоньку грозила мне пальцем с красивым золотым перстеньком.

Галина Ивановна заметила мои взгляды, и еще сильнее покраснела. Разгневавшись, она решила вынести мое «крамольное» сочинение на заседание школьного комитета. Мне показалось, что она нарочно так устроила, чтобы Люба, которая в то время была комсоргом школы, идеологически заклеила меня как плохого комсомольца и объявила строгий выговор с предупреждением об исключении из рядов. Комсомольцы школы должны понять, что в нашей огромной счастливой стране невозможно выбрать путь отшельника — это будет откровенный вызов государству. А что будет, если все молодые люди тоже захотят сделаться отшельниками? Кто тогда будет летать в космос, возводить города, электростанции, заводы, пахать поля? Кто, наконец, будет служить в армии?

Однако Люба, видимо, не собиралась проработать меня изо всех сил. Она точно знала, что я не «враг народа», хотя и дружу с пожилым соседом Пал Иванычем, старым большевиком и бывшим краскором, недавно вернувшимся из Чадлага и полностью реабилитированным. В те годы уцелевшие старые большевики вновь оказались в почете. Я попросил Пал Иваныча прийти на предстоящее заседание школьного бюро — пусть хотя бы он за меня заступится! Старик тотчас согласился, хотя и поругал за «глупое» сочинение — нельзя дразнить учителей и наставников. С начальством, дескать, надо обращаться чрезвычайно осмотрительно, как с миной, поэтому иногда лучше помалкивать... Однако сам ветеран не молчал никогда, за что и загремел в тридцать седьмом в Чадлаг.

НАШЕ БЕДНОЕ ШКОЛЬНОЕ ЗНАМЯ

Наступил день моей проработки. Когда все были в сборе, в учительскую вошел старик в сталинском зеленом картузе с высоким верхом и, тюкая по полу тросточкой, прошел в угол, сел на свободный стул. Подбородок старика опирался на ладони, сложенные ковшиком, опущенные, в свою очередь, на костыль. Иногда ветеран машинально шамкал челюстью, казалось, что он хочет сказать что-то дельное. Старик был

опытный оратор, прошедший через тысячи собраний, он выжидал свою минуту.

— Этот старик зачем припёрся? — Люба бросила недовольный взгляд на Пал Иваныча. В ее глазах вспыхнул проблеск юного номенклатурного высокомерия. — Я его не приглашала.

— Он — мой адвокат! Я позвал Пал Иваныча заступиться за меня!

— Разве ветеран революции разделяет идеи твоего «монашества»? Он тоже за выход человеческой личности из общества?

— Мою «идею» он не разделяет, однако ему я смог объяснить, что мое сочинение — шутка. Ветеран всегда за чистоту человеческих помыслов, он — настоящий коммунист, потому что страдал!

Она с иронией взглянула на меня и повертела пальцем у виска:

— Ты порой умеешь так здорово придуриваться, Саша, что сразу не поймешь — шутишь ты или говоришь серьезно... Собрание мы, конечно, проведем, потому что все собрались, но... — Люба огорченно взмахнула рукой.

— Скажи, Люба, а все эти пионерские, комсомольские и прочие мероприятия действительно проводятся ради счастливого будущего человечества?

Она с легкой улыбкой смотрела на меня как на малого ребенка, ничего не понимающего в жизни, поигрывала карандашом в тонких белых пальцах.

— Я никогда не проводила мероприятий ради галочки в отчете! — гордо и отчетливо произнесла она. — Но как ты смог... как ты посмел сочинить т а к о е ? Твое сочинение отходит не только от линии партии, но и от всего смысла идеологической борьбы! Вот сейчас выступит Пал Иваныч, ровесник революции, он наверняка назовет тебя оппортунистом, уклонистом и вообще «правым»!

— Я и так знаю, что я прав! — ответил я, стараясь не слишком злить ее своими высказываниями.

Первой начала говорить Галина Ивановна, она зачитала чуть ли не всё злополучное сочинение, которое теперь и мне самому казалось глупым, ведь я уже подрабатывал в районной газете на правах внештатника, получал гонорар, местные журналисты относились ко мне как к нормальному товарищу.

Галина Ивановна несколько раз взглянула на меня, и я был доволен этими диковатыми взглядами молодой, но, как я чувствовал, настоящей женщины. Именно это ощущение

«настоящести», загадочности, заставляло меня с необъяснимым восторгом смотреть на слегка припудренное лицо Галины Ивановна, и в это время я забывал о м о е й Любе. Почему она была именно «моей», я объяснить не мог. И Люба, наверное, чувствовала, что я каким-то образом принадлежу ей, хотя бы уже потому, что мы вместе ходили девять лет в школу и из школы, и все эти годы сидели за одной партой. Нас дразнили «женихом и невестой», иногда я дрался с насмешниками, но чаще всего не обращал на них внимания.

Ради сегодняшнего маленького спектакля, называемого «заседанием школьного бюро», я надел новую «стиляжную» рубашку навыпуск с рисунками огурцов по пестрому полю, на мне были зауженные синие брюки и желтые туфли-«лодочки». Стиляга, одним словом!

Люба, перехватывая взгляды Галины Ивановны, кажется, ощутила что-то вроде ревности и решила «проработать» меня по полной программе. В старые времена, когда сажали сотни тысяч Пал Иванычей, мне бы тоже не поздоровилось, но я тогда и не посмел бы изобразить себя в школьном сочинении в роли монаха.

Щеки Любы во время доклада ало пунцовели, омрачаясь временами до уровня цвета чуть пыльного бархата знамени. Остальные ораторы также вяло меня клеймили, призывали образумиться. Все шло по давно заведенным правилам подобных собраний.

Подошла очередь говорить Пал Иванычу. Старик медленно встал со скрипучего стула, вышел к столу президиума, чтобы собравшиеся его видели, протянул вперед подрагивающую ладонь, ощупал краешек знамени школьной организации. Он молча теребил золотистую, твердую как проволока бахромю, гладил изломанными в попытках пальцами переливающийся бархат знамени и вдруг лающе воскликнул:

— Товарищи комсомольцы! В смысле защиты моего юного друга и писателя скажу одно: он затронул боль главной революционной точки — сознание человека и возможность управлять этим сознанием. То есть попытался определить свое человеческое предназначение не фактом, но идеей...

Я удивился: старик, побывав в Чадлаге (лагерь при руднике имени П. Чаадаева), нахватался там разных словечек, за которые его даже в нынешние времена могли снова отправить в Магадан.

— В данное время в обществе наблюдается переход не от идеи к мысли, — продолжал старик, — но от идеи к телу! — Он сделал паузу, многозначительно взглянул на круглые под на сей раз капроновым чулками колени Галины Ивановны,

---

затем перевел взгляд на Любу, на ее уже вполне высокую грудь, прикрытую школьным фартуком. — Как вы все, товарищи, знаете из исторических примеров, духовное загнивание ведет человека в туманный капитализм!

Слова «капитализм», «социализм», «оппортунизм» старик всегда произносил с мягким знаком.

Люба буравила его взглядом темных, нефтяного оттенка глаз, казалось, эта нефть кипит, создавая радужные облачка над убогим школьным залом. Эпоха переламывалась в этом ее все более строгом, и в то же время хитром взгляде.

Ветеран аккуратно погрозил Любе пальцем, губы старика растянулись среди морщин тонкой змеиной усмешкой.

— Ишь, отыскалась, выдающаяся!.. А знаешь ли ты, госпожа комсомольская мадам, что прощание с красным цветом знамени происходит в данный исторический отрезок времени чисто механически? Этого цвета скоро не будет, да не позволит мне материалистический бог дожидать до такого позора... — Ветеран обернулся, тронул древко: ало-малиновое полотно шевельнулось над ним всей своей сконцентрированной угрожающей чернотой. Старика кое-как уgomонили и вежливо усадили на место.

— Мы больше не доверим тебе нести знамя комсомольской организации школы! — твердо произнесла Люба, глядя на меня повеселевшими от принятого решения глазами.

— А ты кто такая? — вскипел я, поражаясь двусмысленности ситуации, в которой я оказался: я был «ее парень», и вот вдруг она устраивает мне общественную проработку! — Этот вопрос решаешь не ты, а общее комсомольское собрание школы.

— Достаточно решения бюро, а оно решит так, как захочу я! — торжественно произнесла Люба, словно бы упиваясь собственной властью. При этом она с откровенной враждебностью взглянула на меня. Это был наш первый идеологический конфликт на фоне юношеской влюбленности. Как тогда было принято говорить, «проблема совмещения личных и общественных интересов». Разумеется, на первое место во все времена ставились общественные интересы, выражаемые тем или иным начальником.

Участились наши конфликты гораздо позже, когда она начала стремительно подниматься по партийной лестнице, а я навсегда остался простым сельским журналистом. Тем не менее Люба всегда, по выражению Пал Иваныча, норвила «сделать идеологический подкоп» к моей душе, даже мое скромное писательство она намеревалась каким-то образом направить в русло «полезного служения партии».

Знамя... Почему в то время меня так тревожил его странный образ? Вроде бы всем надоевшее знамя, которое с осени и до весны болтается над промозглым школьным тамбуром, выцветая к лету до серой тряпки. И всё же оно трепетало, а на ветру гудело, призывая к учебе и труду. Но было у нас в школе и второе знамя — парадное, с никелированным наконечником, стоящее в тиши кабинета на специальной подставке, знамя школьной комсомольской организации — большое, с вышитым золотом комсомольским значком и силуэтом Ленина. Думалось — вот знамя и красный справедливый цвет! Всё мое тогдашнее самосознание как общественной личности укладывалось в эти два символа — значок и цвет. Иногда по просьбе Любы я вносил это знамя под звуки гимна в актальный зал во время торжественных мероприятий. Его теплая, черная, с малиновыми всплесками густота казалась мне почти живой. И я вдруг ощущал свою ответственность и значимость под этим знаменем: оно на ходу в безветренном гулке коридоре трепетало в моих напряженных руках. В какие-то моменты холод нежного бархата, шершавость золотых кистей касались моих щек — знамя норовило дотянуться до моего рта своей бархатной мягкостью, влипало от своего собственного трепетания в мои губы прохладно-пыльным поцелуем, удушая запахом не застоялой кладовки, но безграничной, космического масштаба идеи. Знамя — это моя Родина в ее мягком и возвышенном прикосновении, которое напоминает о вечернем прохладном поцелуе Любы. И от этой Родины я не собирался хорониться ни в скит, ни в пещеру, ни в монастырь. Я в своем сочинении пошутил насчет того, что стану схимником, но принципиальная Галина Ивановна, как мне тогда казалось, слегка равнодушная ко мне, видимо, моего юмора не поняла, а может и поняла, но по каким-то причинам решила создать мне неприятности школьного масштаба.

«НАДМЕННАЯ ЕВРОПА»

В том же девятом классе Галина Ивановна попросила меня написать небольшую пьесу к юбилею Октябрьской революции. Желательно было изобразить в 20-минутной сценке историю нашей страны с 1917-го по 1967-й год.

Я пытался отказаться, дескать, не сумею, опыта нет. Галина Ивановна настаивала:

— Ты же у нас писатель! — повысила она голос до почти что педагогической строгости. — Я читала в районной газете несколько твоих рассказов — очень даже ничего!..

Она взглянула на меня с некоторой даже насмешкой, но в глубине ее глаз я вдруг различил холодные, как буравчики огоньки полулюбви-полуненависти.

Я в ответ простовато улыбнулся. Эта простоватость уже в школьные годы меня здорово выручала, тогда это называлось «придуриваться», «валять ваньку», это могло спасти человека от разных нагрузок и ненужных общественно-полезных работ. В то время это называлось «пофигизмом». Ни «да», ни «нет». При попытке отказа от добровольно-принудительного мероприятия надо было пожимать плечами — торопливо, по-школьному, резко передергивая ими.

Однако эти мои привычно-невразумительные подёргивания Галина Ивановна расценила как согласие, она удовлетворенно кивнула головой, украшенной городской химической завивкой. Я видел близко ее лицо, с крупинками пудры въевшимися в красноватую, не очень здоровую кожу. Она слегка наклонилась, лицо ее было очень близко, в зоне досягаемости поцелуя, и я почему-то подумал, что ее можно было бы сейчас поцеловать, ведь в классе-то мы находились совсем одни... Но я не мог на это решиться, потому что в класс в таких случаях обязательно кто-то заходит, а во-вторых, самое главное, я не знал, как отнесется к этому Галина Ивановна...

— В пьесе в главной роли выступит т о я Люба! — Она именно так и подчеркнула, почти со злорадством — «твоя»!

— Почему же это вдруг «моя»? — невольно вырвалось у меня. Слово «вдруг» тоже было ни к чему, но так у меня само собой получилось. То есть я не знал, почему Галина Ивановна подчеркивает мою нескрываемую симпатию к действительно несравненной Любе. Я хотел бы сказать, что и «вы, Галина Ивановна, мне тоже очень симпатичны, и я бы с вами охотно... подружился». Так бы и надо было сказать — с паузой, чтобы она, отбросив свое четкое педагогическое мышление, дала бы волю своим истинно женским чувствам. Но, видимо, чувства и табу, окружающие смысл существования человека, лишь подогревают затаенные желания. И, наверное, проще оставаться в кругу этих желаний и мыслей об этих фантастично неисполнимых желаниях. Хотя я знал, что из-за любви и непреодолимой страсти в отношениях между противоположными полами часто нарушаются условности и запреты.

Галина Ивановна что-то, наверное, почувствовала в моем молчании, расслышала мой вздох, по-своему поняла мой потупленный, упертый в поцарапанную парту взор. Я осторожно, с затаенной улыбкой взглянул на нее. Моя молодая классная слегка скривила тонкие, но красивые губы, вытя-

---

нув их канцелярской стрункой, и тоже взглянула на меня, на сей раз испытующе, с почти с откровенной нежностью; она, кажется, готова была погладить меня по голове, как непутевого сына, ведь мы, ученики ее класса, были для нее почти что как ее собственные дети, которых у нее пока еще не было. Она, как я догадался, хотела мне что-то сказать, но, видимо, она боялась своего неправильного чувства. Зато я чувствовал это чувство и осязал его на расстоянии как настоящее, ведь недаром я был уже почти что писатель и печатался в районной газете. У меня была местная маленькая слава, что делало меня взрослее, увереннее и позволяло считать себя почти что равным взрослой Галине Ивановне. Громко стучало моё творческое юное сердце, я был готов к разнообразным подвигам!

— Мы обговаривали с Любой эту пьесу! — Галина Ивановна тяжело вздохнула, сохраняя, таким образом, деловой непринужденный тон. — Она хочет в этой пьесе сыграть роль Надменной Европы.

— Какой еще «Надменной Европы»? Что за бред?.. То есть я хотел спросить, что она еще этакое придумала? Откуда она взяла эту роль, ведь пьеса еще не написана?

— Пьесу ты, Саша, конечно, напишешь, методическая помощь с моей стороны несомненно будет... А сюжет мы с Любой придумали такой: надменная красавица Европа с иронией поглядывает на простушку-Россию (ее роль предположительно будет исполнять Майя Манцева, наряженная в традиционный русский наряд с кокошником). Далее сюжет развиваешь ты, как драматург, используя для этого как исторические, так и современные образы, но при этом одно условие — убрать иронию и даже малейшую насмешку. Всё в пьесе должно быть серьезно и трагично.

— А почему бы Любе не сыграть роль доброй «девушки России»? — спросил я. — Почему она выбрала для себя отрицательную роль? И почему она сама ни разу не сказала мне о том, что она собирается играть главную роль в пьесе, которая пока еще не написана, а будущий автор, то есть я, и вовсе не знает о том, что затевается культурное мероприятие школьного масштаба? Откуда в Любиной голове возникли странные фантастические персонажи?

— Данные девушки-антагонистки представляют собой два различных образа жизни — капиталистический и социалистический. Эти два образа жизни находятся в постоянном идеологическом конфликте... — терпеливо объясняла Галина Ивановна. От ее темно-синего педагогического костюма пахло какими-то терпкими духами, когда она наклонялась ко

мне, сидящему за партой, сесть рядом со мной она почему-то не решалась, однако наклоняла голову так низко, что я чувствовал щекочущие прикосновения ее химических кудряшек. Вокруг шеи взрослой женщины словно бы кипели кружева нейлоновой блузки. Прозрачность этих кружев напоминала о чем-то далеком, почти мультипликационном; я думал о западных морях, о красавице Европе, дыхание будущей пьесы словно бы поднималось от вздымающейся груди Галины Ивановны к ее, как всегда, ярко-алым накрашенным губам.

«Боже мой! — подумал я каким-то неестественным для себя взрослым мышлением. — Как легко возникает и пропадает воображение рядом с женщинами. Ну, кто они такие? Почему они на меня так действуют? Почему рядом с ними исчезает мысль и появляется некое чувство, сдерживаемая страсть, подчеркивающая все правила логики?»

Мне хотелось взять ладонь Галины Ивановны, и крепко сжать ее. Ладонь эта во время нашего разговора осторожно почти гипнотическими движениями поглаживала край парты. И ладонь эта была не тонкая, и не светлая, а довольно таки обычная, с заметным рисунком кожи, и даже натруженная, ладонь девушки из пригорода, которая окончила институт, и, в перерывах между работой, помогает матери пропалывать огород. Но я не осмелился этого сделать. Моя трусость в отношениях с женщинами и на сей раз не позволила мне сделать первого шага. А женщина почти всегда ждет от мужчины какого-то действия, хотя бы намек, взгляда...

В тот же день я спросил Любу насчет пьесы — что она такое задумала и кому эта ерунда пришла в голову?

Она напустила на себя загадочный вид и как-то странно улыбнулась.

Я тоже с удивлением смотрел на нее, будто впервые видел с ее стороны что-то наподобие розыгрыша. Оказывается, она умеет шутить путем навязывания мне сочинения заведомо обреченных на непонимание фантазмагорических пьес с разными там Европами и соцстранами, о существовании которых мы знали только из газет. Был СССР, а всё остальное терялось в черной дымке капитализма, оскалившего свою акулю пасть против всего развивающегося в нужном направлении в соответствии с марксистско-ленинским учением.

Она объяснила мне, что хотела согласовать вопрос о постановке пьесы официально, то есть при посредничестве Галины Ивановны в качестве классного руководителя. Налицо так называемый «консенсус» между руководством школы и комитетом комсомола! Мое участие в качестве автора — дело трестепенное, как она тонко намекнула. Автора той

или иной степени талантливости всегда можно где-нибудь найти — дело тут не в таланте, а в принятом решении руководства по поводу того или иного творческого мероприятия.

— А почему ты решила исполнить роль именно Европы, а не Юной Советской Власти, преобразившейся затем в современную Россию?

Она на минуту задумалась и ответила примерно так:

— Юная революционная Россия, дававшая много призрачных надежд, благодаря разнообразным отступлениям от ленинского учения и предательства разнообразных социальных групп превратилась в конце концов в обитель дряхлых бывших палачей, вроде Пал Иваныча, который всем своим обликом и речами дискредитирует прошлое и настоящее советской власти. Разумеется, эти типы в будущем исчезнут... Моя роль комсомолки удержать в нашей стране ленинские нормы социализма на должной высоте! Этой пьесой я хочу доказать местному одубовевшему народу, что Советская Власть жива...

— Значит, твоя роль на сцене, роль Прекрасной Европы, заведомо пораженческая и оппортунистическая? Представляю, как тебя освищет из первых рядов зрительного зала наш неугомонный Пал Иваныч!

ПРОХЛАДНАЯ ВОЗЛЮБЛЕННАЯ

Спустя несколько лет перед ней вдруг открылась головокружительная карьера — после окончания школы ее взяли сначала в райком комсомола, затем почти сразу же инструктором райкома. Были в то время в ходу такие выражения: «брать на должность», «взять в учреждение», «послать на повышение» и т.д.; прошел слух, что Любу, из-за ее внешности и строгого рассудительного ума собираются «взять» аж в самую Москву, в ЦК! Но тут «подули ветры перемен» и столица не получила новую Коллонтай или, по крайней мере, Фурцеву. Идеологическая карьера симпатичной девушки оборвалась, однако высокие покровители ее не бросили, взяли в какую-то солидную контору, сделали для виду главным директором фирмы, этакой зиц-председательшей, чтобы в случае краха липовой конторы все грехи взвалить на нее. Но ничего плохого пока не случилось, дела фирмы пошли в гору, вскоре Люба проявила свой руководящий характер, путем интриг отстранила от власти бывших коллег по воспитанию молодежи, хотя те грозились ее пристрелить... Обошлось — их первыми то ли посадили, то ли они ударились в бега, а Люба сделалась умным и привлекательным «лицом фирмы».

Всюду ее возили на бронированной иномарке, она давала интервью на страницах бывшей партийной газеты, ее именovali «инвестором», она же, в свою очередь, расхваливала свою процветающую кампанию, рассказывала о расширении производства, о том, как фирма помогает бедным.

«Взяла бы, да и выпустила мою книжку рассказов!» — мечтал я. Но встретиться с Любой в годы перестройки было трудно, разве только записавшись за два месяца на прием. Обращаться к ней с таким пустяком я постеснялся. Но это было позже, а пока она прилагала все усилия для того, чтобы окончить школу с золотой медалью. Я же, привыкший к Любе, не мыслил без нее своей дальнейшей жизни.

Я всего лишь один раз видел, как она плачет. Это случилось в тот день, когда она получила единственную в ее жизни четверку. По физике. За школьным окном сиял солнечный октябрьский день, пламенели клены. Я смотрел то в окно, то на ее склонившееся к парте лицо, на капли слез, просачивающиеся между пальцами.

Была какая-то непонятная связь между прекрасной погодой и неподдельным горем Любы. Золотую медаль она впоследствии все равно получила, затем с отличием окончила филфак университета. Но лучше бы она со своей старательностью ушла бы куда-нибудь в биохимическую науку, чтобы со свойственной ей дотошностью подсчитывать нужное число бактерий в полезном бродильном веществе.

Ох уж этот наш пожилой и принципиальный физик Ефим Маркелыч! Когда он выводил в журнале Любину единственную в ее школьной биографии четверку, его неуклюжие прокуренные пальцы мелко дрожали. Узкое кабинетное лицо с тощей профессорской бородкой во время проставления оценки в журнал стало еще бледнее. Мы, сидящие в классе, вдруг увидели перед собой пожилого большого человека, которому давно пора на пенсию. Однако Ефим Маркелыч был фанатом своего предмета, и зубрилок, вроде Любы, не жаловал.

Заслуженную четверку (учитель мог бы и двойку ей влить, но рука не поднялась против отличницы!) Люба получила за неправильно решенную задачу по электротехнике. Эту задачу можно было легко исправить по ходу дела. Я заглянул в Любину тетрадь и увидел, что она всё пишет не так — забыла закон Ома. Я начал шепотом подсказывать ей, как надо делать правильно, но девушка лишь презрительно взглянула на меня, троечника, осмеливающегося давать ей советы. Забыла, наверное, что электротехнику я как раз знал на «отлично». К тому же я занимался в радиотехническом кружке, руководил которым наш неутомимый Ефим Маркелыч.

Спустя два дня четверка по физике была Любой исправлена. Ту же самую злосчастную задачу Люба решала перед всем классом на доске с максимальной скоростью движения мела, попискивающего под нажимом тонких пальцев. Физик, редко кого хваливший, одобрительно кивнул головой. И почему-то вздохнул. Старого учителя насторожила быстрота и прозрачность решения.

К финалу школьной учебы все возможные успехи по всем предметам были ею достигнуты за счет самоотверженной зубрежки. Пятерки, пятерки... Одна за другой — сплошной частоток вымученных пятерок. Зубрежка сокращала время наших свиданий, которые и без того были нечасты — два-три раза в неделю.

Она еще и в музыкальной школе успевала заниматься на «отлично», обладая минимальными способностями к музыке. Весной я чуть ли не до полуночи бродил вокруг ее дома, слыша, как из открытой форточки доносятся обрывки мелодий, Люба терзала свой баян до иступления.

Спустя полгода в музыкальной школе был отчетный концерт, на который Люба меня пригласила. Экзамен по классической мелодии она сдала, разумеется, на «пять». Люба исполняла на баяне сложную пьесу полузабытого композитора. Играла грамотно: ни одной ошибки, ни грамма фальшивости! Но слушать такую четкую, местами нервную музыку (исполнительница и сама сильно нервничала) было тошно. Досконально вызубренная мелодия сопротивлялась, рвалась из мехов к своей первозданной гениальности. Такое ощущение, будто на сцене растягивает мехи не симпатичная пухлая девятиклассница, а именно член бюро райкома комсомола, робот, которого запрограммировали нажимать баянные кнопки в определенной ритмической последовательности.

Зрители, собравшиеся в небольшом зальчике, аплодировали. Но как-то не очень восторженно, словно понимали, что красота музыки испорчена бюрократически точным воспроизведением нот. Люба и сама, видимо, это поняла и, окончив музыкальную школу, больше баян руки не брала.

Но я был благодарен судьбе уже только за то, что она усадила меня с Любой за одну парту. Тогда мода такая была у педагогов — сажать мальчиков рядом с девочками, чтобы в классе было больше порядка и дисциплины. Люба это одобряла — дисциплина прежде всего! Мальчишки мне завидовали: они думали, что Люба разрешает мне списывать все подряд. Но они глубоко ошибались — Люба этого принципиально не позволяла, хотя со мной сидела постоянно, даже

на тех уроках, когда мальчикам можно было садиться с мальчиками, а девочкам — с девочками. Порядок есть порядок!

Да у нее и подруг-то настоящих не было, хотя она и общалась по мере необходимости со сверстницами. Уже в школьные годы она отличалась от них умеренно-высокомерным выражением лица, напряженной деловитостью во всем. Даже карандаш или ластик она протягивала как-то плавно, с особой ухищренностью жеста. Зубрежка и комсомол — вот два бога, на которых она молилась. Ей очень к лицу была коричневая школьная форма с белыми кружевными манжетками и воротничками. Алел, поблескивал на левой стороне груди маленький комсомольский значок, ношение которого для старшеклассников было обязательным.

Что скрывать: Люба мне очень нравилась. Иногда мне казалось, что я влюблен в нее, как говорили в те годы, по уши. Расхрабрившись, я приглашал ее в кино, на редкие концерты заезжих эстрадников или просто на танцы — тогда еще не было слова «дискотека». Иногда она соглашалась, но всякий раз подчеркивала, что времени у нее мало: от такого и до такого часа. Дескать, ей надо дополнительно заниматься по предметам, ожидать дома того или иного местного учителя. Слово «репетитор» тогда еще у нас в провинции было не в ходу.

Я недоумевал: «Зачем тебе вся эта наука? Выйдешь замуж за какого-нибудь сына богатого чиновника, и дело в шляпе. Зачем тебе нужна пятерка по математике, и тем более по физике?» Когда я в первый раз раздевал ее в садовом домике при свете луны, глядящей в пыльное окошко, казалось, под белой кожей вот-вот блеснут контакты микросхем, вспыхнут лампочки светодиодов. Кукла! Она позволяла себя целовать, ласкать, ладони мои обследовали гладкое, прохладное, как у греческой статуи, тело. Но главного греха Люба не допускала: «Это не положено... Только после свадьбы...» Я понимал, что она права — таковы были в то время в нашем поселке нравы. Конечно, всякие правила время от времени нарушались, но только не Любой. Ее холодность меня возбуждала, однако на мои пылкие поцелуи она отвечала дежурно и коротко, отталкивая ладонями, когда поцелуй неожиданно затягивался. Иногда она поглядывала на крошечный циферблат дамских часов — папа, заведовавший райпотребсоюзом, мог купить ей самые красивые.

Прохладная во всех отношениях девушка! Мой сосед, старый большевик, полусвихнувшийся от давних пыток Пал Иваныч, уверял, что Люба — дочь Богини Революции и Сфинкса. Но я-то знал, чья она дочь. Ее отец, предрайпо Иван Дмитрич, неодобрительно поглядывал на нас из-за стекла

персональной «Волги», когда мчался по улицам поселка решать неотложные дела. До меня дошли его слова о том, что он никогда не отдаст за такого босяка, как я, красавицу-дочь. Он-де подыщет ей партию в областном центре. Ведь Люба не просто дочь солидного человека, но еще и активистка, отличница, она уже приглянулась некоторым товарищам из обкома ВЛКСМ...

В девятом классе холодность Любы меня задела настолько, что мне захотелось найти другую девушку: некрасивую, конопатую и рыжую. Такой и была невысокая Майя из параллельного класса.

Люба с деланным равнодушием наблюдала, как я ухаживаю за Майей.

Мы ходили с Майей в кино, также целовались в парке, только жарче, и она собиралась позволить мне то, чего не позволяла Люба, — я мог бы благодаря Майе стать настоящим мужчиной и, расхрабрившись, подумать о женитьбе на ней, но как-то мы сообща ухитрились от этого финала воздержаться. Однажды, не выдержав, я позорно бросил Майю на ступеньках ДК и кинулся догонять Любу, одиноко возвращавшуюся домой по плотине после просмотра итальянского фильма. Я себя ненавидел, и в то же время ничего не мог с собой поделать.

Догнав Любу на середине плотины, я попросил у нее прощения. При этом я весь дрожал, словно меня облили холодной водой. Она как-то странно взглянула на меня, загадочно улыбнулась в осенних сумерках, молча поцеловала меня в щеку и ушла домой. Но с того дня мы снова с ней стали встречаться.

А Майя?.. Я после долго не мог смотреть ей в глаза, и всячески избегал с ней встреч. Окончив школу, Майя уехала в город, поступила в какое-то ПТУ. Шли годы. Несколько раз я встречал Майю на улицах нашего поселка, мы разговаривали, обменивались новостями — Майя рассказывала, что вышла замуж, подрастает дочь... Но все наши разговоры были холодны, и только однажды она позволила мне взять в свои руки ее неожиданно горячую взрослую ладонь.

В последнюю нашу встречу Майя от волнения привстала на цыпочки, взглянула на меня повлажневшими глазами, но вдруг выдернула свою задрожавшую ладонь из моих рук и быстро ушла.

ФРАНЦУЗСКОЕ ОБВОРОЖИТЕЛЬНОЕ КИНО

Во время просмотра фильмов я всегда пытался незаметно взять Любу за руку. Прикоснусь, бывало, к тонкой похолодевшей ладошке, сожму ее горячо и крепко, но так, чтобы не

больно было. Ладонь, подавшись навстречу моему прикосновению, вздрагивала. Я чувствовал, как робкую волну, ответное Любино пожатие. Пальцы ее, прижавшиеся к моим пальцам, мелко подрагивали, словно обнявшиеся родственники перед долгой разлукой. В такие моменты я чувствовал странное родство с ней, глядящей на экран с едва заметной улыбкой, хотя там не показывали ничего смешного.

Старик, слегка свихнувшийся после двадцати лет Чадлага, иногда посещал зарубежные фильмы, которые медленно, но верно вытесняли советские. Сидя в зрительном зале, на первом ряду, он стрелял из воображаемого револьвера в «недобитых буржуев», складывая пальцы пистолетиком, на потеху сидящим рядом мальчишкам.

Взрослые зрители были недовольны поведением ветерана, они вызывали билетёршу Валу, чтобы та его утихомирила. Осерчав на упреки зрителей, ветеран, громыхая сапогами, взбирался по деревянным ступенькам на сцену, и брел, словно муравей, на фоне мерцающего красками экрана.

— Не верьте, товарищи, — это все мёртвость и ложь! — кричал он, замахиваясь костью на изображение старинного замка. — Долой!..

Все смеялись, а я не упустил момента прикоснуться к налитому телу одноклассницы.

Вечерами Люба надевала модные в те времена синие и зеленые блузки с короткими рукавами и «кубинскими» погончиками. Нарядов разных у нее было много, в том числе и заграничных — предмет постоянной зависти более бедных подружек.

Эти же девчонки надо мной подтрунивали: держись за богатую невесту, глядишь, зятем войдешь в богатый дом!.. Ну что мне было ответить юным сплетницам? Не мог же я признаться, что меня влекла к Любе не только обычная симпатия, но и еще что-то непонятное, какое-то неосознанное любопытство, и, конечно же, любовь, сделавшая меня вмиг стихотворцем.

После кино — цветного и широкоэкранный, часто уже то французского, то итальянского, мы гуляли по райцентру, обсуждая фильм. Ей нравился актер Ален Делон, она говорила, что я чуточку похож на него.

— Поэтому позволяешь целовать себя? — спрашивал я с усмешкой. — Ведь ты меня совсем не любишь...

— Ты тоже меня не любишь! — догадывалась она глубинным чувством женщины.

И загадочно улыбалась. Этот жест каким-то образом уже тогда выдавал в ней будущую партийную, а затем и «обще-

---

ственную» женщину, только я никак не мог этого осознать... Хотя судьба мною чувствовалась. Бывают такие люди, на которых будто написано, кем они будут лет этак через десять.

Когда женщина не знает что сказать, она всегда рассеянно улыбается.

— А я на какую артистку похожа?

— На Милен Демонжо и на Катрин Денев одновременно.

— Сразу на обеих? — с нескрываемой серьезностью переспрашивала она. — Но ведь они — блондинки, а я — брюнетка, да еще говорят, жгучая!

— Да. Ни у одной из них нет таких прекрасных темных волос, как у тебя! И вообще ни одна артистка с тобой не сравнится... — Моя искренность выходила за пределы лирики, мне становилось не по себе, я осторожно обнимал ее за круглую талию над сборчатой юбкой-плиссе.

Она снисходительно улыбалась, мою ладонь в сторону не отодвигала — признак хорошего настроения.

А волосы у нее и впрямь были густые, почти черные, с каштановым отливом, довольно жесткие, и оттого было приятно поглаживать их ладонью; они были темнее ночи, и только лунный свет как-то обрисовывал их, создавая на краях волосков неповторимый серебристый блеск. Прикоснешься осторожно ладонью к этим прохладным волосам, и будто током от них ударяет — сначала прохлада, как от конской гривы, затем быстрое тепло через кровеносные сосуды кожи мгновенно доходит до моего разгоряченного сердца...

Мы с Любой гуляли по ночному райцентру и чувствовали себя вполне счастливыми. Во всяком случае, у меня было именно такое ощущение. Что вот только бы находиться рядом с ней, и больше ничего не надо.

Бродили по тихим улицам под бесконечным угасанием широкого летнего заката. Я шел рядом с ней, разговаривая о фильме, и одновременно был поглощен мыслью о том, как бы поделикатнее положить руку на ее круглое плечо, туго обтянутое фиолетовой блузкой с едва заметным матерчатым погончиком. Вокруг было тихо, свежо. В накатывающейся темноте всё ярче выделялись редкие фонари вдоль шоссе. Люба молча вертела на тонком белом пальце золотой перстень, подаренный родителями, вздыхала и в дискуссию вступать не собиралась. Что ей фильмы, о которых нет ни слова в экзаменационных билетах?

А мне было удивительно: всё чаще на нашем сельском экране мелькали сверкающие лимузины, бассейны, фантомасы, проделывались эффектные трюки. Яркая, богатая, отрицающая реальность жизнь!

Парочки вроде нас с Любой не спеша гуляли по узкому тротуару главной и единственной заасфальтированной улицы. Тогда еще и асфальт был молодой, лежал узкой ровной полосой, и все в райцентре этим асфальтом любовались...

В палисадниках неподвижно висела густая мясистая зелень, тлеющий грустный закат словно бы отрицал шумные романтические киносюжеты. Солнце напоследок показывается над горизонтом, купается в алых, пурпурного оттенка облаках. Давно уже вечер, но вокруг еще светло долгой июльской светлотой и слегка душно, как это бывает иногда в начале лета перед легким ночным дождиком. Кое-где на обочинах стоят ослепительные зеркальные лужицы, оставшиеся от утреннего мощного ливня, после которого на огородах появляются желтые цветки завязи огурцов. Из палисадников пахнет повлажневшей к вечеру смородиной. От земли, если посмотреть вдоль дороги, колечками завивается теплый пар. За околицей села, за пыльным полосатым шлагбаумом, где совсем никого нет, можно вдоволь нацеловаться...

В момент поцелуя забывались кадры фильмов, сцены потасовок. В тихой провинциальной жизни нашей было что-то особенное. Но тогда, как, впрочем, и сейчас, я не мог выразить этого словами. Я брал Любину ладонь, чувствуя робкое ответное пожатие и холодок дорогого перстня. Пальцы ее, приникшие к моим пальцам, подрагивали среди прохлады пустынной улицы. В вечерней свежести воздуха, в темноте глухих улиц, видимых с пригорка, всё ярче сияли точки фонарей.

Машин в то время было еще мало, и ездили они редко. Придорожная пыль пышными бахромчатыми полосками улеглась на обочины асфальта, который в сумерках казался светлым, почти белым, убегающим вдаль серебристым ручейком. Под высокими каблуками Любиных туфель попискивали, будто живые, песчинки. Сонно чирикали засыпающие птицы, с пруда надвигалась прохлада, прилипала к лицу влажной тончайшей пленкой, пахнувшей близкой осокой и лягушечьей икрой. Мы разговаривали о Франции. Там тоже есть пруды и лягушки. Сочный ветерок, слабеющий в ночных порывах, шевелил ее темные и короткие, чуть выющиеся волосы. Я наклонялся к ее щеке с намерением поцеловать, наблюдая простор высокой лебединой шеи, пронизанной крупной синей жилкой, нежно вздымающейся в красных отблесках закатной полосы неба — рассыпчатый печальный свет сиял над нашим поселком и над всем бесконечным СССР. Остатки заката алыми отблесками угасали на ее вечно бледном и оттого красивом лице. Она, сдавшая на «отлично» об-

---

шествование, взглянула на угасающий и оттого еще более прекрасный летний день и тихо, но, как всегда, твердо произнесла:

— Если бы не было на свете алчности, люди бы жили не по сто, а по тысяче лет!

— А ты веришь в коммунизм? — спросил я ее в тот вечер.

— Конечно... — ответила она задумчиво, будто через силу. — А ты? Я, например, верю в возможность справедливых отношений в обществе, а ты, как всегда, увливаешь от ответа, скатываешься в свой дремучий лиризм!

Мы возвращались в поселок и каждый раз подолгу стояли возле ее дома с черными блестящими окнами. Высокие клены мрачно возвышались над крышей, словно тоже чего-то выжидали, не шевеля ни единым листком. Иногда слышался хруст сухой прошлогодней ветки и звяканье цепи возле собачьей будки. В райцентре, на бугре, устало дребезжали на танцплощадке гитары, отчаянно, из последних сил бухал барабан. Через минуту-другую он затихнет, молодежь начнет расходиться по домам.

Я пытался вновь поцеловать Любу, потому что молчание становилось невыносимым, и делал это довольно бесцеремонно, забывая, что она — девушка особенная. Лиловые в сумерках губы, вольно устремленные снисходительной улыбкой в ночь, овеваемые теплым носовым выдохом, — задумчивым и грустным облаком пролетали мимо моих глаз, словно качели, отстраняясь быстрым движением.

Но я вновь и вновь ловил эти холодные губы, подкрашенные хорошей советской помадой, они терпко пахли и убежали, отворачиваясь от меня в ночь. Краска на губах химически размазывалась по моим губам и щекам. Запах помады почему-то напоминал мне о предстоящем экзамене — сочинении, к которому Люба готовилась особенно упорно, она старательно штудировала книги классиков нашей литературы, а вольная тема ее почему-то не устраивала.

У нее были едва заметные усики, видные при свете заката, мягкие и нежные, ощущаемые губами при поцелуе.

— Ну, хватит!.. — она легонько отталкивала меня, глубоко вздыхала. Губы ее расплывались пятнами в ночи, казались бесформенными, пухлыми, чуть подобревшими, они вновь манили к себе несмываемой сладостью советской парфюмерии. Все посторонние запахи, кроме летнего и любовного, исчезали.

Вот я ее все-таки поцеловал, очень сильно, по-настоящему, и она не торопится разлеплять зажмуренные ресницы — пышные, чуть влажные от росы. Как во французском кино.

И только поздний вечер становился всё более прохладным, здешним, российским.

Люба смотрела на звезды, словно хотела набраться от них дополнительной серьезности и той запредельной ироничности, которая смотрит сверху на всех и вся. Звезды смеялись, у них появлялись дергающиеся хвосты, как у головастиков, их отражения падали в глубину ее глаз, вспыхивали в них, и навсегда угасали.

На прощанье она сама обнимала меня:

— Все, пойду!.. Мне пора быть дома! Что родители подумают?..

Золотая серьга холодно и отстраненно царапала мою щеку острым камешком.

ЛИРИКА, СОКРУШИВШАЯ СОЦИАЛИЗМ

Вечером следующего дня мы с Любой уже танцевали в нашем ДК шейк, завезенный в поселок совсем недавно.

— Танец молодых кривляк уязвлённого капитализма! — гневно воскликнул Пал Иваныч, пришедший инспектировать молодежную дискотеку. — Данный танец специально разработан вражескими агентами ради околпачивания юных советских идиотов!

Мы с Любой приплясывали в едином ритме с толпой. Слушая крики ветерана, Люба загадочно улыбалась, умеренно дергалась в такт музыке всем своим наливающимся телом десятиклассницы. Иногда вскидывала голову, словно бы желая лучше оглядеться в этом молодежном аду, бороться с которым не смогли сотни тысяч идеологических бойцов советской страны. Подвыпившие парни сопровождали танец истошными воплями, визжали. Свистела местная шпана.

Ветеран, наблюдая за творящимся «безобразием», мрачно констатировал: если жалкие утёсовские джазисты сумели развалить сталинскую империю, то данный танец шейк в течение пяти лет растопчет особенный лирический дух Советского Союза в пух и прах, а затем приведет нас к полному вырождению!

Революционный старик никак не мог понять того, что мода, окультуривая человеческие образы, тем не менее возвращается к людям всё в том же диком взлохмаченном образе, лишь слегка прикрытом новой маской.

Я же предпочитал танцевать танго, которое иногда заводили, — шипящая пластинка, приятная музыка. Во время танго можно обнять Любу за плечи, прижаться к ее крупной взрослой груди, ошутимой под любыми одеждами.

Возможно, у нее уже тогда возникали мысли относительно перевоспитания этого ревушего стада, называемого «советской молодежью на дискотеке». Она шептала мне на ухо что-то насмешливо-идеологическое: дескать, такое поведение молодежи ведет к анархии. В этом она была солидарна с нашим старым ворчуном Пал Иванычем. Но я, зачарованный ее близостью, не хотел вникать в политизированные мысли.

Спустя годы, когда мы с Любой навсегда расстались, я на досуге занялся чтением книг о молодежи и неуправляемых подростках. Такие темы я нашел в книгах «Восстание масс» Ортеги-и-Гассета, Ницше, Камю, в статьях Энциенбергера. Но в то время я был еще слишком молод, всё существо мое питалось лирико-физиологическими мечтаниями о Любе. На моих глазах она превращалась в некий идеал, быстро отдаляющийся от меня. Мне надо было хотя бы немного скрывать свои чувства к ней, но я их не скрывал.

В тот предвыпускной год мы всюду ходили вместе, мне нравилось, как она танцует и улыбается, откидывая ладонью свои короткие, но все равно роскошные волосы. По грубым доскам танцплощадки ритмично цокали белые, без единого пятнышка, туфли. Широкая кофейного цвета сборчатая юбка взметалась в резких движениях, еще более округляя бедра, делая их взрослее и таинственнее. Люба словно бы окультуривала «танец дикаря» своими аккуратными приступками-притопами.

НЕВОЗМОЖНОСТЬ ЖЕНЩИНЫ

Позже знакомые ребята говорили мне: «Эх, разиня — такую девку упустил! У нее отец начальник, хапуга, богач, и она, наверное, такая же, породу не обманешь!.. Ты ее хоть «того» или нет?»

Я лишь смущенно разводил руками, сказать мне было нечего. И того, что они хотели бы услышать, у нас с Любой не произошло, несмотря на все мои старания. Наверное, у меня не хватило настойчивости. Люба первая и единственная из моих девушек почуяла во мне хилую интеллигентскую закуску. Для такой роскошной уже почти дамы мои ничтожные стишки, которые я ей посвящал, ничего не значили, хотя она на слух определяла сбой ритма и неправильные рифмы.

Однажды я поспорил с Пал Иванычем, доказывая ему, что в образе Любы сосредоточились все приметы п р а в и л ь н о й советской девушки: честность, непреклонность, принципиальность, трудолюбие, способность отстаивать свою точку зрения...

«Ты не знаешь, что такое женщина вообще, и потому склонен им просто доверять, видеть в них некий обрядовый символ нежности — то есть глубинного понятия этого символа! Женщины не принадлежат обычно к тому или иному обществу, т.е. не может быть по определению ни женщины революции, ни женщины социализма, ни, тем более, женщины коммунизма. Чтобы женщине сделаться самой собой, истинной, такой, какая она есть, ей необходимо, прежде всего, сбросить свою змеиную временную шкуру, т.е. выйти из определенного социального образа.

Пал Иваныч уже тогда сравнивал Любу со своей вымышленной женщиной — Богиней Революции, которая в таком же кремовом платье, взятом напрокат из разграбленного театра в городе Ничтожке, явилась к ним на партсобрание с мандатом ЦК. Поверх платья БР надела кожаную куртку, не забыв прихватить по тогдашней моде маузер в лакированной деревянной кобуре, болтающейся на тонком ремешке.

У ветерана с тогдашней БР, уверял старик, была такая же «идеологическая» несовместимость, как и у меня с Любой. Уже тогда старик начал диктовать мне в блокнот свои воспоминания о «валькирии революции», Гельтруде Стоячей, которая руководила поэтической студией, в которую записался молодой солдат-поэт Павел с псевдонимом Металлический. Позже я написал на эту тему повесть «Безумный Петроград».

Помню наш последний с ней вечер, проведенный совместно. Люба тщательно готовилась к выпускным экзаменам и на все развлечения накладывала табу.

«Зато сегодня будем целоваться до упаду!» — сказала она со смехом. — Даже в кино не пойдём, пусть французы сами смотрят свою лирику и приключения...

В ее черных, как нигрол, с фиолетинкой, глазах я вдруг увидел всю невозможность женщины. Это открытие повергло меня в непонятный страх. Я застыл на месте, не в силах вымолвить ни слова. Невозможность как запредельное понятие, воплощенное не только в Любе. Я вдруг осознал общее феминистическое устройство мира. Такая вот получалась диалектика. Слово «феминизм» было еще не в ходу, зато «диалектика» многократно звучала из уст неугомонного Пал Иваныча, к которому я часто приходил, чтобы записать его воспоминания для публикации в нашей газете. Старик, словно бы невзначай, рассказал о жестокостях женщин на Гражданской войне, намекая на бесперспективность моих лирических отношений с номенклатурной девушкой...

И вот последняя прогулка с Любой по плотине над тихими зеркальными прудами. Она взяла меня под руку, и я чувствовал себя если не ее мужем, то, во всяком случае, очень близким ей человеком.

Глядя на белое лицо, черные брови, правильный нос, на профильный рисунок губ, тронутых задумчивой, чуть ироничной улыбкой, я переставал верить рассказам Пал Иваныча о жестокостях женщин на Гражданской войне, где на виду каждодневных смертей стареют, беспричинно круглятся, вспучиваются молодые женские лица. Факт присутствия женщин на войне доказывал обезбоженность мира, того самого грешного мира, которому вечное «долгой!» выкрикивал ежедневно неугомонный старик.

Уходило прочь глубинное ощущение юности, с которой мы окончательно прощались. В уголках Любиных почти всегда строгих губ обозначались первые морщинки, закавычивающие слишком уж вызывающее и неправдоподобно затянувшееся девичество.

ЭПОХА КОНЧАЕТСЯ

Однажды Люба меня взяла с собой в отстающий колхоз, чтобы я написал по итогам поездки фельетон. Не про нее, разумеется, а про нерадивых колхозных партторгов, не уделяющих нужное внимание вывешиванию наглядной агитации.

Я сел на обтянутое коричневым плюшем заднее сиденье. Неожиданно лязгнул разболтанный замок дверцы автомобиля — оказывается, вместе с нами увязался Пал Иваныч, который без приглашения забрался на заднее сиденье «уазика», заверив Любу, что он является бессменным народным контролером, и устранять общественные недостатки — его принцип жизни!

Любовь Ивановна вздохнула — она знала, что трудно и почти невозможно отвязаться от старого общественника.

— Мы поедем в колхоз «Светлый путь», — сказала она, обернувшись с переднего сиденья, сверкая золотой серьгой предперестроечной эпохи. — Это не колхоз, а идеологический кошмар. Представляете, у них там возле красного уголка сгнили столбики под щитком эстафеты соревнования доярков! Мне тогда пришлось искать колхозного парторга — вялый такой парень лет тридцати, спит на ходу. Трезвенник, примерный семьянин, отчетность у него всегда в порядке, но и бездельник отменный! И таких, как он, называют «резервом нашего руководства», «номенклатурой райкома»! Позор! Этот жирный парень в свое оправдание что-то лепечет, руками бес-

---

помощно разводит, нет, мол, досок и столбиков! И я сама, представляете, полезла в высоких каблуках на эти ужасные дрова, сваленные в беспорядочную кучу, наклонилась, швырнула ему сверху несколько подходящих для стенда досок.

— Я, значит, лазаю по бревнам, едва не падаю, а этот молодой парторг с круглым брюшком, как ни в чем не бывало, болтает с подвыпившими плотниками, будто нет ему никакой заботы. В той же дровяной куче я нашла два подходящих столбика, велела их ошкурить и погрузить в кузов машины. Эти лодыри были бы вовсе не против, если бы я сама взялась грузить древесину, затем вкапывала бы эти столбики в землю, сама бы заколачивала гвозди. Вот вам, товарищи, и новый курс, указанный товарищем Черненко!.. Какое может быть соцсоревнование в этом «Светлом пути», если доярки толком не знают, сколько каждая из них надоила молока за минувшую декаду?

Любовь Ивановна рассказывала о своих злоключениях с открытой печалью, и в то же время не без гордости: такие дамы-активистки, как она, не позволяют затухнуть партийной пропаганде и агитации, поднимут ее на новую высоту. И тогда партия обновит кадры, соберет вокруг своего ядра высокоморальную молодежь и шагнет в восьмидесятые годы с новыми идеями!

«Уазик» потряхивало на неровностях асфальта, я всматривался в покачивающийся Любин профиль — ее лицо повзрослело, постrojело, и, видимо, от ответственности, которую она постоянно ощущала, ее девичья кожа приобрела серо-свинцовый оттенок, несмотря на импортные румяна, которые она доставала по советским торговым каналам. Как и любой женщине, ей необходимо было перед нами выговориться, даже если слушатели попались не очень важнецкие.

Мотор «уазика» гудел на средних оборотах, в кабину проникал запах копоти и неперегоревшего бензина. Наша начальница морщилась навстречу ревушей скорости, терпя неудобства вездеходного автомобиля. Пройдет еще двадцать лет, и она будет ездить в шикарной бронированной иномарке... А пока ей было не до шика, о перестройке и речи тогда еще не было, поэтому Люба, как и все партийные женщины, недосыпала и недоедала, занимаясь воспитанием трудовых масс. Зато идеологические помощники у нее были плохие. Она не любила молодых, но уже «пузатых» парторгов, называла их «полубеременными комиссарами в капроновых шляпах». Одно время я записывал некоторые удачные и ехидные словечки, которые она отпускала в адрес мелких ленивых начальников во время утреннего совещания с подчиненными.

ми: «Какая на вас бацилла действует — вы все такие сонные, полупьяные! Почему вы, товарищи, скользите поверху работы?»

О тех, кто напрасно храбрится перед вышестоящим начальством, Люба выражалась так: «Вы, ребята, медведю грабли показываете!»

О клубных работниках: «Ну, какая у вас там работа? Музыка задаром играет, а вы и рады. Вы домохозяйки, а не артистки. Лавровые листья осталось прилепить вам на погоны!»

Однажды при мне оборвала молодого колхозного парторга, жалующегося на формализм в работе: «А ты-то чего высовываешься? На инфаркт, товарищ, нарываешься?»

Другому молодому парторгу Люба выговаривала, указывая пальцами, униженными перстнями, на его молодое брюшко:

— Ты, товарищ Иванов, извратился на работе.

Именно эта фраза «извратился на работе» почему-то запомнилась мне надолго. В ней звучало что-то общественно-значимое: человек не просто потолстел от спокойной жизни на партийном посту, а вроде бы как сбился с истинного пути.

— Ты, товарищ Иванов, присылаешь липовые отчеты о партийной учебе, плохо готовишь партсобрания. И кое-как их проводишь. Ты построил большой особняк за счет колхоза, не проработав в этом хозяйстве и пары лет. Ты, Иванов, встал на путь личного обогащения. Опять же за счет колхоза ты съездил в круиз на теплоходе по Средиземному морю, хотя должен был поехать лучший колхозный комбайнер Петр Климов. Ты целый день жарил шашлыки на речке, проводя там время с разными городскими жуликами и фарцовщиками. Механизаторы редко видят тебя на полевых станах, доярки забыли, когда ты был последний раз на ферме, ты не ведешь эстафету социалистического соревнования... Ты не обновляешь стенды с наглядной агитацией, доска почета с фотографиями передовиков покосилась и держится на подгнивших столбах... Ты, Иванов, не помогаешь профкому, не шефствуешь над сельским комсомолом... Когда-то был неплохим спортсменом, капитаном футбольной команды, а теперь отпустил «начальственный» животик, колхозный стадион зарос высокой луговой травой, теща твоя пасет на колхозном стадионе телят и овец. Причем скотину для личной продажи ты выращиваешь с помощью бесплатного колхозного корма.

Парторг, слушая упреки, хитро вздыхал, шурился, она отчитывала его как бы в сторонке, в личной беседе, но так, что-

---

бы и остальные парторги тоже слышали, этот урок должен был пойти им в назиданье.

Любино лицо вдруг исказила гримаса:

— Увы, крушение социализма произойдет не от волюнтаризма какого-нибудь генсека, а от таких, как ты, Иванов, мелкобуржуазных парторгов-подкулачников... Несчастный ты, Иванов, ленивый ты советский парторг!

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ СЕМИНАРЫ

На базе нашего района часто проводились идеологические семинары, которые устраивала неугомонная Люба. На эти семинары со всей области приезжали толпы молодых, с виду флегматичных, но себе на уме парторгов и мелких партийных чиновников. Она создавала плакатную реальность, новый симулякр, как принято говорить в наше время. И за это ее ценили в тогдашнем обкоме КПСС.

В газетах чередой шли отчеты об активизации партийной жизни. По колхозам и совхозам разезжали скопича легковых машин: «Волг», «Москвичей», «уазиков», вздымающих тучи пыли на проселочных дорогах. Кавалькады легковушек останавливались возле ферм, мастерских, колхозных контор. Хлопали дверцы, выпуская толпу деловых цветущих мужчин при галстуках, и все они с умным видом ходили возле стендов и освеженных плакатов, анализируя их идейное содержание, боевитость и злободневность, а также отмечая мелкие огрехи авторов и художников, уточняя цифры соцобязательств, записывая данные о передовом опыте в блокноты.

Затем толпа проверяющих собиралась в зале колхозного ДК, где для них с трибуны по бумажкам читались доклады о результатах подготовки к празднику первого снопа, а также о прочих культмассовых мероприятиях. В каждом докладе в первом абзаце непременно, как заклинание, упоминалось имя товарища Черненко и какая-то его речь на каком-то съезде. Любовь Ивановна обязательно выступала в конце собрания, подводя итоги на правах хозяйки. Говорила грамотно, иронично, умело, находя в явлениях общественной жизни, даже в вывозке на поля навоза, некий идеологический смысл.

Я тоже присутствовал на этих семинарах, готовил для газеты отчеты, стараясь уложить смысл всех произнесенных речей в двести строк, хотя мог бы выразить их одним словом — «пустота».

Любе, как я догадывался, не нравилось мое присутствие на проводимых ею мероприятиях. Когда на лице моем сама собой возникала ироничная улыбка, партийная строгая дама

переставала читать по листкам и секунду-другую осуждающе смотрела на меня с трибуны.

Я оборачивался, делая вид, что ее сердитый взгляд адресован не мне. В зале я видел перед собой полусонные пухлые лица парторгов, у которых в глазах тоже была затаенная насмешка над происходящим, ведь это были неглупые мужики, все терпеливо ожидали окончания доклада, затем обеда в колхозной столовой.

Обед ради такого случая был всегда хороший. Но даже на сытый желудок шумящая хмелем голова размышляла о том, что идеологическая агония страны продолжается. Председатели разъезжали на новеньких «Волгах», парторги на «Москвичах»-фургонах, называемых в народе «тыриками» или просто «воровчиками». Районные художники работали с утра и до вечера, подмалевывая последние лозунги уходящего социализма. Сами художники посмеивались над этими лозунгами, откупоривая в обеденный перерыв бутылочку-другую красного вина, называемого ими в шутку «чернилами».

В общественных местах висели портреты умирающего тяжелобольного «вождя». Про него ничего не говорили, но всем его было жалко.

БЫВШАЯ ПАРТИЙНАЯ ДАМА

Никакая последующая кабинетная действительность не могла вернуть нам с Любой глубинный мир юности. Спустя годы морщинки на ее некогда красивом лице углубились, почернели, хотя она тщательно замазывала их импортной парфюмерией. Партийные документы, которые она готовила и подписывала, постепенно теряли свой угрожающий тон, приобретая всё более рекомендательный характер.

Даже Пал Иванович, кричавший в застенках тридцать седьмого, что он любит эту партию, в то время как следовательно сдирает с его пальцев клещами ногти, в семидесятых-восемидесятых годах удивлялся неоспоримому факту: едва партия вознамерилась сделаться некровожадной, как тут же обозначился ее последний путь — в черную историческую дыру.

— Долой омертвелость партийного чиновничества! — кричал ветеран в те предперестроечные годы, топая дырявым хромым сапогом по выщербленным ступенькам райкомовского порога. — Пока они перестроятся, от черноземного рассуждающего слоя один только «пырх» останется. Земля вспучится и поглотит нас в качестве возвратного вторичного материала. Вот-вот подкатит новое «чичичилетие» — так он выговаривал слово «тысячелетие» — и время помчится впе-

---

ред с таким свистом, что никакие идеологии и классовые учения за ним не поспеют!..

Старик был уверен, что наступит предел насыщения земли мертвецами, и тогда произойдет что-то вроде завершающего этапа химической реакции, когда раствор становится насыщенным и вещество выпадает в осадок. О теории философа Федорова насчет оживления умерших поколений старик не слышал, зато выдумывал свои похожие проекты: Пал Иваныч хотел поднять из земли праведников и даровать им вечную жизнь, и в то же время он собирался вторично казнить негодяев!

В последние годы своего райкомства Любовь Ивановна взяла на вооружение отрицательное гегелевское отношение к иронии: у данного жанра, дескать, имеются жесткие пределы! Несерьезный человек никогда не сделает приличную карьеру. Зато после перестройки грядет цивилизованный капитализм, и что ты (она обращалась ко мне как к подчиненному) будешь делать в новом общественном строе со своей провинциальной ироничностью? Наступает век, а может и тысячелетие глобальной серьезности! Люди во всем мире перестают смеяться и начинают заниматься нужными делами. Хватит с нас несерьезных отмерших эпох! Даже Пал Иваныч со всей его скоморошьей патетикой не годится для новых времен, потому что постоянно совершает глупые поступки. Своими дикими революционными речами он раздражает современных деловых партийцев.

Прошли годы, закончилась перестройка, Люба вышла замуж за бизнесмена, бывшего номенклатурного работника, стала богатой женщиной.

Однажды она приехала к нам в район баллотироваться в депутаты областного совета. Люба невольно вздрогнула, увидев в зале ДК тощую фигуру непримиримого Пал Иваныча. А меня она вообще не узнала, хотя я сидел во втором ряду напротив трибуны, с которой она так красноречиво выступала, обещая служить народу и выполнять наказания избирателей.

Пал Иваныча не пустили на сцену, хотя он из последних сил рвался выступить перед земляками и предупредить о заре «капитализма с тупым рыбьим лицом», добравшегося таки до наших глухотных краев.

— Я раскусил тебя с первых шагов твоей комсомольской карьеры! — Ветеран грозил Любе костью, остановившись напротив президиума, покрытого зеленой давнишней скатертью, за которой сживали когда-то партийные боссы. — И я, революционный старик, в который уже раз вступая в

бой с капиталистическими идеями, уверен, что постаревшие народные массы пойдут вслед за мной!

Последний раз Пал Иваныча собирались исключить из КПСС в конце августа 91-го. Один из пунктов подготовленного протокола по исключению престарелого члена из рядов компартии формулировался так: «За несоответствующее поведение данного ветерана на собраниях и заседаниях, а также на партактивах, где он дискуссионно применял костыль и разнообразные предметы для подтверждения своей правоты, а также разбил 6 (шесть) стеклянных графинов, уверяя, что подражает Ленину, который в свое время, согласно свидетельству писателя Зощенко, также кокнул один графин...»

Но не успели исключить — случился, по словам беззубого ветерана, «путч». После этого старик написал большую статью под названием «Чичичилетие», в которой утверждал, что вместе с компартией рухнуло в небытие целое российское тысячелетие. Дескать, в нашем государстве принято пускаться на ветер не только «холопов и простых людишек, но и столетия, и даже «чичичилетия» — так он выговаривал нелегкое во всех смыслах слово. Дескать, что же нам считаться со временем, если впереди у нас вечность?

Правда, сам старик в середине августа запил по случаю получения пенсии, и пропустил всю соль августовских «путьчевых» мероприятий.

Выдвижение депутата Любы шло своим чередом. Ветеран с сердитым выражением лица обернулся ко мне, сидевшему на втором «полупочётном» ряду зала в качестве журналиста. Громогласный упрек старика был насыщен визгливыми интонациями:

— Это ты, провинциальный бумагомарака, погубил нашу Любу, вернее упустил ее из поля своего влияния! Ты не сохранил нам ее в качестве принципиальной советской девушки! — орал сверхпартийный старик, перекрывая смех в зале. — А теперь она с помощью больших денег и связей лезет в депутаты.

— В чём же я конкретно виноват? — так же громко спросил я Пал Иваныча, понимая, что не время сейчас устраивать дискуссию из-за перемен в жизни Любы, к тому же над нами потешается весь зал.

— А так... Вспомни молодость: ты водил эту теперь уже навсегда несчастную женщину на буржуазные цветные filmy, танцевал с ней западные бесовские танцы! А мог бы взять ее замуж и посадить хозяйкой в доме, сделать из нее обыкновенную сельскую бабу, да деток ей сгородить двух или трех!

— При чём здесь танцы? — возразил я. — Тогдашние твисты и чарльстоны пришли к нам с Запада, а на Запад эта мода прибыла из Африки — налицо спираль цивилизации, которая, согласно теории Гегеля, делает медленное штопоробразное восхождение... — пролепетал я. — В дикие телодвижения молодежи 70-х было вложено послание будущего. В танцевальных жестах и воплях были зашифрованы перемены, которые должны были произойти со страной.

— Ты мне нашего Гегеля не выставляй на посмешище!.. — Старик по привычке взмахнул костылем. Затем встал и повернулся к зрителям. — А вы что тут сидите как пеньки, тупые от речей? Небось, марксизм-ленинизм давно забыли? — Ветеран грозил ореховой палкой всему залу. Костыль был отполирован ладонями до блеска и сверкал в тусклом помещении наподобие молнии.

Охранники Любови Ивановны потащили крикливого старика к выходу. Однако ветеран, выворачивая тощую шею, призывал граждан не голосовать за Любовь Ивановну и не продавать ей свою землю. Даже он, «вечный идеолог», понимал, что Любе нужна не земля, а некое магическое пространство здешних мест. Люба, скупив личные крестьянские паи, накидывала на весь край гигантскую полупрозрачную паутину.

Мне показалось, что Люба, сидящая в президиуме, показала мне язык, как в школьные годы, когда я пытался списать у нее диктант, а она принципиально не разрешала мне подсматривать в ее тетрадку.

Я встал с места, взял Пал Иваныча под локоть, повел его к выходу — надо было отвести ветерана домой и как-то успокоить его от новых «буржуазных» впечатлений. Вёл бормочущего старика по тихой улице, а сам думал, почему же так быстро произошло искажение облика миллой девушки, увлеченной когда-то пионерской, затем комсомольской, далее партийной и прочей общественной деятельностью? Видимо, главную роль здесь сыграли деньги и власть, к которой, она всегда стремилась, и оба эти компонента придали моей красавице хищный акулий вид.

Но сама Люба все еще была хороша. Всегда, всегда она была молода! Над ее внешним и внутренним обликом трудились гримеры, дизайнеры, спичрайтеры, корпоративная бизнес-мораль заставила ее превратиться в великолепную «вумэн» с высокой степенью индивидуальной свободы. Подражая некоторым дамам высшего света, Люба снялась в фотосессии для престижного порножурнала, и я с каким-то непонятным отчуждением разглядывал знакомое и в то же время чуждое тело, покрытое искусственным загаром. Знакомы

были родинки возле правой груди и внизу живота — в юности она позволяла мне целовать эти места, но окончательно как женщина мне не отдалась. Дескать, сначала загс, затем свадьба — и получишь законную жену! Однако ее родители были против нашей дружбы, они полагали, что у Любы в жизни будет иной спутник жизни, а не районный бедняк-журналист... В результате разглядывания ее напечатанных фотографий, какая-то давняя старая любовь и ревность на миг вспыхнули во мне и тут же погасли. Порножурнал почти без сожаления был выброшен в картонный ящик с черновиками. Были у Любы, как сообщалось в газетах, мужья, три или четыре, потом все они куда-то делись, растворясь в толпе отвергнутых ею мужчин.

Люба давала интервью газетам и журналам, рассуждая на темы феминизма, обещала поддержку молодым предпринимателям, говорила о каких-то «гендерах» и однополых браках, о том, что создание семьи — глубоко личное, а вовсе не общественное дело. Люба съездила в США на стажировку, ей дали диплом об окончании какого-то престижного американского университета.

Пал Иваныч, узнав о Любиных заявлениях из газет, обозвал ее в очередной раз «врагиней народа» и сказал, что отныне эта мадам, бывшая секретарь райкома КПСС, состоит отныне на длинном поводке ЦРУ и что со временем, по мере накопления богатств, ее, разумеется, переведут на короткий поводок.

И вот такие, как она, бывшие секретарши райкомов и обкомов, теперь учат нас демократии и либерализму! Эти зубрилки-«экономистки» рекомендуют нам питаться грибами и ягодами...

Люба предлагала урезать пенсии старикам, чтобы те переходили на собственный «дворовно-приусадебный» бизнес. Простым людям села она советовала заняться плетением корзин, изготовлением веников, а также разведением экзотических животных вместо надоевших кур и свиней, которых стало невыгодно содержать.

В областном городе успешная дама по старой агитационной привычке постоянно устраивала какие-то презентации, конференции, семинары успешных людей, заканчивавшиеся банкетами и фуршетами. Ее фото появлялось во многих газетах, не только в частных, но и в тех, что прежде были органами обкома КПСС. Богатая и еще не старая владелица сети торговых точек теперь выдавала гранты и стипендии начинающим предпринимателям! Во время своих довольно-таки длинных, тщательно подготовленных докладов она ри-

---

совала радужные перспективы будущего нового общества, «где всегда есть место инициативе».

ПОПУТНЫЙ АВТОМОБИЛЬ

Однажды Пал Иваныча пригласили в соседнюю деревню на свадьбу. Старик согласился пойти, он хотел посмотреть, что сейчас осталось в деревне в классовом смысле. Меня он взял за компанию, к тому же он хотел, чтобы я записал его свадебную речь для будущих поколений.

Идти до деревни было километра три. Мы брели по обочине асфальтированной дороги, надеясь, что кто-нибудь нас подвезет.

Выбрели в полевой простор, поглядываем вокруг. Жара. Тают в полуденном мареве окрестные деревни. Колхозные разграбленные коровники напоминают руины войны.

Но вот на шоссе появляется яркая, в виде сверкающей капли иномарка. Она вырастает, приобретая современный образ технического чуда. На темных зеркальных стеклах пыль, будто звездный порошок налет, похожий на обычную известь. Шевелятся с усилием стеклоочистители, выскребая из налипшей пыли прозрачные секторы для водителя и пассажирки.

В полукруге прочищенного от пыли пространства на стекле я вижу в салоне знакомое лицо — Люба, Любовь Ивановна! Бывшая одноклассница, золотая медалистка, специалистка по коммунистической идеологии, ныне «бизнесменша». Зачем она заявила в захолустье, где когда-то начинала партийную карьеру? Чего ей надо в наших скучных местах? Но прошел слух, что она продолжает скупать через своих менеджеров колхозные пай... Мелькнул и улетел женский медальный профиль.

— Это БР! — воскликнул старик бредовым тоскующим голосом. — Богиня Революции! Пришло время — она опять зовет нас под свои знамена!

От пронесшегося автомобиля нас со стариком качнуло воздухом, мелькнули на бампере три нуля и еще какая-то вип-цифра.

— Да, Богиня Справедливости... — проворчал я. — Эта Любовь Ивановна уже не идеологиня, с которой ты часто схватывался, а, пожалуй, уже «графиня» этого края. Этой даме теперь и богатства никакого не нужно, просто ей хочется овладеть нашей землей, этими обезлюдевшими пространствами. Говорят, она скупает здешние земли для разведения здесь пятнистых оленей. А нам с вами, Пал Иваныч, будет запрещено ходить по личным владениям новой «графини».

Автомобиль уменьшился до букашечных размеров — удаляющаяся точка блестела все ярче. Вот она мелькнула ослепительной искрой и погасла.

Люба нас не подвезла. Наверное, не захотела сажать пыльных пешеходов в супердорогую машину.

Старик ворчал: мол, скоро новый век всех кукол-графинь прижмет к ногтю! Придет время, и само течение истории навсегда утопит смысл наживы в океане новой, очистившейся от грязи жизни. Не торопитесь забивать последний гвоздь в крышку гроба коммунизма! Идея справедливости неуничтожима! — пророчествовал он.

— Вот она, твоя Люба, она же БР, промчалась с неизвестной целью по нашим захолустным местам, и при этом она, конечно же, заметила меня, неподкупного принципиального нетоварища, раскусившего ее еще в сельском клубе, когда она танцевала шейк и прочие буржуазные танцы! Она, ведьма новых времен, с наклеенной улыбкой на кукольном лице, понимает, что я — старый беззубый пес, охраняющий эти черноземные края от ее буржуазного акульского взгляда. Я, Пал Иванович, готов без конца сражаться с капиталистическими идеями, основанными на подлости человека. Даже Маркс и Ленин не сумели до конца теоретически и практически стереть капитализм с лица земли. Зато я, дядя Паша, по прозвищу Социализм, постараюсь довести дело до торжественного конца!.. Я вступаю в бой с мертвыми идеями нового века! Долой стяжательство и бессмысленность жизни! Да здравствует жизнь труда и всеобщего товарищества!

Старик величаво взмахнул палкой в наполненном жарой воздухе.

Я спросил его: а не повернуть ли нам обратно, в пивную райцентра?

— Нет, мы обязаны побывать на свадьбе! Вперед, селькор, марш-марш вперед! Мы должны хотя бы изредка видеть настоящий народ!

ПОЛУПОЧЁТНОЕ МЕСТО

Свадьба проходила на свежем воздухе, под навесом, защищавшим гостей от солнца. Старика посадили на полупочётное место, неподалеку от жениха, я пристроился на лавку в середину длинного стола, очутившись рядом с трактористом по прозвищу Иван Керосин. Ивана я знал прежде, не один раз сочинял про него хвалебные очерки для газеты. Он тоже меня узнал, мы приветствовали друг друга рукопожатием.

Машина Любви Ивановны тем временем взъехала на гору. Почему она прибыла позже нас? Ответ был прост — Люба осматривала свои новые земельные угодья.

И вот она собственной персоной! Будущая хозяйка края! Иномарка сверкает дороговизной на фоне кустов бузины с алыми гроздьями. В связи с появлением важной гостьи тост Пал Иваныча был отложен на неопределенное время.

Любовь Ивановну усадили на еще более почетное место — рядом с невестой, которая, видимо, приходилась ей какой-то родней. Возле стола хлопотала мать невесты, одноклассница Любы, Мария Николаевна. Я помню те времена, когда обе эти девочки, Люба и Маша, ходили в школу в резиновых сапогах.

Жених, уже крепко поддатый, тарасился на Любовь Ивановну, помня ее как бывшую «главную бабу района»: подвядшая, но выглядит хорошо!

Пал Иваныч тоже как-то странно смотрел на сегодняшнюю Любу, хотя для него женщины всегда были «второстепенными товарищами».

Жених с небрежной торжественностью поднял рюмку и назвал главную гостью «графиней», с трудом выговорив это слово.

— Но и я, братцы, пока еще не крепостной... — промолвил он вдруг, поднявшись, и одергивая свадебный пиджак. — И никогда опять крепостным не буду, хватит с меня колхоза. Я, товарищи, приватизировал колхозный трактор, на котором буду пахать землю, у меня сохранился личный земельный пай, я его не продам, и буду работать для своей ненаглядной Люции!.. — Он чмокнул свою запунцовевшую невесту в смуглую степную щеку. Белки глаз невесты жемчужно светились на фоне облачного кипения фаты. Чернел гладкий иконный лоб, с художественной четкостью высветленный золотом солнца. Родниково взблеснули улыбающиеся губы.

Люба рядом с невестой казалась бледной и смотрелась так себе со своей модной стрижкой коротких, с особым тщанием уложенных волос. Несмотря на дорогую прическу, она с этими блестящими приглаженными волосами была похожа на молодящуюся нэпманшу из черно-белого советского кинофильма.

Кто-то засмеялся словам жениха, кто-то робко ему заплодировал.

— А потом вместо «Люции» придет «Рево»... — язвительно добавил Пал Иваныч.

Иногда по старой привычке он складывал пальцы пистолетиком и целился в Любу, как в истинную буржуйку: пиф-паф! Да здравствует социальная справедливость! Сколько бы

новых хозяев на этой огромной земле ни появилось, крепостного права и рабов здесь больше не будет! Долой современных графинь!

Для почетной гостьи принесли хорошее шампанское с пестрой наклейкой. Наполненный бокал в Любиных пальцах искрился янтарным шампанским, словно бы горели поверх тонкого стекла яркие красные ногти, превращаясь под искривленными линзообразными стенками бокала в большие маковые лепестки. При этом слегка оттопыривался изящный мизинец, он будто шлагбаум висел в вечеряющем воздухе деревни. Мое опьянение вычеркивало из памяти ее отчество, хотя она Ивановна, но для меня она в данный момент оставалась обычной помолодевшей Любой. И выглядела она ярче невесты. Но время и ее куснуло, оставив на лице чуть заметные опухолевидные следы.

Люба встала и произнесла отстраненным, будто бы не ей принадлежавшим голосом несколько стандартных фраз о необходимости любви для создания семьи как основы благополучия страны. Шипели и лопались пузырьки шампанского. Голос у нее был по-прежнему жестким, сохранившим силу с партийных времен. Опьянение вычеркивало из памяти ее отчество. Звуки точных правильных слов летели поверх полей, прудов, рощ, и я думал, что это хорошо, что в ее речи ничего не понятно, зато создается общее свадебное настроение. Всем понравилось — аплодисменты громче обычного.

Я смотрел на нее почти безотрывно, как смотрит бедный пастух на герцогиню, и в то же время как бывший «ухажер» — с горечью отвергнутого равного. Я хочу обратно в детство, в школу, сесть за одну парту с Любой, шутливо обнять ее за гладкие прохладные плечи... А вечерами вновь целовать ее под раскидистой черемухой... После какого-нибудь широкоэкранный французского кино...

Она также несколько раз взглянула на меня, и я по привычке передразнил ее, пытаясь что-то изобразить своим одеревеневшим от алкоголя лицом. На ушедших в небытие конференциях, во время чтения разных докладов, я тоже часто ее таким образом передразнивал.

Она, как в старые времена, погрозила мне пальцем, — опять пьяный! — и снисходительно улыбнулась. Еще с давних времен, когда Люба работала в райкоме комсомола, она научилась сдержанно улыбаться. И в то же время она что-то аккуратно ела со свадебного стола, молча кивая и отвечая на неслышные мне вопросы гостей.

— Здесь, в деревне, у стай мадамы будет стоять дом-дворец! — шепнул мне сосед-тракторист. Это был острый на язык

человек. Недаром его прозвали Керосином. В свое время он часто ссорился с начальством. Сейчас это был еще бодрый крепкий мужик, и магазинная водка его не брала, лишь загорелые скулы шли розовыми пятнами. Иван дожидался, когда подадут «свойскую» самогонку. — Та хороша, собака, градусов под шестьдесят! Та, зараза, возьмет!..

— И откуда только опять появилась эта никчемная Любка? — недоумевал Керосин. — Двадцать лет назад она была последней монашкой умирающей коммунистической идеи, а теперича к ней, к буржуазке, и на хромой козе не подъедешь...

Я снова выпил, глядя при этом на Любу. Поставил стакан — донышко его глухо стукнуло о скатерть, запятнанную закусками.

— Коммунистическая идея сыграла в ящик, поэтому Люба перешла в другую партию... — пробормотал я, отвечая на слова Керосина. — Идея сама от нас отвернулась. Ведь идея — она как живая! Идея увидела, что ею управляют такие вот Любы, и ушла от нас мелкими шажками.

Иван без всякого тоста, одним глотком выпил стопку водки, затем некоторое время сидел неподвижно, сутулясь и не закусывая.

РЕЧЬ ТРАКТОРИСТА

И вот наш Иван встал, держа в руке доверху наполненную «колхозную» стопку, — уже заметно пьяный, но крепко стоящий на ногах, граненый стаканчик словно бы не держится в его больших узловатых пальцах, но будто сам по себе висит в воздухе, и жидкость в нем — духовитая, самогонная, неподвижна как озеро.

— Вы уж позвольте мне сказать... Молодоженам, конечно, желаю всего хорошего... — А сам посмотрел прямо на Любу. — Вот вы, Любовь Ванна, принимали меня в комсомол, я этот день запомнил... Вы почти такая же и остались, только теперь вы совсем другая — чужой мир вошел в вас. Это даже не новый чудной мир, а сам господин сатана в его главном обличье — в маске богатства и власти... Он сидит внутри вас и осторожно, по-партийному, то есть подкововерно ворочается...

Ивана дергали за рукав, пытались усадить, покрикивали, чтобы не болтал лишнего. Дескать, поздравляй молодых, и садись, Керосинище, на место, колючка ты советская!

Но Керосина трудно остановить в речах. Если уж заговорил, то выскажется до конца. Все, в том числе и Люба, знали этот язвительный характер. Еще в прежние годы, когда Люба

была комсомольским работником, Керосин не один раз спорил с ней на темы общественной жизни. Однажды на поле-вом стане Иван попросил Любу разъяснить ему, кто такой писатель Солженицын и почему власть считает данного ли-тератора главным врагом СССР? Именно в тот день они по-ругались, а вопрос об исключении передового комбайнера из рядов ВЛКСМ долго стоял на повестке дня, но парня так и не исключили, Ивана посылали на слёт молодых механизато-ров и на съезд ЦК ВЛКСМ в Москву, ладонь ему пожимал сам Леонид Ильич Брежнев!

Он еще хотел что-то сказать «за жизнь», но Любовь Ива-новна усадила его мягким жестом ладони, при этом лицо ее изобразило неудовольствие, мгновенно перешедшее в дежур-ную механическую улыбку. Она понимала, что на нее в дан-ный момент смотрят гости, поэтому тень гнева, мельком про-бежавшая по ее холеному лицу, тотчас была подавлена улыб-кой политкорректных губ. Линия помады на этих губах сби-лась, и это делало ее похожей на клоунессу. Однако в этом был свой плюс: расширенность помадного пятна заставляла выглядеть ее слегка пьяной, почти домашней в деревенской компании.

На другом конце стола обедали Любины шофер и могучий охранник с бычьим загривком. Они отказывались от пред-лагаемого им спиртного твердыми непреклонными жестами.

Я смотрел на Любу, и жизнь открывалась передо мной во всей своей природной величавости и загадочности. Наши взгляды опять встретились, и Люба укоризненно, как в пре-жние партийные времена, снова погрозила мне пальцем.

«Я по-прежнему идеалист! — хотелось воскликнуть мне так, чтобы она услышала. — При моем экзистенциальном отношении к жизни мне следовало бы записаться в отшель-ники, чтобы питаться соломой и запивать ее разведенным уксусом. А я сижу на странной свадьбе, пью магазинную водку, закусываю прочной деревенской едой. Придет время, Люба, и мы с тобой будем горевать о потерянной родине, о мечтательной юности, когда ты была красивой и неприступ-ной монашкой идеи!».

Я не могу с ней говорить, однако она прекрасно всё пони-мает по выражению моей пьяной, но еще вполне красноре-чивой физиономии. Ее физиологически пышный организм как всегда без червоточинки и горчинки, как румяное ябло-ко на осенней выставке. Хочется думать, что яблоко не на-стоящее, слеплено художником из воска. Я мечтаю, чтобы Люба сейчас подошла ко мне и прохладными ладонями при-коснулась к моим горящим от спиртного щекам.

Я впал в забытье, прикрыв глаза, в голове возникали и исчезали картины нашей с Любой юности. Неожиданно я почувствовал, что кто-то присел рядом со мной на скрипнувшую скамью. Поднял лицо — Люба! Я смотрел на нее по-пьяному пристально, до полной расплывчатости ее облика перед глазами.

Она обняла меня, как в молодости, я почувствовал полукружие прохладных рук. Кожа ее пахнет степью, запахом стеблей скошенной пшеницы. И еще чем-то городским, долларовым, парфюмным. Молча поцеловала меня в щеку липкими от шампанского губами. В поцелуе нет молодости, одна лишь горечь уходящего лета.

Я поднял голову, пристально взглянул на нее с близкого расстояния: лицо женщины тронута возрастом, морщины и складки убраны современными средствами — хирургическими и химическими. Странно видеть вместо прежней Любы эту средней красоты и неопределенного возраста даму с бриллиантовыми перстнями на обеих руках. Идея коммунизма, которую она когда-то пропагандировала и пыталась применить в жизнь с помощью идеологических пешек, вроде меня, превратилась в пустыню ее неузнаваемого, ярко-бледного лица. Искорками горели на губах блёстки стершейся помады. Я нетрезв: а то бы мне было бы горько смотреть на нее, такую, обыкновенными глазами.

Искрились редкие седые волоски в ее до сих пор густых и жестких как грива волосах, в которые я машинально запустил пальцы, теребя прическу, как в юности: что-то родное, недоцелованное, недолюбленное светилось в карих, с оттенком густой нефти глазах. Я обнял ее и поцеловал — запахи мировой парфюмерии оглушили меня сильнее водки.

— Ты что? — воскликнула она с притворной серьезностью. — Ты знаешь, кого ты целуешь?

— Знаю! — ответил я. И тут же придумал четверостишие без рифмы:

Люба отстранилась, взгляд ее сделался предельно жестким, в шоколадных глазах появился стальной блеск:

— Ты это мне брось рассуждать про кризис! — сердито прошептала она. — Много вас тут развелось доморощенных социологов и философов! Хотя бы сегодня не напоминай мне об этом противном кризисе! Впрочем, для меня этот кризис ничего не значит. Теперь всё здесь мое, в том числе и эта земля со всеми пашнями, прудами и рощами!

Охранник, заметив резкую жестикуляцию хозяйки, встал из-за стола, сделал несколько шагов по направлению к нам, Люба остановила его жестом ладони.

— Здесь свои люди... — сказала она охраннику тихим, чуть хриплым голосом, достала из сумочки тонкую дамскую сигарету, закурила. И вновь строго взглянула на меня. — Ты вносишь своими разговорами социальную рознь в наши отношения, — произнесла она таким тоном, будто пошутила. Однако взгляд темных глаз продолжал сверкать сталью.

— Я вношу в наши отношения социальный мир, и даже «социальную любовь»... — пробовал отшутиться я. И, прислонив ладонь к груди извиняющимся жестом, сказал, что больше не буду.

— Чего не будешь? — задумчиво произнесла она, сделала долгую затяжку сигаретой, выпуская дым в потемневший воздух.

— Ничего не буду. Никогда! — Выпитая водка, гудящая в крови, прихлынула к глазам — так вдруг мне стало жаль эту женщину, которая оставалась по-прежнему родной и любимой.

Она молча смотрела на меня.

— Ты помнишь четверку? — спросил я.

— Какую четверку? — Люба машинально огляделась вокруг, словно что-то могло угрожать ее безоблачной жизни.

Верзила-охранник, одетый нарядней и дороже жениха, в черном костюме с галстуком-бабочкой нахмурился, снова привстал. Люба остановила его легким офисным жестом.

— Ту самую четверку, которую наш учитель Ефим Маркелыч поставил тебе по физике?

Она пожала плечами, подняла стопку духовитого самогона, я с ней выпил за компанию, и мы сразу потянулись друг к другу, начали целоваться, как в молодости. Я вновь ощущал душистую помаду, смоченную алкоголем. Все вокруг были «хороши», свадьба шумела сама по себе, никто не обращал на нас внимания. Старым подобием юношеского поцелуя я старался выпить из нее официальность и коммерческую отрешенность, мне хотелось пробудить в ней прежнее, искреннее, молодое, что было когда-то в Любе. Мы плакали по нашей потерянной любви, давно прошедшей, но вдруг вернувшейся в мгновение чужой свадьбы. Люба вытирала растекшуюся по лицу тушь салфеткой, но все равно лицо ее оставалось милым и юным.

— Как горько! — шепотом воскликнула она. — Как горько и тяжело, я так устала... — И снова взглянула на меня долгим взглядом. — Возвращайся ко мне, у тебя будет всё!.. Всё, что ты пожелаешь!

Но говорила она так, будто не верила своим словам.

— Всё перегорело! — сказал я спокойным трезвеющим голосом. — И всё прошло! Ты сама отлично понимаешь, что мы никогда не сможем быть вместе. И не могли никогда быть вместе! Зачем ты появилась в моей жизни? Почему ты, Люба, стала моим наваждением?

Она вздохнула, на секунду оцепенела, продолжая глядеть как бы в пустоту, где перед нами обоими уже маячила пока еще невидимая, но такая осязаемая старость. В ее руках, ласково обнимающих и поглаживающих мои плечи, я чувствовал слабую дрожь.

Некоторое время сидели молча, я видел Любу боковым зрением, как когда-то в классе, когда мы почти десять лет сидели за одной партой. Я вновь поцеловал ее в сохнувшие на августовском ветру губы. Такими поцелуи случались в годы нашей комсомольской юности, когда они считались делом тайным, даже в иностранных фильмах поцелуи показывали редко.

В полусумраке начинающейся ночи, на фоне гомонящей свадьбы я видел ее бледное лицо, окрашенное вечерним оранжевым светом. И Люба в этом свете — будто марсианка. Десятилетия, казалось, не тронули этой ухоженной женщины.

— Ты меня с кем-то сравниваешь? — тихо спросила она.

— Да...

— С кем?

— С тобой.

— Ну и каков же результат?

— Ты осталась такая же, как и прежде.

— Так ты не хочешь сейчас со мной?

— Я всегда этого хотел, с восьмого класса! Но сейчас это невозможно. Ты же сама понимаешь... Люба, меня давно терзает один лишь вопрос: почему ты предала нашу Родину, которую мы с таким трудом построили?

Она злобно обернулась, блеснули дорогие фарфоровые зубы:

— Это ты предал Родину и партию своим пьянством и фельетонным зубоскальством... Я всегда ненавидела писателей и уверена, что эпоха повторного осуждения Солженицына и всей вашей литературной братии еще вернется...

Она молча, в искреннем порыве обняла меня за шею. Затем взглянула на часы, и больше уже ничего не предлагала. От нее вблизи пахло тонким парфюмом, и еще каким-то гламуром, рядом с ней было легко и просторно. Она опять, как в школьной юности, принесла с собой открытый, живущий каким-то непонятным счастьем мир. Моя несравненная Люба. Сквозь текущие по щекам слезы я глядел на близкое родное лицо.

Она вздохнула, отстранилась, в ее глазах отражалась покосившаяся церквушка. Свадьба, угасала. Сквозь затухавшие звуки веселья и отрывистые восклицания просачивались бессмысленные мычащие крики. Кто-то к чему-то целеустремленно призывал, и тут же забывал о своих призывах.

— Мне пора! — сказала Люба деловым жестким голосом. — Пора ехать. Я вовсе не планировала посещать эту свадьбу, всё вышло случайно...

— Всё в этом мире происходит случайно! — произнес я медленно, стараясь не допускать в свой голос нотки философичности.

— Что ты там бормочешь? — возмутилась Люба. — Почему журналисты в разговоре с дамами непременно переходят на поучения?

— Лучше скажи, почему так переменилась жизнь? — спросил я у Любы. — Почему она сделалась такой грустной? Неужели от того, что навсегда ушла молодость?

На нас с Любой по-прежнему никто не смотрел, свадьба с гулом затихала, затмеваясь деревенской ночью.

— Забудь, дружок, о лирике — жизнь сделалась совсем другая! — ответила Люба. — Мы, хозяева новой жизни, не допустим возвращения глупой романтики, мечтаний о всеобщем равенстве! А тех, кто будет нам мешать, всяких Пал Иванычей, наивных журналистов, корявых земледельцев вроде Керосина, мы аккуратно уничтожим!..

Метафастазы официальнойщины исказили ее переливчатый приятный голос.

— Ты, кажется, нам угрожаешь? — спросил я с горькой усмешкой.

— Ну что ты, миленький... Просто времена теперь такие, чуть что в денежных делах не так... и тотчас страшная расплата! — На миг она задумалась, лицо искривилось гримасой презрения. — Этот ваш ничтожный и вечно вредный Пал Иваныч — он даже здесь, на свадьбе, смотрит на меня столетним марксистским волком, как на пожирательницу вдов и сирот.

— И не без основания... — заметил я с пьяной откровенностью.

— Понимаешь... — оправдывающимся тоном заметила Люба. — Мы по ошибке строили так называемый социализм, но, оказывается, сам принцип этого строя был бюрократичен и бесчеловечен. Пришлось искать другие пути. Я это поняла с некоторым опозданием. Принципы социализма губили и подрывали все, кому не лень: например, неутомимая революционная мумия Пал Иваныч, а также апатичный ко

всему пастух Сапрон, воришки колхозного масштаба, имя им легион, а вы, провинциальные журналисты, так называемые «интеллигенты», превратились в диссидентов и пьяниц.

— Да! — Я согласно кивнул головой. — Бездарно растратенное время социализма!

Я посмотрел в ее черные, расширившиеся, закипающие дымным гневом зрачки, и мне вдруг стало страшно: в образе суперсовременной дамы на меня смотрела, по выражению Пал Иваныча, «вся современная буржуазия». Это было «лицо фирмы» сомнительного происхождения. Люди, которые стояли за Любой, были темны и страшны. Красивое, скрытно увядающее лицо, смягченные улыбкой шутивные угрозы — они казались мне бессмысленными. Впрочем, перед расставанием она смягчилась, в ее взгляде и облике вновь появилось что-то школьное, раннесоветское. Женщина встала из-за стола и мельком, как на постороннего, посмотрела на меня, затем отыскала взглядом охранника, маячившего наподобие башни возле машины, прощальным жестом положила на мое плечо ладонь в перстнях — чуть припухшую ладонь пятидесятилетней женщины. Подняла свою рюмку, я свою, мы чокнулись, выпили на посошок. Поставив пустую рюмку на скатерть, не закусывая, Люба вздохнула, погладила меня по голове, словно маленького, разворошив в моих волосах вечернюю успокаивающую прохладу, и поцеловала в последний раз легонько в губы.

— Помнишь Джека Лондона? — спросил я.

— Какого еще Джека Лондона? — насторожилась Люба.

— Который написал книгу про олигархов, «Железная пята» называется.

— Ну и что? Почему я должна его помнить?

— В сорокалетнем возрасте Джек Лондон загадочно погиб, выпал за борт корабля. Поговаривали, что это месть олигархов.

— А мне его не жалко — тоже мне, критик нашелся! Я бы этого Джека Лондона сама утопила в Тихом океане, если он причинил идеологический вред нашему классу. Все вы, несчастные социалисты, плохо кончите!..

— Но ты сама — не такая уж великая олигархиня. Тебе-то зачем так запоздало злиться на несчастного писателя?

— Тогда не рассказывай мне разную ерунду.. Ладно, прощай, Саша! Может, еще увидимся..

Она вновь обняла меня и деловито, по-товарищески чмокнула в щеку.

Затем подошла к молодоженам, весело с ними распрощалась, улыбнулась гостям, помахала всем ладошкой. Она го-

---

ворила что-то приятное, однако метастазы официальнойности с детства и навсегда поразили ее некогда переливчатый грудной голос, сделав его металлически-жестким. «Графиня» величавым шагом двинулась к своему отличительному автомобилю, ярко сверкающему на фоне зарослей полыни и лопухов. Полынь, в свою очередь, тоже сияла, хотя и более скромно, серебрясь вековечным глухотным светом и улавливая белыми кисточками отблески заката. Мне без Любы стало пусто, как без юности.

С тихим рокотом завелся мотор, по лицам сидящих за столом гостей прокатился фиолетовый отблеск стекол, вспышка фар прорезала дальние холмы. Я сидел, облокотившись о стол, и думал о том, что Любу я никогда по-настоящему не любил, но идеализировал ее во времена далекой юности, когда кажется, что ты кого-то любишь.

— Не плачь! — толкнул меня локтем Керосин, про которого я временно забыл. — Грех плакать по бабе, даже по такой. Тут их еще много осталось!.. И не бойсь — ничего эта дамочка нам плохого не сделает! Ты же сам писал в своей газете, что мы — народ, мы — вечные! Мы будем жить, а ее, не очень умную тетку, укокошат ее же друзья-миллионеры, у них ведь чуть что не так, подпись не там поставил, не то сказал — на следующий день дырка в башке!

И еще он спросил, действительно ли я думаю, что эта важная гостыя — «симпатишная»? И при этом хитро прищурился.

— Она еще ничего... — задумчиво ответил я.

— А я как увидел ее в первый раз в кабинете первого секретаря РК ВЛКСМ, так сильно испужался, не знаю почему — вроде она такая деловая, строгая, и видная... А в тот день мне почему-то вспомнилась наша деревенская поговорка: «Страшнее бабы зверя нет».

— Странно. Она тогда была самой красивой девушкой райцентра.

— Никто не спорит. Но только тогда я шибко оробел... Однако в комсомол она меня, такого робкого, приняла...

— Так ты был тогда молодой герой труда, о тебе даже центральные газеты писали...

— Я всегда думал, что женщина должна быть светлой, тихой, невидимой, прозрачной как стекло... А на этой какая-то печать судьбы уже тогда была, она была похожа на Еву, которую поцеловал змей... Но... давай-ка, брат, лучше выпьем...

И мы в который раз чокнулись налитыми доверху гранеными стаканчиками.

ПРОЩАЙ, МОЯ НЕЗАБВЕННАЯ ЛЮБА!

Спустя месяц я узнал из Интернета, что депутата и владелицу окрестных земель, Любовь Н. нашли мертвой в Москве, на тротуаре. Оказывается, Любу сбросили с крыши двадцатипятиэтажного здания. Кто и за что — до сих пор неизвестно. По версии следствия, произошло банальное ограбление. Местные жители недоумевали — зачем ее бандиты затащили на крышу и сбросили вниз?..

Хоронить ее привезли в наш поселок, на родину. На похоронах выступали солидные люди — депутаты, бизнесмены, важные начальники. Произносились речи. Я слова не просил, да мне бы и не дали этого слова.

Все уехали, а Люба осталась лежать под свежим коричневым холмиком. Как тут не вспомнить слова Льва Толстого о земле, о том, много ли ее надо человеку? Люба навсегда улеглась под простым деревянным крестом, рядом с родителями. Местный народ гадал, поставят Любе ее «друзья» на могиле мраморный обелиск? Или памятник во весь рост?.. Но прошло несколько лет, а солидное надгробие так и не появилось, крест потемнел от дождей и ветров, слегка накренился, сделался похожим на все прочие кресты.

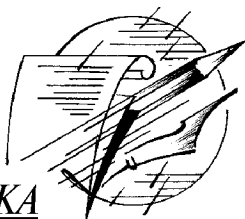
Там, на кресте, была помещена ее фотография, взятая из школьной юности. Вот она — юная и надменная!

Когда я изредка прохожу мимо кладбища, то всякий раз останавливаюсь у этого дубового креста, и мне чудится тот голос, полный умиления, восторга и любви, доносящийся из прошлых времен...

с. Красное Липецкой обл.

КОГДА НАЧАЛАСЬ УКРАИНА?

Вопрос возникновения Украины возник не вчера. Он возник позавчера — накануне, во время и после развала Советского Союза, который, по большому счёту, располагался в пространстве исторической России. Что мы, русские, знали в советское время об Украине и украинцах? Мягко говоря, немного. Что Украина — Советская социалистическая республика в составе СССР, что до революции 1917 года её не существовало (как, собственно, и большинства союзных республик), что возникла она на основе того дикого поля, которое в 1654 году под названием «Украина» под руку царя Алексея Михайловича привёл Богдан Хмельницкий, что эта акция называлась «воссоединением» (хотя как можно воссоединять то, чего никогда не было, с государством, имевшим многовековую историю?), что большую часть своей территории советская Украина получила благодаря передаче советским правительством в её состав областей России (в основном), а также Чехословакии, Румынии и Польши. Ещё мы знали, что в 1954 году в ознаменование 300-летия «воссоединения Украины с Россией» Хрущёв подарил Крым вместе

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

с его населением Украине, но при этом полагали, что пребывание Автономной Республики Крым в составе Украины — состояние временное, и Украина в любом случае от Крыма откажется сама. Что, собственно говоря, и случилось в 2014 году. Президенту Путину оставалось только помочь Крыму возвратиться в состав России. О том, что будет с неукраинским населением Украины, которого большинство, до 1991 года никто вообще не задумывался.

После объявления Украины «незалежной и самостийной» мы стали наивно полагать (конечно, не без активной помощи нашей проправительственной прессы), что имеем дело с «дружественным» государством, в котором проживает вместе с русскими «братский» народ. После развязывания Украиной гражданской войны на своём (теперь уже — не совсем своём) востоке, мы наконец сообразили, что это созданное большевиками «государство», где огромная часть взрослого мужского населения состояла в КПСС, став формально независимым, перестало быть дружественным нам, и что украинцы — вовсе, как оказалось, не братский нам народ. (Хотя и сейчас со страниц газет и с экранов телевизоров нам продолжают объяснять, что народ-то он братский, это вот только Порошенко, Тягнибок, Турчинов и почти всё правительство, а также «нацгвардия», «правый сектор» и остальные националисты и бандеровские бандиты — нам не братья.)

Когда-то в глубоко советское время в Киеве я услышал такой украинский анекдот: «Один украинец — партизан, два украинца — партизанский отряд, три — партизанский отряд с предателем». Смеялись — и украинцы, которые его рассказывали, и все остальные, которые его слушали, — смешно же. Очень скоро оказалось, что это не анекдот, а, как говорится, реализм действительной жизни.

А что мы знали об украинцах? Что они — те же русские, только говорящие на одном из почти двадцати трёх диалектов, имеющих хождение на Украине, или на исковерканном русском, но чаще всё-таки на правильном русском языке. Причём, так называемый западенский диалект понять сложнее, чем польский язык, а вот южные и восточные диалекты — легко. Что они, украинцы, — грубые, вороватые, трусоватые, ленивые (такое представление об украинцах активно поддерживалось советским кинематографом) и хамоватые, если не сказать больше. Что они постоянно скачут («кто не скаче, той москаль!»). В Советской армии они обыкновенно дослуживались до звания старшины (прапорщика), потому что там всегда есть что украсть. И ещё: именно на Украине (Западной) Великая Отечественная война продолжалась и

после 1945 года и закончилась только в 1954-м, когда последние соединения украинских националистов (зверства которых пугали даже гитлеровцев), воевавших на стороне немцев, были уничтожены или сложили оружие. Конечно, большинство украинцев всё-таки не были такими. Вспомним партизанскую армию Ковпака и Сабурова, уроженцев УССР генералов Черняховского, Герасименко, Попеля, маршалов Тимошенко, Рыбалко, Ерёменко, Москаленко, Малиновского, Кожедуба, Судеца, Рыбалко, Скрипка...

Но... Но всё-таки почти сто украинских дивизий воевали против Советского Союза (а значит, и против Украины) на стороне Гитлера, а вовсе не «всего три дивизии» СС — «Галичина», «Нахтигаль» и «Рудольф», как говорили сами украинцы. Главное, что отличает украинца от русского, — это не язык, а почти всегдашняя готовность к предательству (анекдотов на эту тему море).

Вспомним историю гибели известного детского писателя Аркадия Гайдара. Когда началась Великая Отечественная война, он пытался уйти на фронт добровольцем, но ему отказали в призыве по состоянию здоровья. Тогда он отправился на фронт в качестве военного корреспондента «Комсомольской правды». Оказавшись под Киевом, вскоре занятым гитлеровцами, он пропал без вести. В 1944 году, после освобождения Украины, выяснилось, что он ушёл в партизанский отряд, и в Черниговской области осенью 1941 года был застрелен полицаем в с. Леплево. Абсолютно всё село (!) знало об этом, но хором молчало до тех пор, пока этот бывший полицай не умер. Документальный фильм о судьбе Гайдара был показан по одному из российских телеканалов в начале 2017 года.

Ещё одна чисто украинская отличительная черта — бахвальство. В советское время украинцы постоянно кичились тем, что кормят весь Союз, — кичились и на личном, и на государственном уровне. В постсоветское время выяснилось — не могут прокормить и самих себя. Даже сало, которое, считается, что они обожают и вообще считают наркотиком (как известно, в любой шутке есть доля шутки), на современной Украине достать трудно. И ещё: украинцем, как и американцем, стать просто: не обязательно учить мову (напомню, кстати: «мова» — вовсе не язык, а речь, в смысле — устная речь). Даже в украинском правительстве далеко не все говорят по-украински. И вовсе не потому, что Украина находится под внешним управлением и целый ряд министров — граждане других стран, даже русский язык знающие недостаточно хорошо. «Справжний», «свидомый» (то

есть, настоящий, всё знающий) украинец должен иметь украинский паспорт (или даже не иметь, таких достаточно и за пределами Украины, и даже в самой России) и ненавидеть Россию, русских и всё русское. Или, по крайней мере, озвучивать эту ненависть. Именно на этом строится ныне украинская идентичность, «украинская идея», «украинская идеология». Об украинской словесности, искусстве, живописи, архитектуре, музыке и т.д. можно говорить только в сослагательном наклонении. Для подтверждения «украинскости» больше ничего не требуется. Да, и ещё: главное «державное» чувство, которое должно обуревать «справжнего» украинца — осознание того, что Украине все что-то должны. Россия, Евросоюз, Америка. Наверное, и Китай тоже.

Кто же такие были украинцы? Сельское население юга и юго-запада России, никогда не жившее в городах, куда их часто попросту не пускали. Во Львове, например, по рассказам старожилов, до 1939 года местный крестьянин-украинец, привозивший свою продукцию в город, должен был продать её перед шлагбаумом перекупщику, как правило, не поляку, но и не украинцу, и, не въезжая в город, отправляться восвояси. Переселившись всё-таки в город, он, продолжал говорить в тогдашней Австро-Венгрии ли, Польше, в нынешней центральной Украине на всё том же русском языке (конечно, с определёнными диалектными особенностями, существующими едва ли не в каждой области, а то и районе), как это происходит и сегодня во всех частях нашей великой страны. Если же горожанином он становиться не хотел, то... Но об этом позже.

Говоря о юге и юго-западе, я не имею в виду Причерноморье, Приазовье и восток нынешней Украины. Никаких украинцев там никогда не было, как и самих городов. Эти безлюдные и маловодные степи контролировались Оттоманской империей и подвластным ей Крымским ханством и стали осваиваться после покорения Крыма и вхождения его в состав России в 1783 году. Заселялся полуостров и сопредельные территории, ставшие позже Таврической губернией, преимущественно русскими и представителями других национальностей: греками, армянами, сербами. Но не украинцами, которых попросту не было. И города в Новороссийских землях основаны сравнительно (в историческом плане) недавно — в конце восемнадцатого века: Одесса — в 1795-м, Николаев — в 1789-м, Херсон — в 1778-м, Елисаветград (Кировоград) — в 1754-м, Кривой Рог — в 1775-м, Запорожье — в 1770-м, Днепропетровск — в 1783-м, Луганск — в 1795-м, Донецк — вообще в 1869 году. И появлялись они согласно

государеву Указу и за счёт российской казны, а не абы как. Что касается Мариуполя, то он ведёт своё начало с 1779 года, а название получил по имени греческой деревни в Крыму. В 1778 году в Приазовье добровольно переселись из ещё мусульманского Крыма 18 395 греков, 12 598 армян, а также несколько сотен валахов и грузин. Тем населённым пунктам, где обособывались переселенцы, зачастую давали привычные их слуху названия: так возник тот же Мариуполь и другие селения нынешней Донецкой области — Ялта, Старый Крым...

Переселенцам правительство пообещало выделить в пределах Российской империи по 30 десятин земли. Землевладения самых богатых греческих семей в Крыму были значительно меньше. Переселение (под охраной войск и руководством генералиссимуса Суворова) было вызвано опасениями русского руководства за жизни христиан, активно помогавших русским в войне против татар и турок, и стремлением максимально ослабить подвластное Османской империи Крымское ханство: именно христиане, главным образом, православные были ремесленниками, строителями, купцами, моряками и рыбаками... Один лишь только Харьков появился на карте Российской Империи в середине семнадцатого века (как крепость). Но при чём тут Украина и украинцы?

Откуда же взялось это название: «Украина»? Как говорил главный герой булгаковского «Собачьего сердца», имея в виду кобеля, которого он считал своим отцом, «нет, без водолаза здесь не обошлось» (и затем следовал пассаж о его матери, то есть сучке). Здесь не обошлось, как часто бывало в таких случаях, без поляков. Ещё в Средневековье они называли междуречье Волги и Оки «Залесской Украиной». Потом аппетиты у них поубавились, и они стали называть «Украиной» окраину владений Польши. Это произошло в XVII веке. Правда, и в переписке Ивана Грозного с Курбским, да и в других письмах и летописях мы встречаем упоминания о разнообразных «украинах» — «заволжской», «крымской», «литовской» и т.д. В Толковом словаре В.И. Даля находим объяснение прилагательному «украинный»: «Сибирские города встарь назывались украинными. А город Соловецкой место украинное».

Можно вспомнить и другие «украины»: «Еха ж Смоленска вборзе и приехавшю же ко украине Галичкыю и вся два города Каличкыые, и оттоле поиде к Галичю». Это о Ростиславе Берладнике, который в 1189 г. пересекал границу (украину) Галицкого княжества. А вот известие, тоже летописное, о возвращении Даниилом Галицким в 1213 г. завоёванных поляками Галицких земель: «Даниил еха с братом и прия

Берестий, и Угровеск, и Столпье, Комов и всю украйну». Или о Псковской земле: «И пришел тайно и взяша с украины неколико псковских сел». О Полоцкой земле в летописи 1348 г.: «И посем Андрей с Полочаны из своая украины пригнаше без вести повоевавше неколико в Воронежской волости сел». Летопись 1503 года — Великий князь литовский Александр пишет валашскому воеводе о границе: «И тымы разы, аж Бог даст, подближаемся там под украины к тым нашим панством... Приказали есьмо своим украинным князем... и всем своим украинником» — жителям пограничья. А вот в Новгородской летописи под 1517 годом: «По королеву совету Жигимонтову приходиша крымские татарове на великого князя украйну около города Тулы...» В том же году Великий князь Василий Иванович пишет: «Наш недруг, король польский, послал войско к украинному пригородку к Одочке, а наши воеводы с ноугородцкими людьми стояли в нашем украинном городе на Луках на Великих, оберегали наших украин». Польский король Стефан Баторий даёт указания своим «старостам, подстаростам, державцам, князьям, панам и рыцарству, на украине русской, волынской, подольской и брацлавской живущим... и всем вообще и каждому в отдельности из старост наших украинных». Ни единожды термин «украина» в смысле «окраина», приграничье встречается у польского историка XVI века Мацея Стрыйковского в «Хрониках польской, литовской, жмудской и всей Руси», у других польских и русских авторов.

Известный историк и писатель Александр Широкоград цитирует строки из народной песни семнадцатого века о реке Амур: «Во сибирской во украине, Во даурской стороне...» На старинных европейских картах (тоже XVII в.) между Волынью и Днепром можно обнаружить территорию под названием (по-итальянски и по-английски): «Украина земля козаков».

Но советские историки упорно продолжали радовать украинских националистов (моё поколение по таким учебникам и училось), утверждая, что украинская народность к семнадцатому веку уже сформировалась. А язык? Не успел сформироваться? Уже в середине девятнадцатого века польский сочинитель Тадеуш Чацкий, чтобы не заморачиваться географией, в своей книге, созданной в жанре, как бы мы сейчас сказали, фэнтэзи, выдумал орду диких и свирепых «укров», пришедших откуда-то из-за Волги в VII веке, когда не было ни Польши, ни России. И очень порадовал своим псевдоисторическим трудом современных украинских псевдоисториков. Укры — это вам не какие-то там украинцы! Ух!

Зарубежный русский историк Николай Ульянов в своём высшей степени интересном и авторитетном труде «Происхождение украинского сепаратизма», напечатанном в Мадриде в 1966 году, пишет: «Поляки, в самом деле, по праву могут считаться отцами украинской доктрины. Она заложена ими ещё в эпоху гетманщины... (А «гетман» — это, заметим к слову — искажённое германское «гауптман», т.е. «начальник». — В.З.). Так само употребление слов «Украина», «украинцы» впервые в литературе стало насаждаться ими... Поляков не устраивали ни «Малороссия», ни «Малая Русь». Примириться с ними они могли бы в том случае, если бы слово «Русь» не распространялось на «москалей». Внедрение «Украины» началось ещё при Александре Первом (в результате трёх разделов Польши в XVIII в. большая её часть вместе в Варшавой вошла в состав Российской империи), когда, опоячав Киев, покрывши весь правобережный юго-запад России густой сетью своих поветовых школ, основав польский университет в Вильно и призвав к рукам открывшийся в 1804 году Харьковский университет, поляки почувствовали себя хозяевами умственной жизни малороссийского края».

Сегодняшнее украинское самостийничество не только борется со всеми проявления «русскости» (в прессе проскользнула информация, что по всей Украине сегодня приказано рубить берёзы — символ России), но и с православием, и даже Московским патриархатом. С благословления киевских властей униаты захватывают православные храмы, избивают, а то и убивают священников. Таких случаев уже больше сорока. В октябре 2016 г. Верховная рада рассмотрела два дополнения к закону «О свободе совести и религиозных организаций». Одно из них о том, что закон должен «обеспечить представителей религиозных общин правом на свободную и беспрепятственную смену подчинённости религиозным центрам», а другое — что религиозная община может сменить свою подчинённость «путём регистрации новой редакции статута, принятой с согласия большинства присутствующих на собрании граждан, которые принадлежат к общине». Пётр Лихоманов в статье «Рада узаконит захват храмов» («Российская газета» от 6 октября 2016 г.) пишет: «...Эти поправки развязывают руки духовно окормляемым раскольническим Киевским патриархатом (УПЦ КП) боевикам для формально законного захвата церквей, а значит, и началу горячей фазы межконфессионального противостояния на Украине».

Таким образом, Украина существовала исключительно в польском самосознании. А в действительности, да и то лишь

с 1654 года, можно говорить только о Малороссии, а это Житомир, Винница, Черкассы, Полтава, Чернигов и, условно, Киев. Вообще-то термин «Малая Русь» появился впервые в византийских актах четырнадцатого века, когда галицко-волынский князь Юрий Львович решил создать митрополию в своих владениях с центром в Галиче. Остальная Русь, где правил общерусский митрополит с резиденциями в Киеве и Владимире, стала именоваться «Великой (Большой) Русью». И, конечно, не существовало никакой «Киевской Руси» — это изобретение историков девятнадцатого века, для простоты общения. А населяла пространство этих областей казацкая вольница — люмпенизированное население, которое жило грабежами, разбоями и работорговлей. Впоследствии ситуация в социальном плане менялась, но в семнадцатом—восемнадцатом веках всё обстояло именно так. Поскольку это, в основном русское, население, говорившее (и писавшее, если кто умел) по-русски, находилось в постоянном контакте с кочевым тюркским населением, то и в быту они походили на татар и турок: бараньи шапки, так называемые турецкие шаровары, усы и «оселедцы» на голове. Домами (если у кого они были) служили мазанки, крытые соломой; бань не строили. (На эту тему существует старый детский украинский анекдот: «Почему бани нет? — А я в ставку (пруду) моюсь. — А зимой? — А сколько там той зимы!»)

Крупнейший специалист по истории Древней Руси Л. Н. Гумилёв, говоря об этногенезе малороссиян, замечает: «У нас, к счастью, нет причин стыдиться прошлого. Наши предки дружили с половецкими ханами, женились на «красных девках половецких», принимали крещёных половцев в свою среду, а потомки последних стали запорожскими и слободскими казаками, сменив традиционный славянский суффикс принадлежности «ов» (Иванов) на тюркский «енко» (Иваненко)»...

Никакого украинского языка не существовало — во всяком случае, до тех пор, пока националисты не стали создавать его искусственно. Это легко проверить, полистав древнерусские летописи или заглянув в Архив древних рукописей, что в Москве, недалеко от станции метро «Фрунзенская», где можно удостовериться, что первые украинизмы начинают появляться в самом конце семнадцатого — начале восемнадцатого века, да и то благодаря полонизации. Никаких древнерусских (ну, пусть «древнеукраинских») письменных памятников на территории нынешней Украины за все последние столетия не обнаружено. Видимо потому, что их никогда не существовало. «Слово о полку Игореве» сохра-

---

нилось в псковской редакции XVI в., найденной в Ярославле. Все списки «Повести временных лет» (начало XII в.) найдены в России, Лаврентьевский же, древнейший, написан в Суздале в конце XIV в. Даже Галицко-Волынская летопись XIII века известна нам благодаря русским летописным сводам, обнаруженным опять же в России.

Отдельные горячие украинские головы утверждают, что украинизмы встречаются, например, уже в «Повести временных лет» (начало XII в.). Но, вооружившись словарями Даля и польско-русским, легко выяснить, что эти «украинизмы» есть не что иное, как русские диалектизмы или просто польские слова, попавшие, вероятно, в рукопись в результате неоднократного переписывания. К шестнадцатому веку на территории Украины культурное наследие Киева исчезло полностью.

Крайне тенденциозный учебник «История Украины» (цитирую по-русски) под редакцией профессора Б.Д. Лановика, изобилующий большим количеством спекуляций, дезинформаций, передёргиваний, проявлений, мягко выражаясь, откровенной некомпетентности, граничащей с преднамеренной ложью, сообщает о том, когда впервые встречается название «Украина»: «В летописи под 1187 г. идёт речь о переяславском князе Владимире Глебовиче, который умер после похода на половцев». Далее следует цитата из Ипатьевской летописи, датированной вообще-то концом 1420-х годов, в переводе на современную украинскую «мову». Видимо, для того, чтобы в замусоренных ещё в школе головах студентов сложилось впечатление, будто именно так в летописи и написано. Цитирую оригинал: «...бе бо любя дружину, и злата не сбирашеть, имения не щадяшеть, но даяшеть дружине, бе бо князь добр и крепок на рати, и мужеством крепком показаяся, и всякими добродетелми наполнен...» Да, в этой летописи, хранившейся в XVII веке в Ипатьевском монастыре под Костромой и найденной в 1809 г. великим нашим историком и историографом Н.М. Карамзиным в Библиотеке Академии Наук, действительно впервые употреблён термин «украина» в значении «окраина» — окраина Русской земли, где и находилось Переяславское княжество Владимира Глебовича, сына киевского князя Глеба Юрьевича и внука Юрия Долгорукова. Так что же там об украине? Тридцатилетний Владимир Глебович в 1187 г. возвращался вместе с войском домой. «На том бо пути разболеся Володимер Глебович болястию тяжкою, ею же скончался. О нем же украина много постана». Выходит, по мнению «профессора», это и была (в 1187 году) та самая вожделенная Украина!

Что же касается Ипатьевской летописи, так лукаво процитированной авторским коллективом «Истории Украины», то датируется она (повторюсь) концом 1420 года. Этот список считается академическим. Второй список, Хлебниковский, считающийся, как и первый, тоже основным, сделан примерно в 1560 г. монахами Киево-Печерской лавры. Четыре остальных, восходящих к Хлебниковскому, датируются ориентировочно 1620, 1651, 1710 и 1796 годами. Последний, Краковский, переписан для польского историка Наршевича латинскими буквами.

Но вернёмся к нашим баранам, в данном случае к украинскому языку, который появился только в XIX веке. Может быть, потому, что, как считает историк Сергей Кириллин, «мощного племени полян с древней столицей в городе Киеве никогда не существовало — данные исторической науки об этом свидетельствуют. Не существовало его потому, что степи и лесостепи к северу от Чёрного моря в VII—X вв. полностью контролировались Хазарским каганатом. Согласно данным источников, земли полян и северян непосредственно входили в состав каганата, а с радимичей и вятичей хазары собирали дань. Что касается Киева, то он возник не как столица мифического «государства полян — Руси», а как хазарская пограничная крепость на северо-западе владений каганата и первоначальное название его было Куйава (Kuyawa). И носит он имя не «полянского князя Кия», которого никогда не существовало, а вазира хазарских войск хорезмийца Куйи, основавшего эту крепость во второй половине IX в. О том, что первоначальное название Киева было именно Куйава, однозначно свидетельствует форма этого названия у иностранных авторов X—XI вв.: греческих (Константин Багрянородный, середина X в.) — Кюба, арабских (Аль-Истахри, первой половине X в.) — Кiyaba, немецких (Титмар Мерзебургский, нач. XI в.) — Cuiewa. В языке славян название Куйава пережило закономерные фонетические изменения и превратилось в «Киев», а вслед за тем начали сочиняться и легенды о «Кие — полянском князе».

Характерно, что, как явствует из летописи Нестора, в его времена в Киеве шли споры, кем же был Кий — князем или перевозчиком через Днепр, то есть ничего, кроме имени, не помнили. Учёные в наше время прояснили этот вопрос, и теперь можно с уверенностью сказать, что основатель Киева — Куйа (по-славянски «Кий») был хазарским военачальником, командующим хорезмийской гвардией кагана». Но Нестор-летописец — скорее сочинитель сказки, если сам не сказочный персонаж. Во всяком случае, ему отказывают в доверии

крупнейшие русские историки Д.С. Лихачёв, А.А. Шахматов, Л.Н. Гумилёв и вполне обоснованно. И вполне вероятно, что иностранные авторы в данном случае гораздо более близки к истине, чем Нестор, чья версия, в сущности, ничем не подтверждена... Ну а вскоре, в 882 году, Киев захватил князь Олег, и началась уже совсем другая история. Во всяком случае — история Киева.

Это длинное отступление сделано ради того, чтобы ещё раз напомнить: украинский национализм — плод комплекса неполноценности, которую его идеологи пытаются выдать за национальную исключительность. Это не удалось немцам при наличии у них мощного пласта культуры и тысячелетней истории, не может получиться и у самостийников, культура и история которых только-только формируется, причём, как-то уж больно убого.

Константин Леонтьев, наш национальный пророк, говорил о таком национализме около ста пятидесяти лет назад: «Чисто племенная идея не имеет в себе ничего организующего, творческого: она есть не что иное, как частное перерождение космополитической идеи всеравенства и бесплодного всеблага. Национальное либеральное начало обмануло всех, оно обмануло самых опытных и даровитых людей, оно явилось маскированной революцией и больше ничего. Это одно из самых искусных и лживых превращений Протея всеобщей демократизации, всеобщего освобождения и всеобщего опошления». «Любить племя за племя — натяжка и ложь! Истинно национальная политика должна и за пределами своего государства поддерживать не голое, так сказать, племя, а те духовные начала, которые связаны с историей племени, с его силой и славой».

Не апеллируя к киевской хунте, «правосекам» и их последователям, объяснить которым про духовные начала — всё равно, что пытаться корову научить кататься на коньках, приведу еще одну цитату из Леонтьева: «Национальное начало вне религии — не что иное, как начало эгалитарное, либеральное, медленно, но верно разрушающее».

Письменности так называемые украинцы не имели, то есть она была, но была русской. Первопечатник Иван Фёдоров печатал свои книги не только в Москве, но и в Заблудове (на нынешней белорусско-польской границе), во Львове и в Остроге, что на Волыни. В 1491 году вышли его первые книги на русском языке — «Часослов» и «Осмогласник». Русский шрифт по заказу краковского (!) печатника Швайпольта Филя изготовил немецкий студент Рудольф Борсдорф. Книги распространялись в Великом княжестве Московском и в

Великом княжестве Литовском — православном русском государстве, где говорили и писали по-русски, а литовцев было, может быть, процентов пять.

Свою знаменитую «Азбуку» Иван Фёдоров напечатал в 1574 году во Львове. Русскую «Азбуку». Апологеты украинства возражают: «А слово «друкарня» на титуле?» Это слово было русским, пока Пётр Великий не заменил его немецким «типография», а «друкарня», так сказать, досталась самоустийникам. Но как то ни было, «Азбука»-то — русская!

Многих деятелей русской культуры украинские националисты считают украинцами. Мелентий Смотрицкий (которого называют ещё и белорусом) издал в 1619 году русскую грамматику, по которой учились поколения целые русских людей. Григорий Сковорода, так называемый «украинский» философ и поэт, писал всё-таки на русском языке, в чём может убедиться любой желающий, — Сковороду издают и до сих пор. Да, есть у него архаизмы (но не украинизмы), но ведь и жил он в восемнадцатом веке (1722—1794).

По сути дела, украинская письменность возникла в девятнадцатом веке, когда появились первые малороссийские поэты и прозаики, которые просто стали писать на «мове» («мова», повторяюсь, — это не язык, а речь — устная речь), используя русскую азбуку. «Энеида» Котляревского понравилась императору Николаю Первому (вот вам и «русификация!»), он без труда прочёл поэму по-малороссийски. А пресловутый Т.Шевченко, чью поэму «Сон» император, что называется, «проглотил»... Как свидетельствует В.Г. Белинский, «читая пасквиль на себя, государь хохотал», а вот «пасквиль на императрицу» ему совсем не понравился. «Допустим, он имел причины быть недовольным мною, — заметил Николай, — но её же за что?» Конечно, появились и другие писатели, писавшие по-малороссийски: Леся Украинка, Панас Мирный, Марко Вовчок (это женщина), Иван Франко... Последний писал на западенском диалекте, так что современный украинец вынужден читать его со словарём. Были и другие литераторы. Параллельно творили они и на русском языке (тот же Шевченко написал по-русски восемь повестей, очень слабую пьесу, до сих пор не поставленную даже на Украине, дневник, а также некоторые стихи; это 80 процентов его т.н. литературного наследия), а не только на так называемом украинском; писали скучно и заунывно. За исключением, может быть, Леси Украинки.

Так откуда же взялся этот украинский национализм? Николай Ульянов, не будучи марксистом, и, невзирая на свою говорящую фамилию, ленинцем, объясняет это так:

«Особенность украинского самостийничества в том, что оно ни под какие из существующих учений о национальных движениях не подходит и никакими «железными законами» не объяснимо. Даже национального угнетения, как первого и самого необходимого оправдания для своего возникновения, у него нет. Единственный образец «угнетения» — указы 1863 и 1876 гг., ограничивавшие свободу печати на новом, искусственно создавшемся литературном языке, не воспринимались населением как национальное преследование. Не только простой народ, не имевший касательства к созданию этого языка, но и девяносто девять процентов просвещённого малороссийского общества, состояло из противников его легализации. Только ничтожная кучка интеллигентов, не выразившая никогда чаяний большинства народа, сделала его своим политическим знаменем. За все 300 лет пребывания в составе Российского государства, Малороссия-Украина не была ни колонией, ни «порабощённой народностью».

Когда-то считалось само собой разумеющимся, что национальная сущность народа лучше всего выражается той партией, что стоит во главе националистического движения. Ныне украинское самостийничество даёт образец величайшей ненависти ко всем наиболее чтимым и наиболее древним традициям и культурным ценностям малороссийского народа: оно подвергло гонению церковно-славянский язык, утвердившийся на Руси со времён принятия христианства, и ещё более жестокое гонение воздвигнуто на общерусский литературный язык, лежавший в течение тысячи лет в основе письменности всех частей Киевского государства, во время и после его существования. Самостийники меняют культурно-историческую терминологию, меняют традиционные оценки героев и событий прошлого. Всё это означает не понимание и не утверждение, а искоренение национальной души. Истинно национальное чувство приносится в жертву сочинённому партийному национализму.

Схема развития всякого сепаратизма такова: сначала, якобы, пробуждается «национальное чувство», потом оно растёт и крепнет, пока не приводит к мысли об отделении от прежнего государства и создании нового. На Украине этот цикл совершался в обратном направлении. Там сначала обнаружилось стремление к отделению и лишь потом стала создаваться идейная основа как оправдание такого стремления.

...Именно национальной базы не хватало украинскому самостийничеству во все времена. Оно всегда выглядело движением ненародным, ненациональным, вследствие чего страдало комплексом неполноценности и до сих пор не может выйти из ста-

---

дии самоутверждения. Если для грузин, армян, узбеков этой проблемы не существует по причине ярко выраженного их национального облика, то для украинских самостийников главной задачей всё ещё остаётся доказать отличие украинца от русского. Сепаратистская мысль до сих пор работает над созданием антропологических, этнографических и лингвистических теорий, долженствующих лишить русских и украинцев какой бы то ни было степени родства между собой. Сначала их объявили «двумя русскими народностями» (Костомаров), потом — двумя разными славянскими народами, а позже возникли теории, по которым славянское происхождение оставлено только за украинцами, русские отнесены к монголам, к туркам, к азиатам. Ю. Щербаківському и Ф. Вовку доподлинно стало известно, что русские представляют собою потомков людей ледникового периода, родственных лопарям, самоедам и вогулам, тогда как украинцы — представители переднеазиатской круглоголовой расы, пришедшие из-за Чёрного моря и осевшей на местах, освобождённых русскими, ушедшими на север вслед за отступающим ледником и мамонтом. А также высказано предположение, усматривающее в украинцах остаток населения утонувшей Атлантиды.

И это обилие теорий, и лихорадочное культурное обособление от России, и выработка нового литературного языка не могут не бросаться в глаза и не зарождают подозрения в искренности национальной доктрины».

Как будто сказано сегодня, а не пятьдесят лет назад.

Между тем, Украина — многонациональное государство, где украинцев (малороссов) никак не более сорока—тридцати процентов, а в действительности гораздо меньше. Россия тоже считается многонациональным государством, но русские (великороссы) в России всё-таки (по официальным данным) составляют абсолютное большинство. Да, теоретически — мы многонациональное государство (кроме больших этносов, здесь живут народности, насчитывающие от нескольких тысяч человек до нескольких сотен и даже десятков, — например, вепсы, шорцы, телеуты, нганасане, ороки, орочи...), а фактически — нет, поскольку русских в России и сегодня не менее 80%.

На территории же нынешней Украины — кого только не было и кого только нет сейчас. Выдав в своё время паспорта всем гражданам Украины, у которых одна-единственная национальность — «украинец», власти решили, что и проблема таким образом исчерпана. Но далеко не все с этим согласны. Когда-то здесь побывали, порой задерживаясь на сотни лет, особенно в Северном Причерноморье и Приазовье, скифы,

---

сарматы, аланы, гунны, готы, балты, печенеги и половцы. Видимо, именно тюрки, впоследствии славянизированные, стали тем субстратом, на котором возросло днепровское казачество. Были греческие, готские и армянские города. Печенеги и половцы, пришедшие в Причерноморье, адаптировали и ассимилировали местное, тоже тюркское, кипчакское население, в результате чего сформировался ногайский этнос — от имени хана Ногая, седьмого сына хана Джучи. «От отца он унаследовал земли между Днестром и Днепром, — пишет авторитетный крымский учёный, специалист в области средневековой истории Крыма Александр Герцен. — В течение 30 лет Ногай вёл борьбу за власть в Золотой Орде. Особенно ожесточённой она была с ханом Токтой, боровшемся за единое государство, созданное Батыем. В этой борьбе Ногай проиграл и был убит в 1300 году. Однако его авторитет был столь велик, что сформировавшееся к концу четырнадцатого века на его землях Мангытское этнополитическое объединение, возглавляемое Едигеем, стало называться Ногайской ордой... Его подданные именовались «ногайскими татарами».

При преемниках Едигея, — продолжает А. Герцен, — термин «ногайцы» приобретает определённое значение, распространяясь на ряд родов, а именно: кипчак, канглы, кенегес, конграт, кирейт, кият, конклык, аргын, сун (уйсун), найман, тугучан, чублак и другие, входившие в состав Ногайской орды. В конце XV — начале XVI в. часть ногайцев переселяется на запад, и в первой половине XVII в. в низовьях Южного Буга образуется Едисанская орда, а в низовьях Днестра и Дуная — Буджакская».

Есть не лишённое оснований мнение, что нынешние гагаузы, обитающие в Молдавии, прямые потомки буджакских татар, принявших православие. Часть из этих разнообразных «татар», упомянутых выше, кочевала и ходила в набеги вместе или рядом с казаками, которые позже стали «малороссами», а теперь «украинцами», и которые в своей этнической истории никак не могли обойтись без тюрков. Сегодня, кроме татар и огромного количества русских, на территории Украины проживают венгры (в Закарпатье), румыны (в Буковине, Черновцах), поляки (на Западной Украине), греки (в Донбассе), армяне, болгары, немцы, молдаване, ассимилированные (в русской среде) сербы. Собственно, именно поляки были здесь коренным населением, но (по крайней мере, на Западной Украине) их почти всех вырезали украинцы («Волынская резня»).

Живут в Закарпатье и русины — не много, не мало, а 850 тысяч человек; всего же их в Карпатах 1 миллион 250 тысяч.

Их исстари называют реликтом или осколком Древней Руси. Обитают здесь потомки восточных славян, как, собственно, и на Балканах — воистину с незапамятных времён. В девятом веке будущие русины крестились в православие. Тогда Закарпатье входило в состав Великоморавского княжества. Александр Широкоград предполагает, что в крещении «лично участвовали братья Кирилл и Мефодий». Потом Закарпатье было в составе Древнерусского государства. В самом конце девятого века в Закарпатье вторглись племена венгров, овладев столичным городом Ужгородом. Но население Закарпатья осталось славянским и считало себя русским. В 1393 году сюда из Подолии пришёл князь Фёдор Корианович с дружиной, поступивший на службу к венгерскому королю, который позволил ему владеть Ужгородом и окрестностями. В шестнадцатом веке часть Венгрии с Закарпатской (или Подкарпатской) Русью подпала под власть Австрии.

Практически во все времена русины подвергались преследованиям и физическому уничтожению. Искключение — время нахождения Закарпатья в составе Советского Союза с 1945 по 1991 год. Во время Первой мировой войны всё русинское население считалось пособниками русских и «русскими шпионами», их убивали тысячами без суда и следствия. Вот как рассказывает очевидец этих событий, участник той войны великий чешский писатель Ярослав Гашек в своей знаменитой книге «Похождения бравого солдата Швейка во время мировой войны», именуя русинов «угрорусами»:

«... Тут солдаты своими глазами увидели и убедились, как жестоко после ухода русских обращаются власти с местным населением, которому русские были близки по языку и религии.

На перроне, окружённая венгерскими жандармами, стояла группа арестованных угрорусов. Среди них было несколько православных священников, учителей и крестьян из разных округов. Руки у них были связаны за спиной верёвками, а сами они были попарно привязаны друг к другу. Носы у большинства были разбиты, а на головах вздулись шишки, которыми наградили их жандармы во время ареста.

Поодаль венгерский жандарм забавлялся с православным священником. Он привязал к его левой ноге верёвку, другой конец которой держал в руке, и, угрожая прикладом, заставлял несчастного танцевать чардаш. Время от времени жандарм дёргал верёвку, и священник падал. Так как руки у него были связаны за спиной, он не мог встать и делал отчаянные попытки перевернуться на спину, чтобы таким образом подняться. Жандарм хохотал от души, до слёз. Когда священни-

---

ку удавалось приподняться, жандарм снова дёргал за верёвку, и бедняга снова валился на землю.

Конец этому развлечению положил жандармский офицер, который приказал до прибытия поезда арестованных на вокзал, в пустой сарай, чтобы никто не видел, как их избивают».

Когда же Австро-Венгрия распалась, согласно Сен-Жерменскому договору 1920 года между Антантой и Чехословакией, Закарпатье под названием «Подкарпатская Русь» отошло к последней. В этом же году Илларион Цурканович (приговорённый в своё время австрийцами к смертной казни за защиту православных русских крестьян) создал Карпаторусскую трудовую партию. В 1929 году партия объединилась с «Русским народным соединением». Возникший в результате «Русский блок» набрал на выборах почти двадцать процентов голосов, и Цурканович стал сенатором. Были и другие политические организации, в частности, крайне правая Русская национально-автономная народная партия Степана Фенцика, который считал своими врагами не только чехословацких и венгерских захватчиков, но и украинцев, предателей по определению. В итоге русины избрали Фенцика (кстати, философа по образованию) в парламент. Согласно упомянутому договору, Подкарпатской Руси была гарантирована широкая автономия — «полнейшая степень самоуправления, совместимая с понятием единства Чехословакии». В четырёх статьях договора были довольно подробно расписаны права населения автономии вплоть до контроля Лигой Наций за выполнением Договора.

Но Чехословакия особенно не спешила выполнять статьи договора. Более того: русинские территории разделили между Чехией и Словакией. Только в 1938 году (Чехословакия уже трещала) русины получили реальную автономию и, соответственно, автономное правительство.

В этом же году Чехословакия перестала существовать. По Мюнхенскому соглашению между Великобританией, Францией, Германией и Италией Судетская область Чехословакии, населённая этническими немцами, отходила к Германии, Тешинскую область оккупировала Польша, а почти всю Подкарпатскую Русь и южную часть Словакии (там была довольно многочисленная венгерская община) присоединила Венгрия. Ну а остаток Чехии Гитлер объявил протекторатом Германии под названием «Богемия и Моравия».

Итак, в 1939 г. в Закарпатье были введены венгерские войска. Венгерские фашисты вели себя не лучше, чем ведут себя сегодня украинские. Разница лишь в том, что украинцы

уничтожают русское население Донбасса (и в более мягкой форме ведут борьбу с остальным русским населением), а венгры всеми способами боролись с карпатороссами.

В конце 1939 года, когда СССР и Германия разделили Польшу и Львовская, Тернопольская, Станиславская (Ивано-Франковская) и Ровенская области стали западно-украинскими, то есть советскими, русины вздохнули более или менее спокойно. Но ненадолго. Началась Великая Отечественная война.

Как известно, гитлеровская коалиция (а это не только сама Германия и вышедшая ещё в 1938 г. из состава Чехословацкой республики Словакия — именно она вместе Германией 1 сентября 1939 г. напала на Польшу — и сателиты Гитлера Финляндия, Венгрия, Румыния, Болгария, Италия, Хорватия, но и практически вся остальная Европа) была разгромлена. Сейчас на Западе принято утверждать, что решающую роль в этом деле сыграла антигитлеровская коалиция. Ну да, была такая. Но Второй фронт был открыт только летом 1944 года, когда всем во всём мире стало понятно — если не примазаться к победе СССР над Гитлером, вся Европа будет у наших ног. Чуть ли не все страны мира после этого объявили Германии войну. Даже Румыния, напавшая вместе с Гитлером на нашу страну, забыв, что она находится в состоянии войны с нами, решила объявить войну Германии, раз уж та практически была раздавлена. В результате победителями Германии (вместе с Советским Союзом) назначили себя Великобритания, США и почему-то Франция, фактически не принимавшая участия в войне против Германии. Мы, как известно, потеряли 27—28 миллионов убитыми, а США, кстати, несколько сотен тысяч — меньше, чем в грязной войне против Вьетнама.

Не воевали против Советского Союза только Великобритания, Греция, Польша (если забыть про Армию Краёву) и Югославия (без Хорватии, которая после оккупации её Германией тут же вышла из состава Югославии и объявила войну нашей стране) и, кажется, Люксембург, Лихтенштейн, Андорра, Сан-Марино, Монако, Мальта и Ватикан, поскольку не имели армии. Против нас воевали и якобы боровшаяся с Германией Норвегия, и Франция, и Испания, и Португалия, и Голландия, и Фландрия, и, конечно же, вся Прибалтика... В формально нейтральной Швеции с 1941 по 1945 год производилась треть всех германских вооружений и боеприпасов. Король Швеции Густав V направил 28 октября 1941 г. Адольфу Гитлеру благодарность «за разгром большевизма». Поспешил, конечно. Но с июня 1940-го по август 1943 года

через это миролюбивое и нейтральное государство было перевезено примерно сто тысяч вагонов с военными грузами вермахта и около двух миллионов гитлеровских солдат. Большое количество награбленного в Европе золота германские власти хранили в банках Швеции. Уже в 1944 году, когда судьба Германии была решена, 80% шведского экспорта военного назначения направлялось в Германию. Поэтому совсем не странно, что премьер-министр Швеции Стефан Лёвен, как и главы многих стран «антигитлеровской коалиции», не приехал в Москву на празднование 70-летия победы над гитлеровской Германией. Действительно, чего им тут праздновать?

Те государства, которые не находились с нами в состоянии войны, например, Испания и Португалия, посылали добровольцев на восточный фронт или помогали Гитлеру товарами и ресурсами.

В конце июня 1945 года Подкарпатская Русь, переименованная в Закарпатье, была присоединена к СССР. Но ещё до окончания войны 18 ноября 1944 года по инициативе православного архимандрита Алексия Кабалюка в Мукачево состоялся Православный съезд. Делегатами стали православные священники — русины, учёные — русины, общественные деятели — русины. В обращении к Сталину, которое принял съезд, его участники просили принять Карпатскую Русь в состав СССР, чтобы воссоединиться с «великим братским русским народом».

Вот с некоторыми сокращениями текст обращения: «Мы, нижеподписавшиеся представители православных общин Карпатской Руси, выражая волю всего православного русского народа, просим включить Карпатскую Украину (Карпатскую Русь) в состав СССР в форме: Карпато-русская Советская Республика. Желания и мечты наших предков были всегда, чтобы наша область за Карпатами, заселённая русинами, т.е. Руси сынами, возвратилась в лоно Великой Руси. Но наши поработители всегда тому препятствовали. Таким образом, мы целые столетия оставались в германовенгерском рабстве вплоть до 1919 года. В 1919 году на мирной конференции наша область, именуемая Карпатская Русь, согласно Сен-Жерменскому договору, на автономных правах, была присоединена к Чехословацкой Республике. Уже тогда нашу область признали Карпатской Русью, ибо здесь живёт искони русское племя. Сам народ именует себя «карпаторусс», «русин», т.е. «Руси сын»... С названием «Украина» наш народ был познакомлен только под чешским владычеством, после Первой мировой войны, и то интеллигенцией, пришедшей из Галичины. Этих галичан само чешское

правительство призвало в Карпатскую Русь, и их идеологию за время существования Чешской Республики серьёзно финансировало.

Очень интересно, что галицкие украинствующие сепаратисты избивали карпаторусское население и его интеллигенцию и говорили: «Кацапи, москали, вам мисто у Москви, у вашего Сталина». Мадыаре при избиении нас тоже говорили: «Муско, комуништо, иди в Москву к твоему Сталину». Карпато-русский народ с великим терпением и болью сердца переносил всё это, ожидая своего спасения именно от Москвы...

Наш народ — русин, Руси-сын. Наши матери не рождали нерусских сыновей. Наша русскость не моложе Карпат... Только тем и можно объяснить эту несказанную радость при встрече русской Красной Армии. Но эта радость молниеносно была убита в нашем народе вестью, что наша Карпатская Русь под названием Закарпатская Украина войдёт в состав Чехословацкой Республики. Оказывается, мечты наших предков остались только мечтами и для нас. Но наученные горьким опытом, мы решительно заявляем, что политическая, экономическая, культурная и социальная жизнь народа может успешно развиваться только в пределах великого, родного нам Советского Союза, и ни в коем случае не в каком-либо чужом государстве. Чаша нашего терпения переполнена: довольно игрались нами наши недруги, бросая нас из рук в руки.

Воля карпато-русского нашего народа: хотим раз и навсегда связать свою судьбу с судьбой наших соплеменников в СССР и определить нам Карпато-русскую Советскую Республику от Ясиня до Попрада и от Ужка до Доброчина (Дебрецина). Выражая великую радость и глубокую благодарность по поводу освобождения Великому вождю и освободителю всего славянства и Европы товарищу Маршалу Сталину и Красной Армии, мы просим принять Карпатскую Русь в состав Советского Союза.

В Мукачево дня 18 ноября 1944 года».

По решению Православного съезда в Москву была направлена делегация во главе с заместителем епископа и администратором Мукачевско-Пряшевской епархии игуменом Феофаном Сабовым. В составе делегации были известные в Закарпатье общественные деятели Пётр Линтур, Георгий Геровский и другие делегаты, которые подписались под этим прошением.

Русины, видимо, не знали, какого размаха достигла украинизация населённых русскими регионов сразу после созда-

---

ния Советской Украины в 1918 году. Моя мать Антонина Ивановна, родившаяся в 1927 году в Краснолиманском районе Донецкой области, рассказывала мне о том, как в одночасье их, донских казаков, превратили в украинцев. «Я была ещё маленькой, — вспоминала она, — когда к нам пришли переписчики — устанавливать национальность. Спросили отца с матерью, какой они нации. Те ответили, что русской. Но вы же знаете, что живёте в Украинской республике, советской и социалистической? Что в советской и социалистической — знаем, а что в Украинской — нет, — ответили им. Так вот именно на Украине вы и живёте, и поэтому, наверное, вы не будете против, если мы напишем, что вы — украинцы, говорят те. Та какая разница, отвечают родители, пишуть». Так одним росчерком пера мои дед с бабкой и пятеро их детей стали украинцами, а с ними ещё семь, а, может быть, и все четырнадцать миллионов русских жителей той Украины. Я подозреваю, что далеко не все давали согласие так запросто превратиться в украинцев, но их всё равно записывали в эту невесть откуда взявшуюся нацию.

(После окончания войны мать окончила педагогическое училище, и весь её курс был отправлен в Закарпатье по распределению. Кроме неё и ещё одной девочки, которым повезло, и они остались в Ужгороде, всех остальных, человек двадцать, распределённых по сёлам, зверски убили бандеровцы. Матери повезло больше всех: она получила так называемый «аттестат» от моего будущего отца, офицера советской армии, и довольно скоро, не отработав положенного срока, уехала выходить замуж. Уцелела ли её однокурсница, оставшаяся в Ужгороде, она не знает).

Чем же закончилось вступление Карпато-русской республики в состав СССР? 25 июня 1945 года наша страна подписала с Чехословакией договор «О Закарпатской Украине», по которому Закарпатье присоединилось к Советскому Союзу. Но не успели обсохнуть чернила на бумаге, как 22 января 1946 года Президиум ВС УССР принял постановление «Об образовании Закарпатской области в составе УССР». Таким образом, на восемь лет раньше Крыма Советской Украине вместе со всем русинским народом (и венграми в придачу) было подарено Закарпатье.

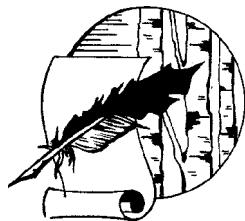
Действия советских властей не всегда поддаются рациональному объяснению. Вместо того, чтобы создать Карпато-русскую Советскую республику, которая служила бы форпостом против недобитых украинских фашистов, они присоединили прорусски настроенных русинов к Украине, гаже и подлее всех (Прибалтика в данном случае не в счёт) про-

---

явившей себя в войне с Гитлером — в общей сложности почти сто украинских дивизий воевало против нас. В советское время о русинах старались не вспоминать, тем более что ЦК КПСС и Политбюро ЦК, уже после Сталина, чуть ли не наполовину состояли из украинцев.

Но что было потом?

В конце 1991 года накануне референдума о независимости Украины в Закарпатье приехал Кравчук уговаривать население голосовать «за» и обещая автономию. Независимость выбрали 92 процента и 78 из них — автономию в составе Украины. Никакой автономии, естественно, Закарпатье не получило, хотя вопрос о ней поднимался ещё не раз. Поднимается он и по сей день. И не только Закарпатской областью, население которой, как и население остальной Украины, неуклонно сокращается. Из немногим более одного миллиона жителей большинство — русины. Остальные из примерно 350—400 тысяч — венгры, украинцы, русские, евреи... В двадцатые годы двадцатого века в Закарпатье проживало вдвое меньше народа, более 60 процентов которого считало себя русинами, а украинцами — 1 процент. Украинские власти после вхождения Карпатской Руси в состав СССР, то есть по факту — в состав Советской Украины, запретили хождение русинского языка где бы то ни было, никак не желая признать русинов отдельным этносом. Это унижение русины ещё припомнят украинцам. Кстати, словарь русинских слов, составленный Николаем Грицаком, содержит 240 тысяч слов, что в два раза больше словаря украинского литературного языка.

Татьяна ПАРСАНОВА

БОЛЬ НЕВОЗВРАТА

* * *

Крушила осень лета бастионы...
Кололи взгляд холодных звёзд лучи.
Стучал октябрь в окошко веткой клёна,
Как путник, заблудившийся в ночи.

За облако, устав от неюта,
Поёживаясь, пряталась луна.
Метался ветер в поисках приюта,
И выл, как пес, у тёмного окна.

* * *

Жизнь пролистая страницы и лица
Буйному ветру под стать.
Время головушке долу клониться.
Время слезам закипать.
Смыло бесследно секундным цунами
Юности звонкой накал.
Память в ночи говорит голосами
Тех, кого ты предавал.
Старость — она как бездонная трещина.
Мачеха злая — не мать.
Где она — та, что судьбою обещана
В горе тебя согреть.
Черною меткою под ноги брошена
Тень от понурых плечей.
Смотришь с тоскою и завистью в прошлое.
— Чей ты, соколик?
— Ничей...

---

* * *

Огни созвездий полночь погасила.
Застыл громадой мощной Аю-Даг.
Сердилось море и, бахвалясь силой,
Пугало своим рыком южный мрак.
О берег билась вдрызг волна слепая,
Рвала о камни пенную фату...
Ей вторил ветер. И швырял, играя,
Пригоршни брызг соленых в темноту.

22 ИЮНЯ 1941

Три пятьдесят...
Рассвета —
Первый несмелый блик.
В тёплых объятьях лета
Города сонный лик.
Рванный кусок тумана
Тюлем свисает с крыш.
Заспанный дворник рьяно
Гонит метлою тишь.
Achtung! Напрягся Каин,
Сияясь рукой взмахнуть.
Ищет, сквозь сон, губами
Новорождённый — грудь.
Три пятьдесят...
Истома...
Людам еще дано —
С зычным победным стоном
Слиться, сплестись — в одно.
В небе стальная стая —
Смерть под крылом несет.
В небытие впадая,
Счастливы еще народ.
Сонные — в одеяло
Прячутся, как в гнездо.
Мира осталось мало —
Десять мгновений до...
...Кляксою взрыв. Воронка
Улиц взьерошит гладь.
Рвётся не там, где тонко, —
Там, где хотят порвать.

---

* * *

«Февраль. Достать чернил и плакать!»,
Увидев вдруг, как сотни лет
Луны серебряную мякоть
Кровавой лапой рвет рассвет.

И осознать предельно ёмко,
Как норы у мороза крут.
Как тонким языком позёмка
Слизнёт намеченный маршрут.

Как путь до точки невозврата
Благими помыслами взрыт.
С раздраем Понтия Пилата
«Писать о феврале навзрыд».

Но... захлебнувшись знаньем этим
Душой почувствовать вдруг, как
На расстоянии столетий
Февраль рисует Пастернак.

МАТЬ

1

Кто она, и как тогда всё было —
Старожилам вспомнится с трудом.
Вроде б говорили, что купила
На краю деревни старый дом.

Спряталась за каменным забором.
Равнодушна к мнению молвы,
К новостям соседским, сплетням, спорам...
Вечно в чёрном. С ног до головы.

За спиной о ней ходили слухи.
Говорили: тронулась слегка.
Кто б подумал, что тогда старухе
Было лет чуть больше сорока.

Вёсны, зимы чередой ходили.
Календарь листал за годом год.
Про старуху все давно забыли.
Ну, живет и ладно. Пусть живет.

2

В старый дом в морозный, тёмный вечер,
Гостьей долгожданной Смерть вошла.
Тридцать зим ждала старуха встречи.
Тридцать безнадёжных лет ждала.

Потеплел старухин взгляд колючий,
Разглядев безносую в дверях.
«Слава тебе, Господи. Отмучил» —
Губы шелестнули второпях.

Удивилась — так легко, аж странно.
Память пролистнула на бегу
Страшный день, когда домой с Афгана,
Сын вернулся в цинковом гробу.

И дойдя уже до грани зыбкой,
Рассмотрев вдали зовущий свет, —
Расцвела счастливою улыбкой,
Понимая — боли больше нет...

3

Проводить безумную старуху
Собралось привычно полсела.
Обсуждали равнодушно, сухо —
Кто, откуда, кем она была?

Всё, что память выдала навскидку...
И вовнутрь благоговейный страх
Спрятали, счастливую улыбку
У старухи видя на губах...

* * *

Словно в старом кино, черно-белые кадры погоста.
Солнце слепит глаза золотистой болью лучей.
Я пришла... Как всегда... Трону холод гранита и просто
Помолчу о своём... Заглядевшись на трепет свечей.

Это было вчера... Или тысячу лет пролетело...
Строгий строй караула. И крик, заглушающий марш.
И чужая война наши судьбы рукой огрубелой
Разломала, как мякиш, исполнив верховную блажь.

Мысли бьют по вискам, словно комья земли в крышку гроба.
Сколько раз с той поры расцвела сиренью земля.
И бежит по спине ненавистной волною озноба —
Что по возрасту мне ты годишься давно в сыновья.

Рассосало уже время острую боль невозврата.
Я умею не плакать, услышав случайно «Афган».
И забыв обо всем, я смотрю, как сквозь мягкость заката,
Улыбается мне мой любимый, «двухсотый» пацан.

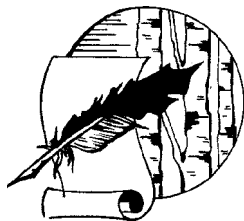
* * *

Мы думали: два года — ерунда,
А у судьбы другие были планы.
И наши обещанья: «навсегда» —
Закрыли тенью «черные тюльпаны».

Зачем?! Домой вернулся, в цинк одет..
Меня на жизнь пустую сделав старше.
Познавши вечность в девятнадцать лет.
Любви земной и ласки не познавши.

Ружейный залп, взлетевший к небесам...
Хранящая молчание икона...
Кто подарил войну чужую нам,
И марш Шопена вместо Мендельсона?

г. Наро-Фоминск Московской обл.

Татьяна ВЕТРОВА

БЕЗУСЛОВНО, ЛЮБЛЮ

* * *

Стихи пошли!
Внезапно, среди ночи!
Как носом кровь, как снег под Новый год...
Господь, наверно, пустоты не хочет,
Душе моей застынуть не даёт.
О, я благодарю за эту милость!
Боялась, что уже прощенья нет...
А значит, я любить не разучилась!
Ведь это же почти... велосипед.

* * *

Баба — кошка! С ней легко поладить.
Эта мысль кого-то удивит...
Ты боишься кисоньку погладить.
И она поэтому шипит.
Ты отдёрнешь руку аккуратно:
Что там на уме? А вдруг куснёт?
Ну а ей всё про тебя понятно,
Лапой замахнётся и уйдёт.
Покажи, что вовсе не боишься,
Убеди её, что ты сильней...
Это ж кошка! Ты напрасно злишься,
Ей приятна власть твоя над ней.
Ты возьми за холку без сомненья,
Как хозяин, страха не тая!
Видишь, вот она и на коленях...
Вот и заурчала. Всё. Твоя.

---

* * *

Конечно, ты!
Да, Боже, кто ж ещё?
Я в этом даже Бога убедила.
Я за тебя молилась горячо,
Так горячо, что крылья опалила.
И вот хожу,
Полжизни пролетаю.
Так близко видеть землю привыкаю.
Почти забыла лётный свой устав.
Где взять мне крылья новые, не знаю...
Но если до сих пор не умерла,
Возможно, ещё буду я в полёте —
«Нызеенко», как усталая пчела,
Как крокодилы в старом анекдоте...

* * *

Нафига ты мне, Нафигатор? —
Навигатору я сказала, —
Всё ведёшь ты меня куда-то,
Без тебя я дорогу знала.
Без тебя я дорогу знала,
А с тобой заблудилась глухо.
И напрасно «ау» кричала.
Тот, кого я звала, — без слуха.
И без голоса, и без сердца,
Без любви... Без меня, короче...
Можно к этому притерпеться,
Только память мешала очень.
Но уже и она — не в силах,
Отползла себе потихоньку
И заснула. И спит так мило
Сном обиженного ребёнка.
Нашу память будить не будем,
Нам её обнадёжить нечем...
Но найду я дорогу к людям,
На чужое «ау» отвечу.
Буду счастлива и богата
И в трёх соснах не заплутаю...
Нафига ты мне, Нафигатор?
Без тебя я дорогу знаю!

КАК ДВЕ СЛЕЗЫ

Я не смогу тебя не целовать,
Поэтому нам лучше не встречаться,
По телефону дружески общаться
И мест больных уже не задевать.
Пока нас разделяет пол-Москвы,
Мы верим, что исчезло притяжение,
И не опасно беглое прочтение
Той, нашей недописанной главы.
Но страшно! Если близко подойдёшь,
И мы с тобой друг к другу прикоснёмся, —
Как две слезы, мгновенно мы сольёмся...
Где я, где ты — уже не разберёшь...

* * *

Безусловно люблю,
Без условий...
Без надежд и условий люблю.
Поцелую твой шрамик над бровью
И грехи за тебя отмолю.
Почему, почему?.. Потому что!
Объяснять? Не придумаю слов.
Нам с тобой доказательств не нужно,
В том, что вечной бывает любовь...

* * *

Я могу сказать тебе правду,
Что пойти бы за тобой рада,
Что могла бы быть всегда рядом,
Ты во всем такой, как мне надо.
Я бы слушала тебя молча,
На колени бы легла кошкой,
Я бы пела то, что ты хочешь,
Иль не пела вообще больше.
Я бы радостью твоей стала,
Дочкой, мамой и женой верной.
Моей жизни мне с тобой мало,
Ты последний в ней и ты первый.
Потому пройду сейчас мимо,
Постараюсь не поймать взгляда,

Только с отчеством скажу имя,
Коль придется постоять рядом...
Мы могли бы сочинить песню.
Как бы сладко мне она пелась!
Только там, где для любви место,
Дружбе нечего уже делать....

* * *

Сердце странной тревогой полнится,
Без причины, в начале дня...
Не в любовницы! Не в любовницы!
Больше это не про меня.
Про меня — слияние полное,
Чтобы в ритме одном сердца,
Пониманье без слов, безмолвное.
И в охапку. И до конца.

ИГОРЮ ТАЛЬКОВУ

Это как понять? Ты глаза не прячь!
Зазвучал опять Ярославны плач...
Не осенний дождь окропил зарю,
Плачет Ярослава по Игорю...

Октябрь 1991 г.

В давние, давние времена
Сильных мужчин призывала война.
Криком кричала, как в страшном сне,
Женщина на городской стене:
«Господи, ты охрани его,
Самого лучшего моего!
Боже, прошу, от его груди
Руку врага отведи!..»

Люди! Остудим ненужный пыл.
Много ль грешил и кого любил...
Он навсегда замолчал в тридцать пять.
Большого вам не отнять.
Слышите, как голосит струна,
Нежности пальцев его лишена?
«Господи, — плачет, — за что его,
Лучшего моего?..»

---

* * *

Ты целуешь меня, иногда даже нежно.
Иногда. И тогда оживает надежда,
Что ещё не конец, что-то можно исправить,
Что любовь — не открытка на добрую память.

Мы обиды не копим. Кому это надо?
И когда я случайно размажу помаду,
Ты её не сотрёшь, ты её не увидишь,
Ничего не заметив, из комнаты выйдешь...

Слишком близкие люди... Бывает такое.
Мы любовью зовём теперь что-то другое.
Ну а наша любовь стала яркими снами,
Мы их смотрим, как фильм.
Будто было не с нами...

ГОРОД КРАМАТОРСК

Много мы прошли путей-дорог,
Но не всякий путь душой согреешь...
Маленький, уютный городок,
Принимай гостей, как ты умеешь!
Я хочу, хочу туда опять
Убежать от суеты московской...
А могла ведь так и не узнать,
Как цветут каштаны в Краматорске!

Не могу понять, кому на зло,
В наши дни, и без того лихие,
Вдруг кому-то в голову взбрело
Ссорить Украину и Россию?!
Не хочу я на исходе дня
Узнавать из новостей московских,
То, что больше не увижу я,
Как цветут каштаны в Краматорске...

В городе, куда ни посмотри,
Некрасивых женщин не бывает,
А мужчины сплошь богатыри,
Даже я там голову теряю.
Так легко и так приятно мне
Слушать мягкий говор, не московский,
И всё чаще вижу я во сне,
Как цветут каштаны в Краматорске...

ПРОЩАЕМСЯ

Прощаемся. Стоим на расстоянии,
Молчим, как будто нечего сказать.
И только глаз печальных состязание,
И взгляды нам, как руки, не разнять...

Прощаемся. Так лучше — знаем оба мы.
Ты к завтрашнему дню меня ревнуй!
Прощаемся, на вкус разлуку пробуем,
Без права на прощальный поцелуй.

Прощаемся, а люди улыбаются,
И невдомёк, конечно, никому,
Что эти двое навсегда прощаются,
Не осознав, за что и почему...

* * *

Убегу из Москвы! Убегу!
Поселюсь на крутом берегу
Полноводной и древней реки,
Где тянули свой груз бурлаки...
Рано-рано проснусь по утру
Всю чернику в лесу соберу,
А на склоне, где солнца припёк,
Земляничный найду уголок...
Так, наверное, выглядит рай...
Только ты поскорей приезжай
В эти сладкие чудо-края!
Ты же любишь всё это, как я.
Навсегда мы останемся здесь,
И не будем мы яблоко есть,
То, запретное, в райском саду...
Я для нас земляники найду!

г. Москва

ДВА РАССКАЗА

ПУДОВЫЕ ЯКОРЯ

Широкая и бледно-жёлтая полоса суши у прибоя была утрамбована, как асфальт. Да и как могло быть иначе, если в течение тысячелетий морские волны ежесекундно набегали на вдавленное в лесистые сопки побережье пологой бухты, подгоняя крохотные песчинки одну к другой так плотно, что не то что волосок не просунуть меж ними, но и даже невидимый микрон не пролез бы. Иногда по побережью грохотали многотонные танки — расплывчатые контуры воинской части маячили посреди юго-восточной бережной дуги, подковой охватывающей Охотское море. Но и Т-62 не оставляли ни рельефных отпечатков гусениц, не отбрасывали ошметков мокрого песка по сторонам, прогрохочут, подойдёшь глянуть — а ничего, кроме гладенького песочка, и нет. Выше этой полосы, исчезающей под водой во время прилива и обнажающейся при отливе, до самой дощатой сплошной ограды бугрились рыхлые песчаные барханы, в которые мы зарывали повреждённую при ловле или объеденную крабами рыбу, поскольку на рыбозаводе, что громоздился кирпичными

ПРОЗА

корпусами чуть дальше, у нас никто бы её не принял. Оставлять незакопанными рваные и потрёпанные тушки чайкам и воронам, что тучами кружили здесь, — означало приваживать этих пернатых разбойников, от их налётов и так приходилось отбиваться чуть ли не ежедневно. Здесь стоит упомянуть об одном любопытном эпизоде, коему стала свидетелем вся немногочисленная наша бригада.

На зорьке, по тихой воде ходили мы на кунгасе с острым вздёрнутым носом, высокими бортами и подвесным мотором выбирать сети-ставники с серебристой корюшкой-зубаткой. Промышляли мы, правда, в меньшем количестве и морским линем-краснопёркой, мойвой и тихоокеанской сельдью. Обрато возвращались, нагруженные доверху ещё трепещущей рыбой. Как ни странно, но корюшка пахнет свежими огурцами, да так явственно, что стоит прикрыть глаза, и ты ощущаешь себя не покачивающимся в лодке на море, а стоящим посреди недавно политых навозных грядок и мысленно видишь мохнатые переплетённые стебли и лопушистые изумрудные листья с жёлтыми колокольчиками завязи и свисающими пупырчатыми огурцами.

Причалив, мы лебёдкой вытягивали кунгас на берег и перегружали в плоские деревянные ящики наш улов. Обычно это происходило часов в 9—10 утра. Туман, если он бывал, к тому времени уносило в море, зеленовато-прозрачная на изгибах прибоя вода начинала играть и пениться, словно вся эта неподвижная гладь, уходящая в бесконечность, лениво просыпалась. Солнечный диск на востоке медленно очищался от матовой поволочки испарений, и море вспыхивало золотистыми мириадами искристых бликов. Наступивший день преображался, принимал свои окончательные объёмы, освещая переливчатым тёплым светом горку ящиков с корюшкой и другой попутной рыбой, полувычерпанное чрево кунгаса и человечьи фигурки в оранжевых рыбацких робах, суетящиеся рядом.

Тут-то всё и случилось. Оказывается, чайки бывают настырными не только при рыбалке непосредственно на море. Они и на берегу не отличаются скромным поведением. И чем крупнее птица, тем наглее. Находясь метрах в трёх от нас, чайки, беспокойно переваливаясь с боку на бок, стерегут все наши движения. Едва только какая-то рыбёшка проскользнёт мимо ящика, они наперегонки и бесстрашно подлетают, кто-то из них подхватывает добычу, и счастливица под завистливые крики товарок принимается жадно расклёвывать серебристую тушку корюшки, не подпуская к пище остальных чаек. И всегда в эти минуты поодаль вышагивают серые вороны, опасно, но зорко поглядывая в сторону происходящего.

Однако в этот раз одна из них смело подскочила к огромной, вдвое превосходящей её чайке, которая только что уворовала жирную зубатку и уже занесла свой клюв над рыбой, прижав ту когтистыми лапами к песку. Ворона изловчилась и ухватила чайку железным клювом за крахмально-радужное крыло и потянула, хоть и с изрядной натугой, пытаясь стащить с рыбного места. Чайка же не желала расставаться со своим лакомством. Она подобрала в клюв корюшку и упёрлась освободившимися когтями в спрессованный песок. Но и у вороны сила имелась. Чайка, едва не потеряв равновесие, выронила рыбу и ну давай остервенело щипать соперницу, злобно поклёктывая, и всё больше входя в раж.

Между тем другая ворона подкралась к полю боя, подхватила брошенную рыбу и с добычей отлетела в сторонку. Первая ворона мгновенно отпустила крыло чайки и, удовлетворённо покаркивая, полетела к своей напарнице, где спокойно присоединилась к пиршеству, отрывая сладкую мякоть от порядком истрёпанной зубатки. А чайка, казалось бы, самая могущественная среди прочих участников этого импровизированного птичьего базара, ещё долго бегала вперевалку по побережью и пронзительно и жалобно кричала, ища и не находя сочувствия у своих пернатых соплеменниц.

В рыбацкую бригаду я устроился в середине мая, начиналась путина, и мои руки были как нельзя кстати. Новое место работы мне полюбилось с первого взгляда. Одноэтажное кирпичное многооконное общежитие стояло перпендикулярно к морю, отгороженное от него не только высоким забором, но и выложенными рядами дощатыми столитровыми, стянутыми железными пластинчатыми обручами кадками под засолку горбуши и сельди. Песчаный, слегка покатый двор перед крыльцом общежития зарос редкой, сцепленной между собой ярко-зелёной травкой-муравкой.

Кривая тропинка отслаивалась от дорожной колеи метрах в пяти от крыльца и дугой тянулась к производственной базе рыбаков, что сразу узнавалось по темнеющим рядом с внутренними воротами, перевёрнутым, просмолённым, и оттого сильно смахивающим на чёрные пилотки подводников кунгасам и по впившемуся загнутой стрелой в бархан ржавому якорю.

Сама база включала в себя ютящуюся в тыльном правом углу будку с самодельной сушилкой, сработанной из асбестовой трубы с намотанной толстой спиралью, и развешенными над ней просоленными тельняшками и портянками, рыбацкими комбинезонами и куртками, брюками и свите-

---

рами. Напротив будки громоздился просторный сарай, приспособленный под склад, а дальше вдоль забора на жердях были разбросаны напоминающие маскировочные, не однажды штопанные сети. Посреди базы, прикрытый от дождя кожухом, стоял движок лебёдки, и от него натянутой струной под внешние ворота уходил к побережью трос, с помощью которого после работы сюда затаскивали кунгасы.

Первый мой выплыв в море к сетям-ставникам случился на зорьке ветреного майского денька. Старший нашей миниатюрной — всего-то три рыбака — бригады, усатый и смуглый, с жёлтыми холодными глазами сухощавый мужик со странной, нерусской фамилией Исихара и красивым именем Виктор с первого раза завёл движок, мотор ровно затахтел, и бригадир направил кунгас к ставникам, белеющим цепочками пластмассовых и пробковых наплавов метрах в ста от берега. Боковая волна подплёскивала под борта, кунгас проваливался вниз, почти касаясь водной поверхности бортовой набойкой с закреплённым вдоль веслом, и, казалось, что следующая, кудреватая по кромке волна непременно накроет своей упругой мощью лодку и затопит её. Однако этого не происходило, наш кунгас, как подвижный поплавок, который будто кто-то на невидимой леске тянул в море, уверенно скользил среди бесчисленных чешуйчатых солнечных блёсток, то и дело падая в пучину и мгновенно взмывая из неё.

Причалили к ставнику. Григорий, чернявый, гибкий и улыбчивый молдаванин лет двадцати трёх от роду, перевесился через борт и поймал капроновый фал, к которому были крепко привязаны шёлковые ячеи сети. Ещё на берегу, когда я из любопытства принялся дотошно расспрашивать бригадира и Григория о предназначении той или иной рыбацкой принадлежности, ребята переглянулись, и Виктор, шевеля щетинкой своих редких японских усов, усмехнулся.

— Никто ничему здесь тебя учить не намерен. Не лови врон, а следи за тем, что и как мы делаем и повторяй. Захочешь — научишься.

От той бесцеремонности, с какой это было сказано, я даже опешил, вспыхнул и хотел тут же бросить в ответ что-то резкое и обидное, но сдержал себя и, махнув рукой, принялся заворачивать лодку носом в море. После этого случая я больше ни о чём никого не расспрашивал, а только внимательно следил и старался запомнить всё, что делали мои новые товарищи по работе.

Между тем Григорий, перебирая в руках фал, по краю прошёл к корме кунгаса. Виктор привалился оранжевой робой к

борту рядом с уключиной и подхватил выглянувшую из воды часть капроновой верёвки. Стоя на носу, я понял, что и мне необходимо сделать то же самое. Перегнувшись к сети, ухватился за фал и вытянул его на борт. На ячеях дружно лопалась радужная плёнка, когда мы одновременно сушили сети, стгоняя мечущийся косяк корюшки к горловине, за которой начиналась такая же, густо обрамлённая наплавами из пенопласта и напоминающая увеличенный до гигантских размеров детский сачок для ловли бабочек ловушка. А этот, растянутый на пудовых якорях квадратный и крупный участок, который мы, перебирая ячеи, сейчас проходили, у рыбаков назывался двором.

Спустя какое-то время я понял — почему четырёхметровая в высоту, намертво привязанная к тугому фалу и снабжённая понизу частыми свинцовыми грузилами сеть от берега уходила в море, перегораживая его. Табуны рыб, ночью подплывавая к побережью, торкались в сети и начинали скользить вдоль них, намереваясь вернуться обратно на глубину. Казалось бы, ещё одно движение плавника да взмах упругого хвоста и — вот он, морской простор! Но вместо этого их ждали округло распятые отверстия сетчатых подкрылок, приглашая в сетчатый же сачок упомянутого двора. Коварные подкрылки были изготовлены по принципу знакомых многим из нас горловин речных мордушек, когда рыба, попав в плетёный из ивняка сосуд, обратно выбраться уже почти не могла.

Пропуская под днище кунгаса сеть, мы прогнали тучный косяк зубатки к садку, отделённому от ловушки продольными и лёгкими поплавами, которые по мере приближения к ним стали тонуть и вскоре скрылись в воде под тяжестью напирательной рыбы. Бригадир довольно цокнул языком и обронил.

— Не меньше полтонны будет.

— Как и вчера, — подал голос Григорий и ещё энергичней стал перебирать сеть, стравливая её под лодку. Хоть я и молчал, но азарт рыбалки захватил и меня. Так и подмывало сказать тоже что-нибудь стоящее и ёмкое, однако слов, подобающих моменту, в голову не приходило, и поэтому я, стараясь не отставать от товарищей по бригаде, вытягивал и сбрасывал мокрые ячеи, не давая своему участку ослабнуть, а значит, прогнуться и дать возможность корюшке уйти из нашего загона.

Душа моя наполнялась ликованием, неожиданно для себя я замурлыкал какой-то трогательный мотив. Исихара услышал, поднял недоумённо бровь и так посмотрел на меня, что я должен был провалиться на дно. Но я даже и взгляда не от-

---

вёл, лишь усмехнулся, примерно так же, как он давеча, когда на берегу отбил мне всякую охоту о чём-то его расспрашивать. Бригадир нехотя отвёл свой колючий взгляд. Так-то лучше. Рыба в садке, теперь наверняка можно передохнуть и осмотреться.

Рябь улеглась, морская гладь перед нами, ровная, как стол, простиралась до тех пор, пока вдали не сливалась с небом. По левую руку от нас оконечность лесистой подковы залива венчали бугристые строения городка Корсакова, террасами уходящие в ажурные скалистые сопки. Между жилыми пятиэтажками у подножия и рельефными силуэтами кораблей на рейде цаплями возвышались портовые краны. Чистый воздух, подобно увеличительному стеклу, скрадывал расстояние и обманчиво приближал этот приморский пейзаж, но в действительности — об этом я узнал позже — до Корсакова по прямой было не менее двадцати миль. По правую руку от нас можно было хорошо разглядеть невдалеке Аниву с вышпанными на побережье одноэтажными домишками и блестящими на солнце овальными крышами вытянутых складов и ангаров. Где-то там же, за тополиными кущами скрывались казармы двух воинских частей. А вот пограничная застава на самом дальнем мысе отсюда почти не просматривалась, и лишь напрягая зрение, можно было с трудом угадать высоченную антенну на выпуклой сопке и белеющие пятна воинских строений. Дальше по морю на юго-восток была не очень дружелюбная к нам Япония.

Их недружелюбие понять просто: столько островов на севере прошляпили они во время оно, а всё потому, что изнежены больно, всё откладывали на потом освоение северных земель, думали — кому-де эти стылые, завалившие широты нужны? А как продрались, пробились наши бесстрашные предки, землепроходцы и мореходы верхом на конях да на быстроходных и лёгких кочах в семнадцатом веке через дремучую тайгу и кошмарные шторма на Сахалин да Курилы, срубили на новых землях остроги, тут и спохватились надменные японцы, да близок локоток, а не укусишь! Всё, ребята, по-честному: русская отвага и ваша нерасторопность дали возможность матушке-России прирасти благословенными островами. В этот миг мои размышления прервал резкий зык бригадира.

— Всё, кончай перекур! Начали перегрузку!

Обратно плыли осторожно. Мотор тихонько урчал, Исихара, не доверяя никому, сам сидел на корме, крепко держа рукоятку руля правой рукой и направляя перегруженный кунгас в наиболее спокойные места побережья. Мы с Гришей примостились, подобрав ноги под сиденье, по бортам

посредине. Я выбирал из бурта шевелящейся зубатки пестреющих петушиным окрасом морских бычков, что значительно превосходили по размеру корюшку и судорожно хватили воздух своими розовато-прозрачными ртами, обречённо раздувая при этом радужные, смахивающие на жабо средневековых придворных разноцветные жабры. Подхвачу, стараясь не уколоться об ярко раскрашенные гребни спинных плавников, полюбуюсь на роскошную роспись узоров на чешуе и опускаю очередного бычка за борт, в проплывающие мимо волны. Лишь на миг освобождённая рыба замирает в уходящей зеленоватой воде белым брюхом кверху, и в одну секунду перевернувшись, исчезает в глуби, напоследок шлёпнув изящным хвостом по взрябленной глади моря.

— Ишь ты, какой жалостливый выискался! — Исихара растянул губы под редкими усами в едкой усмешке. — Давай, не ленись, выбирай и зубатку, ту, что крупней — и за борт! Вот нарыбачим-то мы с тобой! Да, Гринь?

— Да пусть его выбрасывает! Всё одно, закапывать этих бычков на берегу! Сам же знаешь, по штуке у нас не берут. Здесь другой вопрос: сумеют ли они помятые опять оклематься? И не станут ли теперь лёгкой добычей крабам?

Я молча смотрел на них и продолжал по одному спроваживать некондиционных морских бычков в их родную стихию. Вчера при первом знакомстве и скупом инструктаже я понял, что не всю выловленную рыбу у нас принимают, а только ту, что в преискуранте, поэтому и полагал, что ничего страшного не случится, если я некоторых из обречённых давить песком, освобожу от этого, вернув их в бездонную горько-солёную юдоль.

День за днём осваивал я профессию «ловца прибрежного лова», именно такая новая запись, а не как я предполагал — «рыбак», появилась в моей трудовой книжке. Что ж — ловец, так ловец. За это время наша бригада пополнилась. Мой ровесник Сергей устроился на период путины, используя для этого свой законный отпуск. По разговору, он тренировал юных прыгунов с трамплина на детско-юношеской спортивной базе Южно-Сахалинска, был среднего телосложения, но жилист и вынослив, в чём я убедился, работая с ним в паре на одном из двух наших ставников, сброшенных в море метрах в восьмистах друг от друга.

— Мужики! Сегодня у нас праздник, — подошедший Гриша поправил провисшую между жердями сеть, которую мы чинили на базе, и весёлыми карими глазами окинул меня с Сергеем. — Идём на крабов. Это миль шесть прямо туда, —

он махнул загорелой рукой в направлении открытого моря. — Поэтому тащите из сарая спасательные жилеты, вдруг рыба-надзор на катерах с проверкой нагрянет. Надо, чтоб всё было чика в чиху. Да поторапливайтесь, а то бугор что-то не в духе.

Миновав обозначенные жёлтыми поплавками из пенопласта, хорошо просматриваемые в воде, сетчатые и пузатые пустые краболовки, мы отплыли на вёслах, и бригадир намётанным глазом определил место, где шарить глубь припасённым багром, чтобы подцепить утопленную сеть-путанку. Уже через минуту довольный Гриша вытягивал на борт пойманный, толстый капроновый фал, который мы вчетвером, навалившись на борт, тут же принялись живо перебирать, придвигая лодку к всплывающей крупноячеистой сети. И вот он, первый бледно-коричневый с лакированным отливом панцирь камчатского, с длинными суставчатыми конечностями, краба. Бригадир ножом ловко обрезал шёлковые шнуры, впившиеся в сочленения выше клешни, освобождая добычу от пут, и перебрал краба в кунгас. С удвоенной силой мы продолжили пропускать вдоль лодки сеть, и через некоторое время чрево нашего кунгаса было устлано и поблескивало на солнце подсыхающими и шевелящимися пупырчатými панцирями.

К берегу набитый под завязку выловленным крабом кунгас шёл не спеша, напрямки через цепь жёлтых поплавков с мерцающими из морской пучины пустыми краболовками. Как я догадался, они болтались в море для отвода глаз рыбной инспекции: мол, всё у рыбаков-прибрежников по закону, крабов добывают выданными на складе садками, и никаких запрещённых орудий лова здесь не бывало и в помине! Так бы оно так, да ведь только и краб не дурак переть напра-палую в неуклюжие садки-ловушки, ему проще поднырнуть под них и дальше дрейфовать на вожденную Камчатку! И где уж бедному обладателю цепких клешней знать, что ушлый и коварный человек просчитал всё наперёд и точно по ходу растянул неразличимые даже вблизи сети-путанки.

Залив был солнечным и пустынным, лишь вдали, напротив Корсаковского порта на рейде поблескивали расплывчатые контуры двух сухогрузов, да у горизонта, где море сливалось с небом, застыл силуэт пограничного сторожевика. Припекало. Не сговариваясь, мы, все четверо, сложили на корму спасжилеты, скинули робу, а Гриша присел на скамью посреди лодки и стянул с себя и рыбацкий, на лямках, комбинезон, оставшись в свободных, в горошек, трусах и подвёрнутых болотниках.

— Ты бы, Григорий, аккуратней по кунгасу-то шастал, — не удержался я, видя как, не выбирая, куда ставить сапог,

---

Гриша прямо по наползающим друг на друга крабам направился на корму к сидящему у руля бригадиру. — Не ровен час, разворотят тебе эти бедолаги всю промежность своими железными клешнями!

Парень лишь снисходительно отмахнулся, подняв правую ладонь чуть выше плеча. И тут же поплатился за свою беззаботность. Огромный краб, через которого Гриша, расшаперив оголённые, поросшие тёмным волосом, ноги, переступал в это мгновение, неожиданно вскинул клешню и намертво сомкнул её на мошонке парня, прихватив вместе с подрагивающей смуглой кожей и часть материи в горошек. Гриша так взвыл, что у нас в ушах зазвенело. Бригадир бросил руль и, подскочив к корчащемуся напарнику, оторвал сустав по сочленению и отшвырнул искалеченного краба к борту. Подоспел и я, а Сергей в это время добрался до кормы и сел за брошенный бригадиром руль. Не теряя ни секунды, мы бережно усадили постанывающего Гришу на лавку у вёсел, Исихара достал складень и тихонько просунул лезвие между сжатými конечностями оторванной клешни.

— Терпи, казак, атаманом будешь! Угораздило ж тебя, Гришаня!

— Да это новенький сглазил меня, — Гриша сморщился и попробовал улыбнуться, однако получилась гримаса, мало схожая с улыбкой. — Надо ж, под руку накаркал! Ну и язычок у тебя, Ванюша!

— И без того было видно, что добром твоя затея не кончится, — огрызнулся я, продолжая поддерживать Гришу за плечо, пока бригадир осторожно размыкал ножом мёртвую клешню.

Наконец это ему удалось, и освобождённый Григорий нерешительно притронулся к тому месту, куда несколько минут назад вцепился краб.

— Все жизненно важные органы целы, — в этот раз настоящая улыбка заиграла у парня на ямочках щёк, карие глаза повеселели. — Так что, парни, повоюем еще на женском фронте!

— Братцы, а какого ляда сеть такая тяжелющая? Это ж надо — не поднять! — перегнувшись с кормы в заводу двора, Сергей жилистыми руками пробовал вытянуть дель из воды. — Слушайте, так и грыжу можно заработать!

Мы, каждый на своём месте, тоже выбросили ладони за борт и поймали по лоскуту ставшей непривычно бугристой и скользкой, сети. С трудом, но нам удалось общим рывком натащить и перевалить в чрево кунгаса бесформенное желеподобное месиво. Отдышавшись, ребята недоумённо переглянулись.

— Вот так подарочек! — криво усмехнулся Исихара и в сердцах добавил. — Не нашли лярвы другого места, где отнереститься.

— Хороший табунок селёдки погостил в нашем дворе, — Григорий тоже усмехнулся. — Теперь на весь день работы: они же не только отметили икру, но еще и так прочно закрепили молокой, что надо, бригадир, ехать на базу за металлическими щётками, иначе не отскоблим.

— Сколько добра пропало, — с сожалением вставил и я, пытаюсь отшоркать вспученную икрой сеть.

— Килограмм двести — это на первую прикидку, — Виктор уже успокоился и, сравнив мысленно тот кусок дворового желе, что мы сволокли в лодку, и оставшийся под водой, досказал. — Сейчас сползутся сюда разные мелкие крабы да раки-отшельники.

— Так, может, нам и не дёргаться — пусть попируют. А мы пока другим чем займёмся.

— Нет, наше за нас никто не сделает, — за бригадира ответил Гриша. — Да и невыгодно, даже вредно оставлять такую уйму корма всяким морским тварям. Они ведь от жадности и халявы своими клешнями так искромсают сети, что потом и чинить-то будет нечего.

За очисткой и стиркой сетей день пролетел, как один час, но за этот пресловутый час мы вымотались, как никогда в другие дни. Вечером, за ужином, ребята сидели полусонные от усталости, и самое смешное было в том, что никто толком не мог поднести ложку с мясной кашей ко рту: так у всех болели плечи.

В начале июля, в ожидании подхода горбуши на нерест, мы пробавлялись ловлей неводом разнорыбицы. Обычно ближе к полуночи, когда море замирало и сумрачной фольгой поблескивало в лунном свете, мы втроем на вёсельной лодке выплывали в залив, оставив на берегу четвёртого с шестом, за который был привязан один конец невода. Я, как правило, грёб, бригадир и Гриша стравливали с обтянутого куском палатки слипа в чернеющую за кормой воду собранную днём на берегу аккуратной стопкой сеть, длина её составляла четырёста, а высота до четырёх метров. Посредине сети был вшит циклопический садок, вмещающий в себя до десяти тонн добычи и завязанный на конце на морской узел прочной шёлковой тесёмкой. Выгробали в залив до ста метров, там плавно поворачивали, и, пройдя еще примерно столько же, круто брали к побережью. Вытащив лодку на песок, крепили второй конец фала к шесту и начинали схо-

---

диться с оставленным на берегу Сергеем. Теперь предстояло самое ответственное: выбрать без потерь невод из моря.

К этому времени из прибрежной деревни Песчанки, что располагалась в одну улицу сразу за внешним кирпичным рыбозаводским забором, подтягивались заспанные парни и мужики: поглазеть на ночную рыбалку, а где и чем-то подсобить. Из заводской ограды пригромыхивал гусеничный трактор с тележкой, забитой порожними дощатыми ящиками под свежую рыбу.

Вот и сегодня всё обстояло именно так. При свете фары, закреплённой на крыше кабины дэтэшки, сеть выбиралась, как мне казалось, веселей, и даже всегда ворчливый и всем недовольный бригадир не зудил над ухом, а деловито вытягивал невод, ловко притаптывая при этом низа со свинцовыми грузилами, чтобы кишашая рыба не смогла отыскать лазейку и ускользнуть из сетчатой ловушки. Видя богатый улов и уже не сдерживая рыбацкого азарта, деревенские подбежали из темноты к берегу и сноровисто принялись помогать нам довершать ночную охоту на морских обитателей. Одни тянули невод, другие, войдя по колено в воду, сдёргивали с напряжённых ячей зацепившихся мелких, гладкопанцирных зеленоватых крабов, блестящие ленты морской капусты и ключья косматых водорослей, отшвыривая их за внешний урез, третьи подхватывали на берегу и складывали в две оплывающие пирамидки освобождённую сеть. Вода в сужающейся ловушке закипала.

— Глядите, мужики! — зычно и восторженно пробасил здоровенный парень в брезентовом плаще с капюшоном и подвёрнутых болотниках, сноровисто протягивая сеть к берегу. — Нонче, однако, вся мотня с рыбой под завязку будет! Ишь, как клокочет! Столь набилось, что можно по ей пешком ходить и в море не провалишься!

И в тот же миг вдруг всё вокруг стихло — и вода, и разговоры. Через полминуты морская поверхность в ловушке выровнялась. На отчётливо различимых лицах и рыбаков, и деревенских застыло недоумение: как, мол, такое могло случиться? Исихара, как был в подвёрнутых броднях, прошёл в море, черпая холодную воду в сапоги, и на глубине в пояс выловил конец мотни с болтающимися не завязанными тесёмками. Луч фары выхватил его скуластую физиономию с презрительно сжатыми тонкими губами под редкими усами и безжалостные жёлтые глаза, которые тут же, подобно двум колючкам, впились в меня.

— Ты, Ваня, и вправду повреждённый или только прикидываешься. Почему мотню так плохо завязал?

Я оторопел, но в ответ даже рта раскрыть не успел, как со стороны Гриши, стоящего на кромке прибоя, раздражённо донеслось.

— Не гони, бригадир, гусей! Ты ж никогда и никому не позволяешь вязать узлы. Всё только сам! Так что извини, но новенький здесь не при делах. — Неожиданно Гриша — это было видно в растекающемся тусклом свете фары — улыбнулся. — И вообще, чего после драки кулаками махать, давай собирать манатки. Хотелось бы еще поспать хоть пару часов до света. — Гриша помолчал и закончил. — А рыбу уж в другой раз возьмём.

Исихара сверкнул своими лимонными раскосыми глазами и, никак не отвечая на реплику друга, принялся перегружать сети в покачивающуюся рядом лодку. Спустя пяток минут я сел за вёсла, чтобы перегнать её к лебедке на берегу перед нашей базой. Никто в эту ночь больше не проронил ни слова.

В десятых числах июля нагрянул праздник и на наше побережье — потяжелели невода, на нерест хлынула долгожданная горбуша. Дня за три до этого в ставники заплыли и заполошно забегали по подтопленным сетям разведчики, в основном самцы лосося с высокими горбатыми спинами, значительно превосходящие размером и весом более изящных с округлёнными брюшками самок.

— Гонцы на месте, — наблюдавший, как и все мы, с борта кунгаса за снующими в огромном сачке рыбинами, Исихара пронзительно глянул на меня и усмехнулся в редкие свои усы. — Не сегодня-завтра прибудет главное стадо горбуши, тогда и посмотрим, кто на что способен. Обещаю — спать на ставниках никому не дам!

— Да кто уснёт, когда она пойдёт! — хохотнул Гриша. — Азарт, бригадир, в песок не зароешь, — парень обвёл весёлым взглядом нас с Сергеем. — Да и компаньоны у нас парни что надо!

Ставники поделили так: бригадир и Григорий в кунгасе расположились на правом от берега, а мы с Сергеем прицепили свою лодку к фалу на левом. С рассвета и до вечерней зорьки стерегли косяки и перегоняли их со двора через ловушку в садок. В сумерках подходили на моторе Исихара с напарником, ставили свой кунгас напротив нашего, сближались и вычерпывали зюзгами-вилами пойманную горбушу в трёхтонную ёмкость лодки.

Мотор заводили, когда дневная добыча, засыпая, подплёскивала широкими и плоскими хвостами на уровне поперечного сиденья. Если рыбы набиралось до краёв, я садился на

вёсла и потихоньку грёб к побережью. Как-то вышло так, что эту осторожную обязанность я сразу взял в свои руки, и здесь даже бригадир не перечил, и казалось, что всегда колющие глаза его по отношению ко мне в такие минуты заметно смягчались. Скажу, не хватая: за всю путину ни разу не зачерпнул я солёной водички лодочным бортом! А ведь приходилось грести и при отменной боковой волне.

Полуденное море едва шевелило глянцевою гладью — вблизи от ставника голубовато-зелёной, а по мере удаления сгущающейся до синевы. Мы с Сергеем уже четыре раза перегнали немалые косяки лосося в садок, где теперь его, по нашим прикидкам, скопилось около четырёх центнеров. Напарник прикорнул на корме, а я, сидя на скамье посреди лодки, вполголоса напевал новую песенку про велосипед и «ту девушку, которую люблю», услышанную из транзистора вчера вечером у костра, и сразу запомнившуюся и полюбившуюся.

Костры мы жгли по обыкновению ближе к полуночи, когда кунгасы уже затянуты в ограду, мокрая одежда развешана над включёнными козлами, добытая рыба сдана на склад. Переодевшись в чистое, самые стойкие из нас возвращались на берег, по пути наломав лопуха, листья которого здесь, на Сахалине, порой достигали таких размеров, что под ними можно было спокойно укрыться от дождя и взрослому. Этикие естественные тропические зонтики. Однако сейчас они нам нужны были для иных целей: запеканию в песке только что выловленной горбуши.

Когда-то в юности подростками мы озорничали: кто-то из друзей приносил из дома удочку с толстой леской и крючком на конце. Выкапывали жирного червяка из навозной кучи у сарая, прятались в кусты, а червяка, насаженного на крючок, выбрасывали на пригородную дорожку. Вездесущие куры наперегонки неслись к извивающейся в пыли добыче. И самая быстрая и ловкая уже через полчаса обмазывалась нами прямо с перьями сырой глиной и закапывалась в свежую ямку. Стаскивали хворост, жгли костёр, разгребали угли и откапывали запечённую будто в глиняном горшке курицу. Не давая остыть, отколупывали обожжённые куски глины вместе с перьями и посыпали дымящуюся куринную мякоть солью. Вот это было пиршество! Правда, случалось, что хозяин пойманной и съеденной курицы накрывал нас в минуты трапезы. До драки дело не доводилось, мы ведь были уже лбами рослыми, но родителям нашим приходилось раскошелиться, оплачивая это озорство.

Запекание горбуши в песке по своему действию весьма похоже. Только в этом случае рыба потрошится, промывается в морской воде, напшиговывается чесноком, луком, солью, перцем и лавровым листом; заворачивается в лопух слоя на два, скрепляется на жабрах и по хвосту алюминиевой проволокой и кладётся на дно вырытой сантиметров на двадцать в песке лунки. Ямка засыпается, подтрамбовывается, и запаливается жаркий костёр. Как правило, из темноты появляются ребята и девочки в штормовках — бойцы студенческого отряда, работающего здесь на рыбозаводе на разделке горбуши. Мы широким жестом приглашаем их к костру, ребята опять уходят в ночь, но ненадолго, минут через пять они волокут, кто дрова, а кто-то толстые коряги и обрубки стволов деревьев, вынесенных на побережье прибоем и уже подсохших. Коряги и стволы выкладываем квадратом вокруг костра, все рассаживаются. За разговорами костёр прогорает, мерцающую золу отгребаем в сторонку и лопаткой раскапываем ямку с натомившейся в лопухах рыбой. Лакомимся горбушей прямо с развёрнутых и взопревших листьев. Чтобы понять, что это такое, нужно попробовать самому и непременно вприкуску с морским, насыщенным йодом, ночным ветерком, ласковым шумом волн прибоя и золотистыми созвездиями над головой!

Коль уж речь зашла о деликатесах, расскажу еще об одном. В пору ожидания горбуши, когда мы процеживали прибрежную бухту раскидистым неводом, попадали в сеть и морские таймени, огромные, в тёмных крапинках от тяжёлой, приплюснутой головы до спинного плавника. Попадали они редко, по штуке или парой, поэтому мы их оставляли себе. И в эти же дни около одного из ставников из приотпленной на полметра путанки мы извлекали за один раз штук по пять симы, что, как и горбуша, относилась к семейству лососевых, но с мясом более сочным и несказанно нежным на вкус. Кто из рыбаков и когда нащупал эту узенькую рыбную полоску, всего-то метров шесть по ширине и семьдесят от побережья, теперь уже никто не скажет, но только здесь и в упомянутом выше количестве мы брали эту сладкую симу.

Котлеты готовил Григорий. Он ловко отделял мякоть тайменей и симы от костей, складывал её в глубокую миску, прилаживал к столу мясорубку и прокручивал фарш. Добавлял разнообразных специй, как мне казалось, всех, какие имелись в кухонном шкафчике, круто замешивал, давал отстояться фаршу часа два, и начинал жарить ароматные котлеты. Вкуснее и сытнее этих котлет я в жизни не едал!

Голубоватая вода наплёскивала в просмоленный борт кунгаса. Солнце в зените, лёгкая качка, словно ты в шезлонге, потихонечку вводила в дрёму. Чтобы стряхнуть с себя сон, я надумал испугнуться. Разделся и вывалился за борт, оттуда саженками поплыл вдоль ставника, нырнул, достал пятками до дна и пулей вылетел на поверхность. У самого дна что-то так обожгло мой бок, будто кто-то калёным лезвием провёл с нажимом. Краем глаза я зафиксировал, как стоящий в середине кунгаса Сергей махал руками в мою сторону, указывая на что-то невидимое мной, но приводящее его в заметное беспокойство. А следом и расслышал.

— Ваня, скорей отплывай влево! Медузы! Целая стая!

Уже с борта кунгаса, отдышавшись, рассмотрел я ту опасность, что поджидала меня, вынырни я немного правее: разноцветное желе, в разводьях с чёрными и тёмно-коричневыми ядрышками внутри слоисто растекалось трёхметровым овалом вдоль нашего ставника и наверняка уходило вглубь не на один метр, иначе бы кто ошпарил мой бок!

— Вот и освежайся после этого!

— Дай осмотрю, будут волдыри или обойдётся.

— Ничего, Серёжа, прорвёмся! — я легонько потёр покрасневший бок. — Ты же знаешь, как морская вода ранки заживляет, а здесь и крови не выступило даже.

Усевшись на поперечную скамью, я блаженно вытянул босые ноги и прикрыл глаза. Но и с закрытыми глазами почувствовал, как набежала тень. Подумалось: или Серёга встал передо мной, или... Еще пять минут назад небо было без единого облачка и солнце жарило, как на юге. Гроыхнуло, да с таким треском, что я распахнул глаза и обернулся в сторону грома. Тёмно-лиловая низкая туча, вывалившая из-за лесистых сопок на западе, расплзлась по небу, как зловещая клякса, из которой сыпались и на сушу, и на взрябленную поверхность залива зигзаги огненных стрел.

— Вот влипли! — в голосе Сергея не было и намёка на испуг, а различались лишь нотки раздражения и досады. — И до берега далёко, и здесь укрыться негде!

— Можно попробовать под лодку поднырнуть, — пошутил я. — Меньше намочит!

— Как же! Ты погляди, медузы-то почти под борт поддрейфовали! Ждут, не дождутся, когда ты к ним на обед объявишься собственной персоной.

Однако положение наше было не из лучших. Уже и сопки не видно за стеной ливня, и первые капли ужалили лоб и щёки; молнии стали бить в море реже, зато сами они утолщились и побагровели; но главное, что огненные вилы эти втыкались,

---

как нам показалось, в одном направлении, а именно — в нашем. Никогда прежде я так остро не чувствовал свою беспомощность, как в эти минуты. Как ни крути, а мы были для молний выгодной и едва ли не единственной на сотни метров вокруг мишенью. Но что-то щёлкнуло в сознании, я вдруг явственно посмотрел как бы со стороны и на полуодетого промокшего себя на скамье, и на товарища, так и стоящего упрямо посередке кунгаса, да и на сам кунгас, бесстрашно покачивающийся среди ливня. И как-то сразу успокоился, словно всё это происходит не со мной, а я всего лишь зритель из затемнённого зала, перед которым развёрнут широкий и яркий экран, и что скоро кино это закончится. Я, помнится, даже улыбнулся. Гроза, видимо, поняв, что запугать нас ей не удастся, круто отвернула от кунгаса и принялась, удаляясь, метать свои громы и молнии в сумрачное открытое море.

Через пару дней еще одна напасть подкралась к нам, на этот раз в обличье настырной и безжалостной нерпы. Ласковое солнышко, полуденный бриз, на горизонте всё тот же пограничный сторожевик. В садке с полтонны улова. Благодарить. И вдруг из воды, метрах в десяти, как струи из фонтана, возносятся ввысь и рассыпаются, подобно фейерверку, несколько гибких горбуш.

— Это же какая скорость и сила у них, если они без опоры — а где ты в воде найдёшь, на что опереться? — так высоко из моря взлетают! — восхищённо воскликнул Сергей и, помолчав, раздумчиво закончил. — Что-то там у них неладное приключилось. Кто их мог так шугануть?

И словно отвечая на вопрос моего напарника, в том же самом месте, откуда только что взмыли вверх перепуганные рыбы, появилась из воды довольная мордочка нерпы, внешне очень похожая на персонажа давней киносказки «Марья-искусница»: лысоватого, с круглыми рыбьими глазами и торчащими на обе щеки усами. Тот, помнится, был верным слугой злого владыки подводного царства. Вот и мы сподобились наяву узреть нечто подобное! Нерпа пофыркала и уставилась на нас своими немигающими глазами, в которых ни любопытства, ни досады не читалось — она смотрела на кунгас и двух существ в оранжевых комбинезонах, как на пустое место. Мы ей крикнули что-то — даже не пошевелилась.

— Ах, так! Ну, получай тогда, чудище морское! — Сергей подхватил, лежащую на дне лодки доску, что мы приспособили под сиденье на корме, и, перегнувшись через борт, плашмя и с силой ударил ею по поверхности моря.

Резкий удар прогремел как выстрел. Нерпа заголошно нырнула в сторону, обнажив на миг свое блестящее гладкое тулово и шлепнув тёмным рифлёным хвостом по взбаламученной воде.

Работы нам прибавилось: теперь мы караулили не только заходящую в ставник горбушу, но и охотящуюся на рыбу нерпу. Раза четыре еще её гладкая голова, со стекающими блескучими полосками и топорщимися мокрыми казацкими усами на продолговатой мордашке высывалась на периметре нашего ставника, Сергей хлётко ударял по морю, нерпа уныривала. А потом всё это вдруг прекратилось. Зато отныне нам приходилось едва ли не после каждой переборки невода брать в руки пластмассовую, заострённую с одного конца игличку с намотанной капроновой ниткой и, перевесившись за борт, штопать прямо над водой разодранную сеть. Это весьма сообразительное морское животное просто и умно сменило тактику: скорее всего нерпа поплавала, покрутилась вокруг ставника да и удумала следовать за горбушей через подкрылки в поплескивающий двор или того больше, подплывала к неводу с внешней придонной стороны, тихонько распечатывала ячеи и проскальзывала во двор. Тут она бесшумно выбирала самого жирного самца, ловила и с добычей в пасти расширяла острыми когтями проход и была такова! И так она проделывала всё аккуратно и неслышно, что мы лишь однажды заметили, как взбучилась поверхность во дворе, и несколько горбуш хлестанули хвостами по поверхности воды.

— Давай-ка, Серёжа, и мы ответим нашей нерпушке, — предложил я напарнику после штопки очередной дыры, зияющей в ставнике, и через которую наверняка в морскую пучину вернулся не один десяток горбуши. — Хоть это и нудно, но мы будем теперь лупить доской по морю каждые полчаса.

— А что, я согласен, — улыбнулся Сергей. — Мы ведь столько нитки сэкономим!

Как бы то ни было, но промолотив дней пять по морской глади плоской доской, мы отвалили-таки эту проказницу от дармового лакомства нашей добычей. И до окончания путины больше нерпа нас не беспокоила. Что интересно, но и в те дни, когда она бесчинствовала у нас в ставнике, по утрам, причалив к нему и перебрав сети, проверяя их целость, мы ни разу не столкнулись с повреждённой ячеей. Значит, охотилась нерпа только в светлое время суток, по крайней мере — в наших угодьях.

На исихаровском ставнике всё обстояло по-другому. Бригадир брал с собой ружьё — одностволку 28-го калибра и не-

---

сколько дней с борта высматривал нерпу. Раза три за это время до нас доносились отдалённые выстрелы. После одного из них, вечером при перегрузке рыбы из садка в кунгас, Виктор был непривычно оживлён, шутил. Когда я, выбрав момент, спросил вполголоса у Гриши: мол, какая сладкая муха укусила бугра, что он так развеселился? Григорий улыбнулся и повернулся к Исихаре: дескать, колись, Витёк, как ты нашу нерпу снял одним выстрелом. Поучи компаньонов!

— Да ничего особенного, — Исихара растянул в усмешке скуластое обветренное лицо и пошевелил редкими усами. — Опыт, ребята, не пропёшь. Я этих нерп и тюленей лет пять назад на Камчатке столько пострелял, что в кунгас не влезут! Берёшь на мушку, щёлк — и всё! Вот они уже и кверху белым пузом. Подплываем, цепляем багром и в холодненький трюм эмэрэски.

— А где же твой сегодняшний трофей? — Я простодушно указал рукой на пустое чрево их кунгаса. — И незаметно, чтоб на прицепе его волоком по морю притащили.

Бригадир исподлобья глянул на меня, вновь усмехнулся, но уже как-то угрожающе. Однако Гриша опередил его с ответом.

— Ты, Ванюша, что — не видал, какая здесь пучина? А течения подводные кто отменял? Помнишь, как сам барахтался, когда сдуру поплыл от лодки на берег? То-то и оно. Унесло нашу добычу в море.

— Так бы сразу и сказали, — уронил я примирительно. — А случай с моим заплывом на тот свет я буду долго помнить.

Произошла эта оказия в начале июля, когда мы готовили ставники к приёму горбуши. Бригадир раненько поутру привёз наш кунгас на буксире, мы прицепились к наплавам, а он вернулся на базу. Договорились, что заберёт нас после двух часов дня, к тому времени, по его прикидкам, мы должны закончить всю ревизию и починку сетей; но мы отработали споро, и уже в двенадцать бездельно покачивались в лодке, развлясь по её бортам. Мне это быстро надоело. До берега метров сто, а до первой прибрежной косы и того меньше. Доплыву, беззаботно решил я, и, разувшись, скинул рыбацкую робу.

— Ребята, — весело обратился я к Сергею и Григорию. — Присмотрите за барахлом, пока я сплываю за Исихарой. Тесновато здесь киснуть втроём!

— А доплывёшь? Расстояние-то обманчивое, сам знаешь. — Гриша недоверчиво заглянул мне в глаза и добавил: — Если что, то тебе и помочь-то сразу не сумеем.

— Да я вообще-то, Григорий, вырос на горной речке. Плавать научился лет в семь. Пока не жалуюсь!

— Ну, ну! Наше дело — предупредить, — Григорий дружелюбно улыбнулся. — А твоё — барахтаться. Бригадиру скажи, чтоб не мешкал, а то мы здесь созреем на солнышке.

И я, раздевшись до плавок, поплыл. Плыл и вразмашку, и по-собачьи, и по-морскому, как говаривали у нас во дворе, да и на боку и спине. Метров сорок преодолел легко, а вот потом стало тянуть сначала правую ногу, следом левую. Нет бы, взять с собой предусмотрительно иголку, она у меня хранилась с намотанной ниткой на сгибе ворота рубашки, прикрепить её по шву на плавках, но я поторопился, уверенный в том, что если что и случается в жизни нелепого, то только не со мной! А ноги продолжало гнуть судорогой, особенно правую. До дна в этом месте не меньше пяти-шести метров; и даже если наблюдающие за мной и, как я заметил краем глаза, обеспокоенные моим нервным поведением ребята, отцепят лодку и на вёслах попытаются спасти мою дурную голову, то искать им придётся долго, может, даже и протралить всю прибрежку, если, конечно, раньше то, что еще недавно было мной, не вынесет и не прибьёт к берегу прибором. Обрывки таких мыслей бедрили сознание, когда я, держась на плаву, до крови прихватывал пальцами и царапал ногтями кожу чуть выше колен. Уже пощипывала горько-солёная вода в расцарапанных местах, возвращая моим ногам чувствительность. Судороги отпустили. И последние десятки метров я, ободрённый, проплыл саженками, пока мои измученные ноги не нащупали дно, и я, пошатываясь от пережитого, не выбрался на мокрую полоску прибора.

— Мужики, — отрывисто обратился к нам с Сергеем Исихара, когда мы по зорьке выводили на воду и цепляли кунгас к уключине бригадирской лодки. — Сейчас мы вас доставим на ставник, и сегодня, не вечером, как обычно, а в обед соберём весь улов. Директор просил, там у них какая-то заминка с привозкой горбуши с другого побережья, а с него областное начальство требует свежей рыбы. Вот мы и поставим.

— Замётано, командир, — Сергей сладко потянулся. — Думал подремать малёхо на слипе, да теперь ладно уж — отоплюсь после обеда.

— Ночью надо было спать, а не шариться по студенткам, — без тени упрёка, а как-то по-свойски, понимающе включился в разговор Григорий. — Они девахи молодые. Любопытные. Ты им, небось, всю ночь травил небылицы про нашу рыбалку?

— Не было, Гриша, на это и минутки! Мне-то что? Я — разведённый, птица свободного полёта, где приземлюсь — там всё моё. А вот наш Ванюша окольцован — он в законном браке. Хотя уже и само это словечко «брак» — что-то несурразное. Браком хорошее дело не назовут!

— Серёженька, не оправдывайся, — добродушно заметил я. — Брак — это для загса, а для семьи — женитьба.

— Ну, философы доморощенные, — ощерил тонкие губы в скупой улыбке бригадир и, заводя мотор, закруглил беззлобно. — Так мы с вашей болтовнёй всю рыбу-то и проспим.

Черпать горбушу начали с нашего ставника. Улов впечатлил: как по заказу — за четыре часа полторы тонны. Григорий восторженно цокнул языком.

— Вишь, как попёрла, родимая! С нашего, я думаю, снимем не меньше! Да, Витёк?

— Мы, что — зря её всё утро прогоняли, — Исихара по обыкновению усмехнулся. — Здесь, Гришаня, цветочки — ягодки будут у нас!

Довольные, мы причалили к бригадирскому садку. Поставили лодки бортами друг против дружки и начали, сближаясь, выбирать невод. Он на удивление подался легко: ладно бы с краёв, от поплавков; мы уже стянули кунгасы почти к середине, а сети пусты. Лодки наши торкнулись дощатыми кормами, и мы добрались до донных ячей садка, в которых зияла такая огромная дырища, что всё стало понятно и без слов. Непередаваемая досада и — гробовая тишина. И вдруг, в этой-то тишине, со стороны моря раздалось сытое и счастливое фырканье; мы дружно повернули головы — метров с десяти на нас уставилась своими круглыми глазами нерпа. Не могу поручиться, что это была та самая, что пару дней назад, по его словам, подстрелил наш бригадир, но взгляд у этой обитательницы морских угодий был хозяйским, и в нём явно прочитывалось нечто на грани издёвки: ну что, горе-стрелки, выкусили! Тут уж Исихара взорвался.

— Я тебя, отродье проклятое, из-под земли достану! — Бригадир в бешенстве подхватил лежащую поверх уснувшей рыбы зюгу и швырнул в нерпу, но она за миг до этого нырнула в тёмно-синюю пучину.

— Не кипятись, командир. Прорвёмся, — негромко, но твёрдо сказал среди наступившей тишины Сергей. — Обойдёмся горбушей, что у нас есть.

— Да дело не в рыбе, — Исихара скрипнул зубами. — Я ведь сам видел, как ее подстрелил, она даже брюхо своё показала! А как ушла и выжила, ума не приложу!

Когда на следующее утро мы, распахнув высокие дощатые ворота, как обычно включили лебёдку и стали тросом стаскивать кунгасы в море, бригадир где-то замешкался и нагнал нас перед самой водой, небрежно бросив на слип своей лодки короткую, но широкую доску. Мы с Сергеем переглянулись: вот, мол, и до бугра дошло, что наш-то метод надёжней. А сколько патронов можно было сберечь!

— Ваня, лови вон ту, которая под поплавок забилась! — азартно возвысил голос Сергей, перегнувшись за борт и удерживая двумя руками собранную в пучок и набитую горбушой сеть. — Точно вижу — самочка!

— Да я её и наметил. Сейчас подберусь поближе. — Я перебежал к корме и, изловчившись, подхватил зюзгой и перебросил в лодку продолговатую, блеснувшую на солнце очередную тушку горбуши. — Еще парочку таких, и можно доставать ястыки.

— Никогда не думал, что буду так вот браконьерничать среди бела дня, да еще и у всех на виду, — балагурил Сергей, усаживаясь посреди кунгаса и доставая из-под лавки полуведёрную эмалированную кастрюлю, после того, как мы объехали ставник и прикрепились бортом к толстому фалу на дворе. — Между прочим, мы с берега как на ладони.

— Вот и поглядывай чаще по сторонам. И вспоротые тушки не бросай в море крабам как попало, а тихонько опускай за борт. Пусть, если кто и посмотрит, так увидит лишь то, что рыбаки сидят и, как всегда, караулят заход рыбы.

— А то я не знаю! Не впервой ведь, — Сергей уже раскрыл складень и попробовал подушечкой большого пальца лезвие на остроту. — Годится. Жаль, грохотку с собой не захватили, здесь бы и очистили икру от плёнки.

— Забыл, что ли — бригадир запретил её выносить за пределы базы, чтоб случайно не попасться кому на глаза.

— Да мы бы её в мешке пронесли.

— Сам знаешь: бережёного Бог бережёт. А вообще-то, Серёжа, мы с тобой и не браконьеры вовсе, как ты мечтаешь, а всего лишь заурядные несуну. Тот же Исихара еще по весне, когда мы корюшку тоннами сдавали на завод, а мешками при случае отвозили своим в Южно-Сахалинск, просветил меня и как всегда лаконично. Он поведал, что если нас даже с икрой накроет инспекция, мы пойдём на зону не как браконьеры, которым корячится и срок приличный, и полная конфискация, а как несуну, то есть те, кто умыкнул кое-что со своего производства. А здесь и статья другая, и срок смешной в сравнении с тем, что дают за злостное браконьерство.

— Успокоил, однако, ты меня, Ванюша! Развеселил под руку — теперь и ножик хоть кидай в море вслед за рыбой, чтобы, как говорится, и концы в воду.

— Давно уже сказано, Серёжа: не тот вор, кто украл, а тот, кто попался. Так, помнится, в армии и наш замполит говаривал.

— Мне всегда были любопытны, хотя умом до конца и непостижимы лососевые, — переменял тему разговора Сергей. — Срок их жизни четыре года. Вот сейчас мы с тобой потрошим тех, которые уже почти закончили его. Не поймай их мы, они бы поднялись по пресным ручьям вверх, отнерестились там, и мятые, позеленевшие, начали бы опять скатываться по направлению к морю, чтобы где-то по пути окочуриться и застрять в водорослях или меж камней на дне. И ведь это тоже не случайно. Разложившиеся до рыбного тука горбуши станут хорошим кормом для вылупившихся из икры мальков по дороге тех к морю. Видишь, как всё продумано у матушки-природы, — напарник одобрительно покачал головой. — И вот еще что. Представь себе, лосось, проплавав и прокормившись три года по разным морям и океанам за тысячи миль от своей родины, без всякого навигатора или компаса среди тысяч рек и ручьев как-то ведь отыскивает свой родной уголок, и только туда по водопадам и шиверам летит метать икру, оплодотворить её молокой и — погибнуть!

— Прямо камикадзе какие-то, заточенные на результат! — не удержался я от реплики, опуская в кастрюлю очередной ястык: два соединённых между собой плёночных, туго набитых красной икрой, конусных мешочка. — А я тебе, Серёжа, поведаю про то, чему стал свидетелем три года назад. Помнишь, тогда у нас здесь, на Сахалине засуха была страшная — за всё лето один или два дождика. И вот едем мы со свояком на его «уазике» по побережью из Корсакова в Озерки. Начало августа, а берёзы по скалам уже почти все пожелтевшие, квёлые какие-то, дорога пыльная, трава жухлая, ручьи попадают пересохшие, даже море и то неподвижное, тёмное, хотя солнце палит так, что все окна в машине открыты, а все одно — душно. Проезжаем очередную речку по мосту перед самым впадением её в море и — столько горбуши я потом только здесь, на рыбалке увидел! Но лучше б я тогда её и не видел. За мостом мы остановились и вышли из «уазика» размяться, а заодно посмотреть, что стало с бедной рыбой. Склоны обоих берегов метра на три вверх от забитой горбушей речки были устелены дохлой и разложившейся рыбой. Вонь стояла несусветная!

При нас несколько горбуш из последних сил как-то сумели вырваться и свечами взмыть вверх. Ну, прямо как те, что, помнишь, взлетали перед нашим ставником перед нашествием нерпы. А с моря всё напирало и напирало новые косяки идущей на нерест красной рыбы. Однако же, не это было самое ужасное из всего, чему мы стали свидетелями в тот день. По спинам несчастных и зажатых горбуш, как по настеленным в болоте гатям, важно вышагивали сытые вороны и лениво выбирали себе рыбину по вкусу, чтобы — нет, не растеребить её тушку, а железным своим клювом извлечь из ее головы приглянувшийся глаз. Так эти стервятники деликатесничали! Мы со свояком подхватили по пригоршне камней с обочины, и давай пулять ими в этих жирных ворон. Они отлетели подальше на бугор и принялись так злобно каркать, что я не выдержал и побежал вдоль берега, швыряя на ходу в них все, что попадалось под руку. Птицы перебрались на вершины берёз поодаль, расселись там и продолжили свой гвалт. — Я помолчал, глянул раза два на пустынное побережье и усмехнулся. — А вот спустись мы со свояком к реке, выбери себе несколько рыбок, да хотя бы даже одну — и всё, на въезде в город, сам знаешь, пост, и ты в лучшем случае схлопочешь такой штраф, что и дорогу забудешь к реке, а в худшем — получишь полную конфискацию и отсидку года на три.

Бригадир предполагал, что последний косяк горбуши, как это, по его словам, происходило и в прежние годы, уткнётся в ячеи нашего ставника в начале двадцатых чисел августа, и после этого можно смело выдёргивать пудовые якоря и собирать сети. Однако море иссякло на неделю раньше, когда мы с двух ставников за один день богато взяли горбуши. Виктор сказал, что заводить мотор рискованно — можем крепко черпануть, и будет лучше, если ты, Ваня, сядешь за вёсла, потому как играет боковая волна, а пятитонный кунгас заполнен тихо засыпающей рыбой аж до самых верхних бортовых набоек. Стемнело, когда мы аккуратно причалили и лебёдкой выволокли поскрипывающий от перегруза кунгас на берег и при свете прожектора стали расфасовывать улов по дощатым ящикам и набивать ими кузов объёмистой тележки. Трактористу пришлось совершить два рейса к рыбозаводскому холодильнику.

— Еще хотя бы один такой же улов, — Исихара проводил долгим взглядом прицеп, доверху набитый ящиками с красной рыбой. — И всё будет в полном ажуре. — Бригадир вдрут

повернул к нам своё узкое лицо, глаза его в свете прожектора блеснули неожиданной теплотой и, чего не случилось ни разу за всю путину, поблагодарил нас. — Молодцы, ребята! С вами можно и на сейнере в море ходить.

Мы с Сергеем быстро посмотрели друг на друга, улыбнулись и согласно кивнули в ответ.

Рыбозаводские общежития опустели, студенческий отряд улетел на материк. Штормило. В ожидании, пока успокоятся волны, бригада занималась приборкой базы, подготовкой ловушек и плетением путанок к осеннему промыслу краба. А штиль нам был необходим, чтобы выпрастать из моря ставники. И вот оно — долгожданное солнышко. Залив гладкий, как сине-зелёная, осветлённая фольга, придавленная по краям шершавыми валунами прибрежных сопок.

На моторе подъехали к нашему ставнику, Исихара приглушил двигатель, но выключать не стал. Григорий перегнулся через борт и вытянул уходящий на глубину толстый капроновый фал, надводный конец которого был наглухо привязан к углу садка. Ловко прикрепил его прочной тесёмкой к уключине, кивнул бригадиру. Тот дал полные обороты, лодка рванула, но Виктор тут же сбросил газ и вернулся к ставнику. Мы вчетвером подхватили фал, дружно выбрали из воды сдёрнутый с места якорь и бережно уложили его на дно кунгаса. И тут, будто кто торкнул меня под микитки: а не слабо, мол, мужики, если я руками, без раскачки мотором выдерну все шестнадцать — тьфу, ты! — уже пятнадцать пудовых якорьков из донного ила и песка? А вы мне за это литр водки! Ребята недоверчиво глянули на меня и перевели глаза на отстранённо стоящего Виктора; тот ухмыльнулся и обронил: сам, де, на грыжу напросился... И, перейдя на корму, заглушил мотор. Стало так тихо, что было слышно, как подплёскивает под борт слабая волна и где-то у берега покрикивают неунывающие чайки.

По наплавам вдоль ставника мы перебрались к очередному якорю. Я предложил всем для равновесия отойти к противоположному борту, а сам поймал в воде толстый фал, выбрал слабинку, что позволило мне обмотать им левую руку от локтя и выше. Упёрся каблуками своих бродней в днище кунгаса, подхватил пятернёй правой руки фал у самой воды, подтянул и качнул его несколько раз из стороны в сторону; затем напрягся и рванул на себя, так же резко, как это делает рыбак с удочкой, подсекая невидимую добычу. Лодка качнулась, и я начал выбирать фал, вскоре показался и якорь, со свисающими косматыми водорослями.

— Ну, ты, Ванёк, даёшь! — раздался за моей спиной голос Гриши. — И где тебя только этому научили? Якоря ведь на дне с самого апреля, занесены и утрамбованы песком так, что мама не горюй! Видел, бригадир, какой у нас компаньон? Теперь смело суши мотор!

— А ты не думаешь, Гришаня, что, может быть, случайно у новенького так получилось?

— Сейчас проверим, — я поймал кураж и уже сам страстно желал таскать и таскать эти заиленные якоря из моря. — Поехали к следующему. Уговор остаётся в силе. Решайте, кому за водкой в деревню бежать! А после — я всех угощаю по случаю успешного окончания путины!

За лето, при ежедневной болтанке на кунгасе и в результате бесчисленных переборок сетей и азартной сгонки корюшки и горбуши в садок руки мои стали хваткие и узловатые, пальцы будто железные. Я так подобрался телом, что уже и в редкие приезды в Южно-Сахалинск, в автомобилях мне не было надобности держаться за поручни: стоял, опустив руки, как вкопанный. Оказывается, я обрёл такую морскую устойчивость, что никакие ухабы и колдобины уже не могли меня сбить с ног и уронить на пыльный пол.

Однажды, в середине июня приехали мы в город заполночь. Я с женой и дочуркой жил в угловой комнате коммунальной квартиры на первом этаже. Общая входная дверь была уже заперта, звонка нет, пока достучишься, всех соседей разбудишь. Прошёл я из подъезда к своему окну, а до него не достать, фундамент высокий, надо карабкаться. Во дворе на детской площадке под грибком молодёжь с гитарой. Ну, думаю, сейчас опозорюсь, ползя вверх по кирпичной стене: я ведь и подтягивался-то на турнике последний раз лет двенадцать назад, еще служа в армии. Ухватился за кромку внешнего бетонного подоконника, и — сам не понял, как очутился перед оконной рамой, легко сделав физкультурный силовой выход на руках. На весу, поставив левую ступню на выступ в том месте, где кончается фундамент и начинается кладка, опираясь левой ладонью на прохладную плоскость подоконника, указательным пальцем правой руки тихонько побарабанил по стеклу. Жена, не зажигая света, отёрнула занавеску, кивнула мне и побежала открывать двери.

Словом, прибрежная рыбалка — это такой трудовой санаторий, находясь в котором не только сбрасываешь лишние килограммы, но и, как мне казалось тогда, молодеешь на годы.

— Будьте добры, выберите мне вот эту, эту и вон ту, что выглядывает стылой мордой из корзины. — Я весело указывал пальцем молоденькой симпатичной продавщице на груду мороженой непотрошёной горбуши, что только что из подсобки сюда, в торговый зал, в никелированной объёмистой корзине на колёсиках вывез грузчик. — Вот и ладно. Сколько с меня?

Я вышел из магазина. Забитая ледяной рыбой авоська оттягивала руку, но я был этому только рад: зайдя случайно в продуктовый отдел, я неожиданно-негадано разжился, почти за бесценок, великолепными экземплярами крупных самок горбуши с нетронутой икрой.

Минуло около двух лет после того, как я вернулся с дальневосточного острова в свою материковую алтайскую глубинку. Гласность... Ускорение... Перестройка... Жужжало радио, кричал телевизор. В нашем медвежьем углу перемены обозначились тем, что людям дали возможность возводить отапливаемые дома на дачах и коттеджи на приусадебных участках, да на прилавках магазинов появилось много экзотических для наших мест морепродуктов: гребешков, красной рыбы, кальмаров, реже — осьминогов, трепангов и крабов. С некоторым сожалением отмечу, что больше мне такая неслыханная удача не улыбнулась ни разу, сколько бы я ни бродил по продовольственным магазинам, намётанным глазом выискивая самок с оттянутыми брюшками: свежемороженая горбуша отныне везде лежала выпотрошенная и выскобленная до рёбрышек.

В квартире, пройдя на кухню, я вывалил в раковину содержимое авоськи и подошедшей жене обронил: доставай, мол, пустую двухлитровую банку и готовь соль и острый нож — будем ладить икру крупнозернистую! Оставив жену управляться с рыбой, сам прошёл в зал, сел в кресло и машинально включил цветной телевизор. К моему удивлению, на экране не мелькнуло ни одной опостылевшей говорящей головы, зато во всю его ширину на фоне солнечно-голубого неба поплёскивало синее море. На мгновение сдавило виски, а сердцу в груди стало тесно.

Неужели всё это было со мной?

МЕДВЕЖЬЯ ШКУРА

Происшествие это имело место в середине XX века в горной тайге Западного Алтая. Там, где в мраморных и базальтовых теснинах радужные брызги своенравной Убы до-

---

летают до березовых крон и пихтовых верхушек, а острые, в скалистых зазубринах, пики гор прокалывают такую высоченную синь, что если задерешь голову глянуть на эти неправдоподобные каменные нагромождения, шапку уронишь.

Однажды июньским вечером, в час, когда остывающий воздух кристаллизуется в перламутровые шарики росы и скатывается по зеленым резным листьям к стеблям и корешкам таежного разнотравья, когда раскаленные за день луга и опушки утоляют свою жажду капельками живительной влаги, по едва обозначенной дороге проехал верхом бородастый всадник: Петр Нифантыч Еремеев. Жеребец под ним был рослый, матерый. Ноги высокие, мускулистые, бабки тонкие, ровные, с опушкой понизу, словно выточены искусным мастером; темно-матовые копыта, как стаканы, лопатки мощные, с отливом по короткой шерсти; грудь широкая, в узлах мышц. Масть у коня чалая: седой, в крапинку, окрас, грива и хвост черные.

Обогнув черемуховые заросли, они въехали на просторный луг, усыпанный оранжевыми жарками, среди которых пурпурными островками буйствовало марьино коренья — дикорастущие пионы. Луг напоминал гигантскую подкову, овалом обрамлявшую покатые склоны лесистых гор, задник был подрезан речным плёсом. Посредине луга возвышались рубленый дом-крестовик, добротные дровник, сарай для скота и, чуть в сторонке, ближе к реке, низенькая банька с подслеповатым единственным оконцем и дверцей, подпертой рогулькой. Ограды не наблюдалось никакой, лишь участок у прикрылечья взят жердочками в квадрат, в коем сбоку стоял груботесанный стол со скамьями на две стороны. С противоположного края под легким навесом была видна летняя печь, сложенная из скальника и обмазанная глиной в замесе с конским навозом. Двор был чист, убран травкой-муравкой, крыльцо высокое. Взлаяли собаки, три сибирские лайки, косматые, хвосты крючками, но, признав Петра Нифантыча, радостно завяляли и почетным караулом, одна впереди, поминутно оглядываясь, две по бокам в траве, проводили гостя до коновязи. На крыльцо вышел высокий, с бородой, прикрывающей полгруды, мужик, приветливо махнул Еремееву узловатой пятерней и спустился отворять калитку. Здесь они чинно поручкались.

— Никак, Петро, с новостями к нам, али проведать прибыл?— обратился к гостю хозяин, Савелий Егорыч Антропов.— Конь добрый у тебя, свой али колхозный? Штой-то ране такого я не знавал у наших-то, убинских, ни у кого.

Петр Нифантьич уже расседлал жеребца, развесил сохнуть на жердинку потник, спутал передние ноги коню и набросил тому на морду недоуздок.

— Да в Риддер надобно наведаться, кой-какие бумаги выправить. Выехал из дому опосля обеда, ноне всё одно бы не поспел, конторы уж поди позакрылись, вот я и надумал сделать крюк небольшой да вас с Маланьей навестить, а то с зимы уж не бывал. По зорьке напрямки по ойротской тропе через Крольчатник часам к одиннадцати прибуду в город. А конь мой, он дорогого стоит. Гостинец это и привет из Сибири. От Макара Семеныча.

— Да неужли он жив?! Вот уж не чаял услышать еще об нём. Сказывай толком, не таись, свои, чай.

Здесь нам придется отлистать еще пару десятков годков, ближе к революции и поведать одну злополучную историю. О ней сегодня уже редко кто помнит, даже из таежных старожилов, и времени утекло немало, и прежняя жизнь, обстоятельная, памятливая, давно распалась и погребена под плитами забвения.

На горном Алтае свирепствовала коллективизация. Жили в этих местах преимущественно старообрядцы или, как они сами себя навеличивали: «люди древлего благочестия», народ суровый, где-то даже угрюмый, но работающий, промеж собой дружный и потому не бедный. Шли их пращуры когда-то «встречь солнца», мыслили обрести заповеданное Беловодье, но приглянулись эти потаённые распадки да горные бурные реки, где серебристый хариус взмывает над белопенной стремниной, где в затоках ворочаются пудовые таймени, а в прибрежных камышах и осоке нагуливают добрый жирок метровые щуки. Больно тучными да баскими были в этих местах заливные луга, девственная стояла тайга, разнокалиберный зверь от сохатого, медведя, косули и кабарги до соболя, лисицы и барсука прежде отродясь не видывал человека, дичь непуганая сама в расторопные ручищи влётывала. Трудись да благоденствуй. Обжились люди, расплодились, выросли в тайге на речных развилках и сливах крепкие кержацкие поселения. Сподобились, истово помолясь, возвести и монастырь. Быт, думалось, отладился на века вперед. Однако сначала мировая война повыдёргивала из этого добротного строения главные скрепы — мужиков, да некоторых так и пороняла в чужую землю навеки, следом иродова революция опалила, а тут подоспела и разбойница-коллективизация.

Разъезжала на добрых, конфискованных у справных хозяев, конях чоновская ватага с картавым, в похрустывающей кожанке, человечком во главе, вершила такой правож, после коего разорёнными и перевернутыми оставались не одни лишь улья на точке, а и сами бывшие допрежь завидными поселья и заимки. Вот так однажды они и нагрянули в Стрежную Падь. Все взрослые мужики и парни, верстах в пяти отсюда, метали копны и зароды, страда горячая, не сегодня-завтра польют сеногнойные дожди, надо успевать. Бабы хлопотали во дворах, сосунки здесь же, кто в зыбке в тенечке, кто к мамке за подол уцепился. И вдруг запылила въезжая дорога у поскотины. Через минуту с гиканьем, развесёлые, хмельные, на поселье ворвались комбедовские — риддерская голь и пьянь — активисты. Лихо спешившись, согнали всех баб и ребятишек на центральную поляну, и человечек в пенсне и кожанке в ярких красках обрисовал «темному населению» текущий момент. Человечек еще не округлил свою пламенную речь, а сотоварищи уже приступили со знанием дела к изыманию скопившихся у старообрядцев излишков. Тащили всё, что попадало на глаза, и складывали на подводы. Что не вмещалось, курочили и разбивали на месте. Изъяли прошлогодний засахаренный мёд из кладовок. Из погребов, что нарыты под горой, в тени пихт-вековух, выкатили бочата с солёным тайменем и медвежьим салом, сбили в стадо подвернувшихся коров, телят, овец и ягнят; и богатый обоз с награбленным наладился восвояси. Попутно стеганули плетками толкующую под копытами малышню, а бабы, онемевшие от горя в сторонке, уже свое получили: у некоторых под заплаканными глазами напухали синяки и шишки, сатиновые блузки разорваны, платки и косы растрёпаны — так не хотелось поселянкам расставаться с нажитым.

Только осела обозная пыль, примчались с покоса мужики. Прикрикнув на запричитавших баб, потемневшие ликом, они сноровисто распечатали схорон, разобрали карабины с запасными обоймами и ускакали по тайной тропинке, известной лишь им одним, через хребет, наперерез чоновцам. Укрыв лошадей в ложине, мужики залегли на вереске в скалистых расщелинах и взяли на мушки узкую каменистую горловину дороги в убинском приторе. Ждали недолго. Впустили под нависший утёс и постреляли. Всего один из двенадцати сорвался с обрыва в Убу, пробовал уйти водой, но выплыла лишь обезумевшая лошадь. Мужики изловили выпростанных коней, вывели подводы из притора и вернулись на поселье. Бабы, встречая обоз с возвращенным скарбом и живно-

---

стью, запричитали еще громче. Однако дело сделано, на родовом совете постановили: мужикам уходить окольными тропами в глубь Сибири, на север. Новая власть пощады не дает, да и дюжину, пусть и пропащих, но ими загубленных душ никто не простит. И ушли мужики как в воду канули. А на поселье вскоре нагрянули красные каратели. Уж они поусердствовали: пожгли все, что горело, баб с ребятишками по неполной доказанности и уличённости — концов-то не сыскать — не тронули. Да и что об них руки марасть, к зиме сами перемрут: ни крыши над головой, ни пропитания. Но погорельцев сердобольные люди на глухих отдалённых заимках приняли, отогрели, пособили, чем могли, хотя в ту лихую годину мало кто едал досыта.

Историю эту вслух долго не поминали, но жены ушедших, тайно молясь где-нибудь в укромном уголку, — время-то на дворе чадило атеистическое, безбожное — просили у Спасителя для своих горемычных здоровья и терпенья, да что те успели глянуть в этой жизни на сиротинушек-чад. После кончины вождя, с приходом лысого весельчака вышло будто бы послабление, когда вся та шнуровка, которой сурово была стянута страна, начала вдруг на глазах у изумленного народа гнить и рассыпаться, в сердцах уцелевших постаревших жён и давно уже взрослых сыновей и дочерей затеплились лампадки нечаянной надежды. Скоро выяснилось, что двое из пяти горемык много лет как упокоились в стылой земельке на стыке тундры и таёжного приангарья, один обзавелся новой семьей и о былом не поминает, судьба четвертого безвестна, а вот последний, пятый, помышляет, как бы пробраться домой да повидаться с родиной и поревшей родней. Макар Семеныч — а это именно он — и живёт-то ноне недалече, в Хакасии. Знающему человеку рукой подать. Работает он там вроде бы в леспромхозе, должность распорядительная, связь с тамошними кержаками, нащупав некогда, не пресекает. Саянские старообрядцы преобладают там как охотники-промысловики при заготовках. И образ жизни у них будто бы вольный. К месту молвить, дух древлего благочестия в те годы еще присутствовал в этом упрямом народе: единоверца спрячут-укроют так, что никаким расчекистам не сыскать. Это уж последние духовные вывихи в период победно-самозабвенного шествия советской власти истрепали и разъгорили целостную ткань несгибаемого на протяжении трёх веков людского сообщества. Старцев повыбило неумолимое время и лихолетье, молодежь избаловалась да переметнулась к сладкому и податливому.

— Так, знать, подсобируется Макар Семёныч в родимые палестины, поди ж, и насовсем. Али бегать ишо не пристал, — усмехнулся Савелий Егорыч. — Тогда ить никто и не дознал, што супостатов раскулачных угомонили они. Сторонний-то не увидал, как тех упрятывали. Мертвяков же выловили далеко ниже по Убе, у Чертовой дыры, на шиверах. И лошадок, расседлав, мужики тут же угнали подале. Мы, мальцы, едва ли не до снегов имали коняг тех по таёжным укроминам. Поторкались, помню, риддерские следователи по заимкам, повыпытывали у наших, да што тем скажут немтыри, окромя как «не ведамо» да «тёмен я, батюшка, шибко тёмен».

Коль уж мы помянули Макара Семёныча, так обскажу я тебе, Петруша, што мне некогда покойный тятя поведал. Я только с Отечественной пришел, и мы белковали с ним у Тегерецкого хребта. Там избушка ишо ладная, тёплая, с царских времен, деды рубили умеючи. Да мы там с тобой бывали не раз, она под скалой, в кедраче, на главной ойротской тропе. Ну, слушай. Как-то вечером, освежевав белок и накормив собачек, чаёвничали мы с тятькой у печурки, ты должен её помнить, она в углу от нар, дверца чугунная литая и заслонка особенная, вроде как с вензелями, чудили старики. Помню, тятка поправил тогда эти самые вензеля, усмехнулся с какой-то даже, я скажу, горчинкой ли, чё ли, и молвил: «Да-а, не боялся Бога Макарушка, коль такое откалывал! Знать, трещинка имелась в душе глубокая, корыстолюбив бывал до затемнения разума. Ты же слыхал, Савелушка, да, небось, и сам захватил, как мы в прежние года соседствовали с ойротами, это советская власть переиначила в алтайцев их, а при государях у них всякому роду своё имя наречено было, но ойроты у них слыли за первых. Каждогодно в Карагужиху, в низовья Убы сбирались все на ярмонку. Оно и село-то «Карагужиха» прозвано так занятно: кара — у басурманов — «чёрный», а у нас — гуж, известно што. Так и вышло: гужом на чёрную, тайга там густая, издаля глянешь — черна. Ну, да я отвлекся, пойдем дале. Эти ойроты, тогда не переиначенные, выменивали там шкурки соболей, барсуков, белок, горностаев на порох, заряды, ружья, водку. А путь ихний лежал аккурат мимо заимки, где мы с тобой ноне вечеряем. И хозяйничал в ней завсегда Макарка. Она перешла ему от деда его Евлампия. С путниками, навялившимися на ночёвку, он обходился ласково, угощал вином изрядно. Доверчивые ойроты валились хмельными на нары. Макарка добавлял в печку угарных, вроде сырой осины, поленьев, закрывал заслонку, вот эту самую, с вензелями, выходил во двор и снаружи подпирал дверь толстым кедровым суком. К утру наведы-

---

вался, выносил из избы торока с пушниной, прятал в скалах и отправлялся в деревню с горестной вестью: дескать, покуль я оглядывал капканы да кулёмы в дальних угодьях своих, заночевали на заимке какие-то приبلудные ойроты-нехристи, отыскиали-таки неведомо как мои винные запасы. Да штой-то пожадничали, и с перепою-то заслонку так хлопнули, что здесь и угорели. И сходило ведь эдакое душегубство и лиходейство Макарке с рук. Штучки эти он проворачивал не единожды». Такой вот грех водился за Макаром Семёнычем, Петруша.

— Што ж, Савелий Егорыч, жадность — хворь труднолечимая, — отозвался раздумчиво Петр Нифантьич, — но, видимо, как-то одолел свою напасть Макар Семёныч. Поди ж и смягчился за годы мытарств, а то нешто послал бы мне такой знатный и нечаемый гостинец, как жеребца Чалушку, хотя, ежели глянуть со стороны, и в родне у него ноне ближе меня никто не стоит: сыны, Иван и Тимофей, в войну погибли, а я как-никак родной племяш. По весне через Ермолаевку нашу проезжали верховые, путь держали на Усть-Коксу, к тамошним единоверцам-кержакам, скликнул меня один из них и вручил Чалого и письменную весточку. К осени должен объявиться на родине наш Макар Семеныч. Ты уж покуль помалкивай, дело, оно вроде и не тайное, однако ж, копальщиков ноне, сам ведаешь сколь.

Мужики повечеряли. Маланья постелила гостю в горнице, но Петр Нифантьич, сославшись на ранний и скорый подъем, упросил хозяйку бросить какую ни есть рухлядь на пол в прохладном чуланчике, где бы он, не снимая верхней одежды, мог покомарить часок-другой до алой зорьки. На том и порешили. Маланья приволокла медвежью шкуру, расстелила и ушла к себе, проворчав напоследок, что вот, мол, в кои веки свиделись, а он и отдохнуть по-людски не пожелал.

Проворочался куцую июньскую ноченьку на пахучей медвежьей полсти Петр Нифантьич, а как чуть забрезжило, встал потихоньку и, прихватив в сенцах сапоги, вышел на крыльцо. Обулся, снял с крашеного столбика наборную уздечку и пошагал на луг к жеребцу. Чалый пасса метрах в десяти от коновязи. Еремеев негромко окликнул его. Жеребец вскинул голову, тряхнул гривой и стал смотреть на приближающегося коренастого бородача, но тут же неожиданно взмотнул мордой, и Петр Нифантьич услышал в предутренней тиши, как животное вдруг шумно и с тревогой стало всхрапывать и часто втягивать через подрагивающие ноздри в себя воздух. Мохнатые конские уши прижались к гри-

---

ве. Петр Нифантыч вытянул руки с уздечкой перед собой и, ласково приговаривая: «Ну что ты взволновался, это ж я, твой добрый хозяин», направился по росистой траве к жеребцу. Оставалось метра полтора, когда Чалый вдруг яростно вывернул губы, обнажив ряд ровных продолговатых зубцов, оскалился и, заржав, избоченился и, выбросив передние спутанные ноги в сторону, оказался задом к Еремееву. Можно было подумать, что животное, испугавшись чего-то невидимого, изготовилось к бегству. Однако Чалый, оттолкнувшись от сырой земли задними свободными от пут ногами, вознес свой мускулистый корпус над лугом и обрушил мощное подкованное копыто на Петра Нифантыча. Удар пришелся в грудь. Сердце лопнуло. Меркнувшее сознание Еремеева на долю секунды озарила картина бурой, пованивающей зверем медвежьей шкуры на полу в чулане. И тьма сомкнулась.

Выбежавший на шум Савелий Егорыч увидел жеребца, ошалело загребающего спутанными ногами в сторону от какого-то серого предмета, лежащего среди оранжевых жарков и схожего со сброшенным с телеги кулем картошки. Из-за скалистых зубцов гряды поднималось тихое красное солнце.

Рудный Алтай

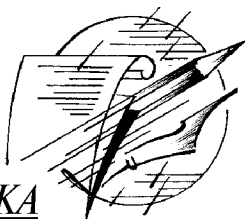

Сергей АМОСОВ,
заслуженный юрист Российской Федерации

ОЧЕРК О КРАСНОМ ДИРЕКТОРЕ

Много чего теперь написано о том, из чего складывалось самое необычное в мировой истории государство — Советская Россия. Вот что сказано на сей счет финансистом, председателем банка «Юнайтед доминион» (Англия) Гиббсоном Джарви в 1932 году:

«Я хочу разъяснить, что я не коммунист и не большевик, я — капиталист и индивидуалист... Россия движется вперед, в то время как много наших заводов бездействует и примерно 3 млн. нашего народа ищут в отчаянии работы. Пятилетку высмеивали и предсказывали ее провал. Но вы можете считать несомненным, что в условиях пятилетнего плана сделано больше, чем намечалось... Во всех промышленных городах, которые я посетил, возникают новые районы, построенные по определенному плану, с широкими улицами, украшенными деревьями и скверами, с домами современного типа, школами, больницами, рабочими клубами и неизбежными детскими яслями и детскими домами, где заботятся о детях работающих матерей... Не пытайтесь недооценивать русских планов и не делайте ошибки, надеясь, что Советское правительство мо-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

жет провалиться... Сегодняшняя Россия — страна с душой и идеалами. Россия — страна изумительной активности. Я верю, что стремления России являются здоровыми... Быть может, самое важное в том, что молодежь и рабочие в России имеют одну вещь, которой, к сожалению, недостает сегодня в капиталистических странах, а именно — надежду».

В этой атмосфере надежды формировались поколения «красных директоров», которым предстояло стать созидателями той сверхдержавы, которая могла по своей мощи противостоять всей западной цивилизации. Они были организаторами производств, руководителями малых и больших производств, производственных объединений и гигантских строек. И достигали они высоких результатов не только своими знаниями и умениями, а и своими неслышимыми характеристиками и величайшей ответственностью за любое порученное им дело.

Жизнь наша сегодня стремительно меняется, на смену «красным директорам» давно пришли управленцы другой формации, но где-то всё еще можно встретить и прежних.

...Совещание в мэрии проходило бурно. Подрядчики, ремонтировавшие школу, требовали оплаты за работу, но директор муниципального учреждения архитектуры и градостроительства Антипин отказался подписать нужные документы — специальные формы, предусмотренные условиями договора. Подрядчики ругались так, словно рушили камни своих построек. Но он упрямо повторял: «Брак не приму пока не переделаете!»

Подрядчики шумели, вскакивали со стульев и делали жесты руками с таким размахом, что, казалось, готовы были выбросить Антипина в окно.

Их отчаянные доводы шли «в три этажа»: первое — они выиграла аукцион мэрии на ремонты, объявив самую низкую цену и должны были вложиться в эти деньги, потому что могли получить только эту сумму, поставленную ими сами. Таков закон. Вот и выкручивались как могли.

Второе — все так делают. Через пару лет, конечно, новый ремонт, но такова жизнь и ее регулятор: закон.

Третье — Антипину пора на пенсию. Нечего ему со своими советскими методами в двадцать первом веке мешать людям жить. Всем поперёк стоит: чиновникам мэрии, строителям, разным контролёрам и вообще... Тем более — нет Антипина Олега Петровича в реестре строителей России. Нет его там. Значит, и делать ему нечего в строительстве, по образованию он инженер-механик.

Ехидничали:

— Предъявите удостоверение СРО, Олег Петрович, потом права качайте.

Антипин отвечал на той же волне.

— Нет у меня таких бумаг и не было. Но халтуру никогда не гнал. У вас такие бумаги есть, а халтуру гоните без всякого стыда. На законы жалуетесь. Я их тоже не одобряю. Вредительские они. С такими законами действительно производству нелегко. Так и не лезьте в стройку, если знаете, что не справитесь. Следующее: я уже двадцать пять лет на пенсии. Мне месяц назад, в июне, восемьдесят пять лет исполнилось и еще один юбилей — семьдесят два года непрерывному моему трудовому стажу. А что инженер-механик, не строитель, так, дорогие вы мои товарищи, — это значення не имеет: я директор. Понимаете — директор. И за свою жизнь был директором трёх заводов, однажды заместителем директора, а объектов разных: от жилых домов до заводских корпусов построил больше, чем вы в своем двадцать первом веке под руководством новых законов. Пенсия — это, конечно хорошо и полезно для схождения в землю. Только в восемьдесят пять лет я сдал нормативы на золотой значок ГТО, причем, для шестидесятилетних. Выполнил все нормативы на «отлично». С необходимым качеством. И так во всем. А вам за работу платить принципиально нельзя. Школа — вы понимаете, что это такое? Табуны детей, и все бегают и прыгают — силы девать некуда. Положили пол на лаги в два раза тоньше, чем положено по нормативу и по проекту. Через два месяца пол не то что закачается, заиграет каждой доской, а к весне проваливаться начнет. Опять ремонт городу, и тут вы снова своей демпинговой ценой аукцион на работу выиграете и в подлянку сыграете — чтоб специально через год на бюджетные деньги дальше вредить. Так на одном объекте кормиться будете, как паразиты, пока всё не высосите и не отвалитесь.

Мэр послушал всех и закончил дебаты:

— Жалуетесь на Олега Петровича — это хорошо, успокаивает; значит, ремонт будет достойным. Делайте, как он сказал!

— Нет на тебя Сталина, саботажник, — не прощаясь, прошипели подрядчики на Антипина.

Олег Петрович смеялся.

— Сталин для вас экзотика, сказка. А для меня — детство и молодость. Жизнь ту руками пощупал, а не только видел. За ваши вредительские дела давно бы уже под расстрел пошли.

Если вспомнить прожитое им, то это может показаться сном, нереальным, невозможным, человеку двадцать первого века, кому мобильный телефон — необходимость, как пить и есть.

Еще до войны у отца с матерью было пятеро детей. Не за лучшей жизнью, за прокормом по сибирским северам петляли. От берегов Лены по рекам — к Енисею. Волоком через три сопки в Нижнюю Тунгуску. Неделями, месяцами двигались на плотах по течению. Жили в балаганах и шалашах среди дремучей тайги. Олегу Петровичу тогда пятый год шёл. Если на географической карте севера Восточной Сибири пунктиром их путь отметить, то от Усть-Кута в Якутск, оттуда в Енисейскую Туру, затем опять на Лену в деревню Якурим.

Отец устроился бакенщиком на Лене, створные знаки ставить и следить за ними. Мастеровитым был, из зажиточной (своим трудом) семьи. Мать сватать на тройке лошадей с лентами и колокольцами приезжал.

На другом берегу против деревни сам с матерью избушку срубил, баню поставил. Земли участок под огород распахали.

Страна твёрдо ставила свою жизнь, словно конопатила добротную избу, закрывала любой обрыв в нормальном существовании людей. На Лену пошел северный завоз, товары, продукты: хлеб, соль, сахар, масло, мука. Остальное в тайге и реке: рыба да зверь.

В школу еще не ходил Олег Петрович, а уже добывал с отцом зайцев и белок. Редко, но бывало и крупное мясо. Рыбы в реке много. Лена река богатая, на каждый заброс добыча.

Бывало, медведи выходили к избушке. Потопчутся вокруг и опять к себе в тайгу.

С десяти своих уже серьезных годков летом, работая на деревенских полях, снопы вязал и возил, другим сельским делом занимался. Через Лену на лодке переплавлялся — и за дела. В деревенскую школу тем же путем добирался. Зимой по льду пешком. В межсезонье дома сидел или в тайге промышлял.

Потом отец исчез. Вчера еще был, а сегодня уже нет его. И всё, навсегда.

Война началась. До сорок второго года еще ничего жили. Северный завоз был, как и раньше. Потом он прекратился. Люди, что добыли, вырастили, то и ели. Мать одна, уже с шестью детьми. В тайге. Голодали. Особенно по весне. Двое младших детишек с голода умерли. Летом кое-как на рыбе держались. Белку промышлял. По осени белки в той тайге не пуганые в стаи собьются, сидят на деревьях, как воробьи на ветках, ждут погоды, чтоб через реку перебраться в другой

кедрач. По тихой воде тучей прыгают и плывут. Лишь бы хвост не замочить. Намокнет хвост — всё, белка тонет. Хлеба не видели два года.

Сразу после войны перебрались в город Киренск. Пятнадцать тысяч жителей. После одиночества на реке бурная человеческая жизнь. Мать устроилась уборщицей в ремесленное училище, но в сорок девятом году умерла — полный упадок сил.

Оставшихся малолеток вытягивала старшая сестра Луиза.

Олег Петрович с четырнадцати лет сам себя обеспечивал, работал на судоремонтном заводе и одновременно учился в том самом ремесленном, где уборщицей была мать. Три дня учебы, три дня работы. Ремеслуха тогда — это как сейчас колледж. Да еще бесплатная форма. Чудо была форма — с флотской тельняшкой: особый шик, а среди пацанов высокий статус.

В армии служил бортмехаником на Ли-2.

В войну в школе не учился, два года пропустил, а когда в Киренск перебрались, сразу в седьмой класс пошел. Ничего, всё нормально выходило. Когда демобилизовался, уже в вечерней школе десятилетку закончил.

Боевой был парень Олег Петрович, таким на всю жизнь остался. Боксом занимался и, само собой, лыжами — снег на Севере чуть не весь год. В Киренске среди ребят тихих не водилось. Так что свое место в том обществе приходилось кулаками отвоевывать.

Будущую жену Галину тоже в рукопашных схватках отбивал. Она в педучилище училась. Сама из другого поселка, жила у тетки. Та ее матери писала: «Галя с бандитом встречается, того гляди, посадят скоро. Приезжай».

Всё было: и драки, и синяки. И другим от него доставалось. Но по-доброму озорничал молодой Олег Петрович, без злобы, а от кипения сил внутри. Так что всё миром прошло.

Когда поженились, переехали в поселок Мама на реке Витим, судоходном притоке Лены. Это и есть знаменитая Угрюм-река. Вокруг ни дорог, ни деревень — тайга без края, и доньне остались места, где еще не ходил человек.

Работать стал Олег Петрович на подсобном сельхозпредприятии: пахал, сеял, урожай собирал, картошка чудом вызревала. Если зимой холода до минус пятидесяти пяти, то кратким летом жара почти до сорока. Всё необыкновенное: климат, растения, медвежья тайга и, конечно же, люди. Чьи они потомки? Варнаков, лихих людей, просто искателей воли? Не свободы, а именно воли. Наверное, и тех и других.

От такого позыва предков, «яростных и непохожих», «презревших уют», он шел по жизни уже современным путем: учиться, не стоять на месте. Поступил в Институт на факультет механики. Заочно. Жена Галина — тоже заочно, в пединститут.

В 1959-м приехали еще третьекурсниками в город Шелехов рядом с Иркутском на строительство огромного алюминиевого завода. Молодой город, но своим именем связанный с тысячелетним Рыльском, родиной великого гражданина России Григория Шелехова. Многие ли знают, что похоронен он в ограде Знаменского монастыря в Иркутске? А на памятнике выбита эпитафия Гаврилы Державина: «Колумб здесь Росский погребен, открыл он берега безвестны, а ныне путь направил свой в Океан небесный».

Восточная Сибирь была в те времена объята строительным пламенем. Иркутская, Братская, Усть-Илимская гидростанции ваялись в немыслимо глухой тайге с невероятным, а главное искренным моральным подъемом людей Союза, которым своя Родина была милее любого райского уголка земли.

Компактный невеликий Шелехов был достойно нанизан на общую струну грандиозных строек. На всю жизнь с ним связал свою судьбу Олег Антипин.

Город возводился как обрамление Алюминиевого завода. На пустынное место, междуречье Иркуты и Олхи первым высадился десант орловских комсомольцев. И жилье у них тогда тоже было десантным — брезентовые палатки. Романтика: днем труд, а по вечерам костер на поляне и танцы под любую музыку: хоть под баян, хоть под патефон, хоть под гитару.

Молодой народ слетался на Сибирские стройки в поисках счастливых, новых для себя гнезд, как когда-то на студенкой Лене сбивались в стаи белки в поисках лучшего кедрача. И специалисты всяких рабочих профессий, и новички. Потому прием был разборчивым. Всех было в избытке. Учителей тоже.

Олег Петрович действовал стратегически: сначала жене работу в школе, потом сам устроился. В школу на прием к директору пришли вдвоем. Он решительно зашел один и заявил, что прибыл учитель начальных классов. Увидев парня, директор заулыбался: нужны, давай, проходи. Но Олег Петрович открыл дверь пошире:

— Заходи, Галя!

Директор девушку увидел и такому варианту не обрадовался. Руками отмахнулся:

— Нет, не нужны!

Олег Петрович на улице дождался конца рабочего дня. Директор уже по темну вышел. Он его схватит за грудки, потряс хорошенько.

— Меня берешь, а ее не берешь!

Галю учителем взяли.

Сам устраивался на работу тоже с приключениями. Еще механический факультет института не закончил, поэтому претендовал на рабочие специальности, на алюминиевый завод в ремонтно-механических цех.

— Нам рабочие нужны, — сказал начальник цеха.

— Я рабочий: токарь-фрезеровщик, сварщик, слесарь — всё третьего разряда.

— Нам пятые, шестые разряды нужны, дело ответственное. Не возьму, — как отрезал начальник.

Олег Петрович руки не опустил. К директору завода пошел. На прием не попал, к главному механику допустили. Решительно требовал:

— Рабочего не берете! Почему?

Тот слушал. Потом позвонил начальнику цеха.

— Ты этого парня возьми, не ерепенься. Придет время, он тебя сменил.

Начальник цеха сдавался по-своему достойно:

— Бери метлу, цех подметать будешь, такелажником, грузчиком то есть тоже побегаешь.

Долго Олег Петрович стружки за токарями подметал, пока в институте учился. Свободного времени не было. Вечерами в Школе работающей молодежи — черчение преподавал, в техникуме вёл курс «металловедение».

Нет уже сейчас в городе Шелехове ни вечёрки, ни техникума. Кажется, и не нужны они в двадцать первом веке, а всё же потерялась романтика, возможность любому — только захоти — и школу окончить, и специальности научиться. Причем бесплатно.

Завод рос, цех расширялся. Кончилась карьера метельщика — бригаду дали. А потом мастером назначили. Особый был мастер Олег Петрович — лыжным ходом в цех на смену приходил. После смены опять на лыжах, уже домой. Три километра в один конец.

Время то особенное, кто помнит — подтвердит. Рабочий класс, пролетарии строги, требовательны были, все с достоинством. Мастер — это первый отрыв от них к начальству. Все претензии к нему. Могли рабочие и за шиворот потрясти, если негодящий попадался. А Антипина уважали. Каждому рабочему он был и отец, и начальник, и товарищ.

Все, что происходит в жизни: наука, стройка, производство — это не движение механизмов, а результат взаимодействия людей. Если такое движение происходит как по естеству, плавно, одно сменяет другое и ничего не горит, не мешается, а вырастает, преобразуется по нужному, ожидаемому пути, то содейтели такого процесса живут счастливо, в единении между собой.

Сбылось предсказание главного инженера, стал Олег Петрович начальником Ремонтно-механического цеха, а потом и заместителем директора всего завода.

Служебный лифт для способного спеца, профессионала всегда быстрее, чем для других ходит. Раньше, когда еще из тайги только вышел, да сам себя по жизни двигал, любые служебные двери неприступными казались. А вот уже и доступны, открываются легко, да еще и заывают в них.

В какой-то день пригласил Олега Петровича первый секретарь обкома КПСС Ситников на беседу. Фактически главный в области. Всё решает, правда, за всё и отвечает. Его работа, чтобы в области всех как надо учили как надо, лечили, чтобы заводы дышали и продукцию выдавали, стройки росли, а люди были в тепле и сытые.

Разговор начал конкретный. Получайте, Олег Петрович Антипин, назначение — директором Свирского Аккумуляторного завода. В трудном положении завод. Производство разбалансировано, коллективу плохо, зарплата вниз идет. Заводская ТЭЦ еще и город должна отапливать, но поизносилась вся, едва дышит, не до тепла.

В общем, поднимать производство нужно немедленно. Предприятие союзного значения, на оборону страны работает!

Олег Петрович отказался. Но те времена другие были. Первый секретарь обкома партии только улыбнулся.

— Это вам не подарок, не повышение по службе, а партийное поручение коммунисту Антипину. И никаких разговоров: когда партия говорит «надо» — отвечайте одним словом: «есть!»

— Что ж, — ответил Олег Петрович, — только три условия у меня: первое — по деловым вопросам в Москве должен принимать министр. По промежуточным кабинетам любой вопрос заматают, пока на решение выйдешь. Головное снабжение. Наряды получать в Главснабе — на металл и комплектующие. Свободы торговли-то нет. Социализм. Второе — когда дела поправлю, в Шелехов вернете, сроднился уже я с этим городом. Третье — квартиру в Шелехове оставьте. На этот случай.

Принял все условия Ситников. Приехал Олег Петрович в Свирск, осмотрел завод и город. Замерзали. На ТЭЦ срочно требовалось менять котлы.

На заводе жизнь явно была без хорошего хозяина. На складе — серебра в «чушках» тонн пять, а двери замочком крохотным прихвачены, руками сорвать можно. Станки стоят как побитые. Основная продукция — аккумуляторы для морского подводного флота. Два оборонных цеха полностью стояли. Производство такое, что если температура на один градус упадет, то всё. Изделие получится как от диверсантов. Полковники надзирали. Чуть отклонение от температуры — сразу команда «Стоп!» Температура при изготовке должна быть абсолютно точной, иначе брак. А где ее взять, точную, если ТЭЦ как в лихорадке — то озноб, то полное обледенение.

Поехал в Москву, к союзному министру и получил сто тысяч рублей на ликвидацию прорыва. По тем временам огромные деньги, для маневра. На ремонт ТЭЦ нашел бригаду в тресте «Энергоремонт», договорился с директором. Подружились потом на всю жизнь.

Ремонтникам платил сразу наличными. Дело двинулось. Вечером поручал им конкретное задание и договаривался о сумме оплаты. Утром по факту — деньги в руки. В своей бухгалтерии получал их в подотчет, выдавал рабочим под роспись. Потом сам отчитывался.

Но тепло требовалось не просто сейчас — сию минуту. Нашел и здесь выход. Вернее, заход — к военным. Тоже не просто договориться, слова нужные найти надо. Но теперь он сам — «оборонка». Проложили рельсовый путь, подогнали энергопоезд, запустили тепло, и ожил завод, а с ним и город.

Не каждый директор найдет в себе силы оторваться от производственной суеты, вокруг себя оглянуться: как там люди живут, нет ли и для них какой от себя заботы.

Не зря на метле трудился Олег Петрович когда-то. Объявил пятницу днем метлы. В традицию вошло. Вычистили и завод, и город. И еще одно достижение, подарок заводчанам. Выхлопотал в Совмине прибавку к зарплате — районному коэффициенту для них на десять процентов. А это — реально знаковое дело для рабочего класса.

Но к успеху и славе подняться непросто, рядом идущие и поприветствовать могут. Директор завода хоть успешный, а из общего строя для местного начальства не выходит. Пригласили на заседание райисполкома обсуждать сельское хозяйство. Отправил заместителя Олег Петрович. А из исполкома звонят — не начнем заседать, пока сам директор не приедет. Неуважение активу района выказывает. Зазнался. Требуют.

Поехал. Зашел в зал. Выслушал начет председателя, не перебивал, молчал. Когда тот грозными словами иссяк, сказал:

— Я инженер-механик. День и ночь на заводе, сплю там. Вы сельское хозяйство обсуждаете. Мой зам по таким вопросам более компетентен. Ему здесь присутствовать — пользы больше всем. Ушел. Возмутились. Правда, не ясно, почему.

На бюро райкома партии вызвали. Готовили выговор по партийной линии. За нарушение партдисциплины. А это уже серьезно. Печать негатива в личное дело.

Первый секретарь обрушил на него критику и обозначил цену пренебрежения партийной дисциплины. Вроде как выговор — это лишь начало, дальше с директорства слететь можно.

Но люди поддержали. Коммунисты. Начальник Угольного разреза горячо выступил. Говорил: город оценил Антипина, а мы ему по рукам бить. Отпустили.

Потом, когда завод уже заработал как хорошие часы, возил районных начальников по цехам и не только. Базу отдыха рабочих показал: какая она комфортная да удобная. Ну и подсобное сельское хозяйство, которое без всяких начетов и указаний было создано и на благо людей запущено.

Спустя годы, уже в разруху, когда засыпала страну ваучерная мишура и когда уже на другом месте трудился Антипин, приезжала к нему депутация Свирского завода. Торжественно, уважительно. Простой народ, потерявший веру в головную власть, просил Олега Петровича снова вернуться в Свирск, возглавить завод, все свои ваучеры ему предлагали. Чемодан полный. Прощения в областную власть писали.

Но это в будущем, еще не видимом тогда. На рубеже восьмидесятых — опять вызов в обком партии к первому секретарю. Тот напомнил три условия Антипина при назначении в Свирск:

— Два выполнены: с министром личное общение, квартира в Шелехове сохранена, теперь возвращаем тебя обратно. Но не в Шелехов, а в Иркутск. Разница между ними восемнадцать километров. Рядом. По программе стратегической оборонной инициативы должны быть построены в стране пять особых военных заводов. Один в Иркутске, единственный в России, остальные четыре в союзных республиках. Надо понять, Олег Петрович, значение такого дела. Вы возглавите завод измерительной аппаратуры — условно «Измера».

Оборонное предприятие — в ответ на самые последние угрозы американцев ударить по Союзу из космоса. Объект значимый, в первой десятке для обеспечения безопасности страны. Его директор в особой, самой номенклатурной кадровой обойме.

Надо представить себе движение человека по времени и пространству, доставившее добытчика зайцев и белок с берегов суровой, пустынной Лены на самый верх индустрии. Годового пацаненка, два года не видевшего хлеба и с тринадцати лет уже познавшего настоящий физический труд, имевшего трудовую книжку с этих лет, — в когорту самых необходимых стране управленцев. В литавры никто не бил. Это атака требует шума, оборона — тишины. Американцы на весь мир звенели о своем космическом оружии, Советский Союз всё делал молча.

Завод проектировали три засекреченных института, он должен был иметь десять цехов-корпусов и пятнадцать тысяч человек рабочих и специалистов. По профилю изделий — всех самой высокой квалификации. Важность объекта подчеркивала тесная кооперация, в том числе с ведущим Иркутским заводом «Эталон». Для нужного взаимодействия Олег Петрович Антипин назначался еще и заместителем директора того завода. Ради дела приходилось сидеть на двух стульях.

На просторной площадке — 40 гектаров в одном месте, 10 в другом — в 1986 году началось строительство завода «Измера». С новым подходом. В первую очередь возводились жилые дома, в самом городе, не на окраинах. Всего было построено пять пятиэтажек. Принятым на работу директор Антипин сразу вручал ключи от квартир. Только себе там жилья не приспособил.

Быстро возвели здание заводоуправления — штаб всей стройки, большой каркасный модуль, где разместился свой механический цех.

Деньги были, Москва выделяла достаточно. Но на местном уровне никак не могли решить: а кто будет строить, собственно, завод. Подрядчик не назначался. Это сейчас объявляя на живые деньги аукцион или конкурс — отбоя не будет. Подрядчика должна была назначить область. А нужного решения не принималось.

Стройка жилья идет. Заводоуправление готово. Мехмодуль запускается...

Пять лет возвращал Антипин неосвоенные финансы в бюджет страны...

Грянули девяностые годы: лицемерное миролюбие Запада, беспечная конверсия... Потом распался Советский Союз...

Завод «Измера» стал ненужным стране — со своим директором и группой управленцев высокой квалификации.

Провели неслыханную приватизацию: разбили стоимость всего построенного, без жилых домов, правда, на какое-то

число акций. Завод стал не государственным, а их, всех вместе, новых хозяев. Делай, что хочешь. Или продай, если купят. В новой стране его уже ни в одном реестре не было.

Кто остался, старались действовать, кидаясь в самые невиданные проекты. Организовали пошив чехлов для легковых автомашин, каких развелось видимо-невидимо, в основном иномарок. Тринадцатилетняя внучка директора тоже строчила на швейной машинке чехлы. Как и он, с такого же возраста получила свою трудовую книжку.

Владельцы акций завода «Измера» от полной безысходности продавали их за бесценок, а кто-то умный, сохранивший купеческие гены, скупал. Скоро таким волшебным образом директор остался без завода, который строил, вкладывая все силы и душу.

Вышел Олег Петрович Антипин из номенклатуры Союза. А новая страна ничего не строила. Разруха была такая, что в некоторых местах люди голодали и питались комбикормом. Как в войну.

Выручил город Шелехов, тот, с которым породнился еще в 1959 году. В городе стоял недостроенным молочный завод. Стать его директором предложили Олегу Петровичу. Завода, которого еще не было. Надо было оживить мертвый металл недостроя. Трубы и патрубки, швеллеры и листовое железо — всё, переплетенное в фантастические застывшие конструкции. Главное: найти людей, способных соблазниться на, кажется, безнадежное дело, но такое благое и нужное жителям любимого города Шелехова.

Олег Петрович говорит о том времени просто. Всё на заводе было брошено. Опять, как в Свирске, требовалось подвести тепло, энергию и делать монтаж. Ничего сложного, только взяться за дело и день и ночь жить производством. Вот и все секреты успеха!

Олег Петрович жил по особому распорядку. Пришел домой, мог лечь спать и в восемь вечера, и в десять, проснуться в три или четыре часа ночи и немедленно пойти на завод. Благо, недалеко от его дома, и заниматься делом ночной смены, а потом встречать рано утром уже дневную и разбираться с ней. И в таком ритме изо дня в день без выходных.

Когда завершили реконструкцию, на пуск первого молока приехал губернатор области, собрались все причастные к этому маленькому чуду — заводу под ключ в новое время. Одному из предвестников возвращения к жизни огромной страны.

Все пробовали свежее Шелеховское молоко. Было шампанское и приветственные речи. Наверное, главным для гос-

---

тей и хозяев всё же стало осознание способности всех нас вместе и каждого в отдельности сохранить свою Россию. Когда нельзя опускать руки, впадать в уныние.

Шелехов город промышленный, своего сельского хозяйства нет. Поэтому молоко требовалось приобретать в селах юга Иркутской области — в местах прежних колхозов и совхозов.

Олег Петрович умел общаться с людьми любого ранга: от министра и губернатора до пастуха и скотника. Это было главным качеством его работы. Слова «он хороший организатор» означают умение налаживать деловые отношения с любым хозяйством и человеком, с любой структурой и службой.

Шелеховский молочный завод быстро освоил городской рынок. В ассортимент производства входила вся линейка молочного товара: от кефира до сметаны, творога и мороженого. А вскоре появился свой кулинарный цех — торты и пирожные. В городе открылись свои торговые точки. Молочко пошло в больницы, школы и детские сады по мизерным ценам.

Фермы давали молоко на реализацию. Этого непросто добиться. Но Олег Петрович смог! Сидел часами с хозяевами ферм, разговаривали обо всем: и о жизни, и о политике. Бывало и выпивали. Тогда гостя провожали по-сибирски, с размахом. Выпивали «на дорожку» в честь дорогого гостя. И долго провожали...

Но рынок брал свое. Конкуренция, по простодушному мышлению, якобы делает товар дешевле, а качество лучше. Но это далеко не так. Чаше всего идет уничтожение соперника.

Так случилось и с молочным заводом. Шелеховцы брали молоко от ферм на реализацию, а конкурент через перекупщика стал покупать за наличные деньги. Это сразу закрыло для них источники сырья. Пришлось брать молоко у посредников, а те медленно, но плавно поднимали цену, и Шелеховский молокозавод впал в нужду. Настало время, когда производство встало и больше уже не поднялось. Кредиторы забрали его за долги, оборудование вывезли. В цехах и на территории теперь другая суета — без пользы для жителей города, но с доходностью для организаторов этой суеты.

Олег Петрович Антипин перестал быть директором.

Потом была работа в строительной организации управлением. В свои семьдесят шесть лет стал техническим заказчиком возводимого в центре Иркутска, на улице Чкалова, здания Федерального арбитражного суда Восточно-Сибирского округа. Сегодня оно хорошо смотрится при въезде в город со стороны старого Ангарского моста. Организовал эту

стройку, пройдя через препоны бюрократии и ретроградства, бывший ученик слесаря, а потом фрезеровщик того самого Ремонтно-механического цеха Алюминиевого завода, где Олег Петрович был когда-то мастером.

Эта стройка завершилась успешно. Здание суда хоть внутри, хоть снаружи достойно украшает старинный сибирский город, когда-то центр всей Восточной Сибири от Енисея до Аляски. Восемьдесят лет исполнилось Олегу Петровичу Антипину. Но думал он о новой работе. Последнее место — Муниципальное унитарное учреждение архитектуры и градостроительства, инженер. Задача — надзор за ремонтом дорог, домов, школ, других объектов, за работами подрядных организаций.

Режим жизни красного директора Антипина: подъем в пять часов утра, уход за женой. Болеет Галина тяжело, и лучше любой сиделки он знает, как ее нужно обиходить, чем накормить и спать уложить.

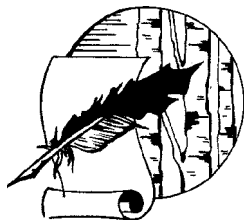
Зарядка. Настоящая, не для вида, а с отработкой на боксерской груше, спарринг с тенью. Зимой лыжные пробежки. По пятницам — день чистоты, придуманный в Свирске, баня.

Физическая форма такая, что когда сдавал нормы ГТО, отжимаясь от пола, спрашивал: сколько нужно — мог пружинить еще.

И вновь был назначен директором этого муниципального учреждения. В последнюю неделю прошедшего года на совещании по итогам работы получил Олег Петрович Почетную грамоту мэра города, а в первую неделю нового года был уже освобожден от должности и вновь возвращен в инженеры. Почему — неизвестно ему самому. Но сама процедура отставки дает повод к догадкам.

Но главное — все равно при делах, хоть и не совсем вписывается он в так называемые рыночные отношения. А как работать — его учить не надо.

Так и живет на свете этот небольшого роста, но большой человек. Бессеребренник. За все свои директорские службы не накопивший ни богатств, ни больших денег, ни имущества. Накопил только семьдесят два года непрерывного трудового стажа и восемьдесят пять лет жизни.

СТИХИ ЯРОСЛАВСКИХ ПОЭТОВ

Владимир СЕРОВ

Родился и живёт в Ярославле. Член Союза писателей России. Автор книг: «Даль моих полей», «Зимующая птица», «Я вновь вернусь под звезды эти...»

НЕОКОНЧЕННОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

Изотову О.В.

У смерти нет понятия — отсрочка.
Оставлен дом, оставлены дела...
Осталась память и осталась строчка —
«Художники рисуют купола...»

Настигла-таки «призрачная дама»!
Звонит звонарь во все колокола.
За кость дерутся слуги Тьмы и Хама.
Художники рисуют купола.

Из всех примет — нет значимей приметы.
Не всё в Отчизне выжжено дотла!
Любимым посвящаются сонеты.
Художники рисуют купола.

Ушёл поэт. Ушёл... И нас когда-то
Вдруг перестанут видеть зеркала.
Горит на храме солнечное злато.
Художники рисуют купола.

БАБОЧКИ

Как эльфы, как листья заката,
В волшебный опавшие срок,
Они «уплывают» куда-то,
Порхая с цветка на цветок.

Пожалуй, их пращурь были
Куда как мудрее моих,
Поскольку они окрылили
Далёких потомков своих.

Дано им не так уж и мало.
Но прежде, чем стали летать,
И ели они что попало,
И ползали слизням под стать.

Как тесно сплелись корни жизней,
Во всём я себя узнаю —
И ползаю, этаким, слизнем,
И ем что попало, и пью.

Ничто не воздастся задаром.
И плата сегодня вдвойне
За каждую каплю нектара,
Что будет отпущена мне.

Надеюсь, идёт всё по плану,
И в точно назначенный срок
Я лёгкою бабочкой стану,
Летающей на жаркий цветок.

* * *

То нищие грабят богатых,
То в точности — наоборот.
То эти кругом виноваты,
То каяться тем свой черёд.

Собратья безбожной державы,
Лихая братва во Христе.
Ни те и ни эти не правы.
Неправы ни эти, ни те.

И, если когда-нибудь, третьи
В извечный вдруг ввяжутся спор,

То будут не правы и эти.
И кончим на том разговор.

Есть дело куда поважнее,
Чем мерить чужую вину —
Подняться с земли и над нею
Измерить свою вышину.

Пока моё солнце не село,
Я должен набрать высоту —
До края мечты, до предела
И камнем упасть за черту.

* * *

Пройдя по небу бороздою,
Звездой взорвался фейерверк.
И неземною красотой
Толпу зевак в восторг поверг.

Опять хлопок. И вновь под визги,
Прервав короткий свой полёт,
Ещё одна звезда на брызги
Разбилась о небесный свод.

Забава. Денежки на ветер.
Пустяк. Быть может, и пустяк.
Но где ещё, когда на свете
Мы восхищаться будем так?

Чему ещё под небом этим,
Забыв о распрях и нужде,
Мы будем рады, словно дети?
Каким огням, какой звезде?

И, как бы на людей в обиде,
Мрачнеет небо и опять
Приходит время ненавидеть,
Завидовать. И проклинать.

ПЕРЕЛЁТНЫЕ ДУШИ

Мы — души перелётные.
Мы — птицы,

Уставшие в космическом пути.
Нам повезло,
Что есть где приземлиться,
Чтоб, хоть немного, дух перевести.

Где можно сбросить звёздными ветрами
Потрёпанные крылья
И забыть,
Хотя б на миг о том, что было с нами
И то, чему ещё не время быть.

Мы улетим в свой срок
К прозрачным звёздам
На новых крыльях сквозь густую тьму.
Ну а пока вьём вековые гнёзда,
Которые нам вовсе ни к чему.

* * *

В подсвечниках по всем углам
Коптит сырая тьма.
В себе самом я строил храм,
Но вышла вновь тюрьма.

И нет ошибок в чертеже,
Но всё — один итог,
И я, в который раз уже,
Воздвиг в себе острог.

А проще бы — построить дом
И, напиваясь в хлам,
Закатывать пирушки в нём!
Но я задумал храм.

Что выйдет — то другой вопрос.
Грань меж миров тонка
И говорить о ней всерьёз
Не стоит. А пока...

Ну а пока, который год,
В себе хрустальный храм
Я строю ночи напролёт
И рушу по утрам.

Лариса ЖЕЛЕНИС

Желенис Лариса Эдуардовна родилась в г. Дебальцево Донецкой области. Окончила Литинститут им. Горького. Автор трёх поэтических сборников. Печаталась в журналах «Литературная учеба», «Крым», «Луч», «Полярная звезда», в «Петербургской газете». Член Союза писателей России. Живет в Ярославле.

СЛЕД

Пусть отдалился самый близкий —
Всё так же солнышко встаёт...
И в путь свой верит в сильной выси
Плывущий тихо самолёт,
Где след вскипает пеной белой,
А после тает без следа...
Зачем пытаюсь неумело
Оставить что-то навсегда:
Запечатлеть в большом пространстве
На хрупком жизненном пути
Кипящее непостоянство
Всего, что в силах расцвести?
Перетекающее время
От нашего небытия
В банальность вечной теоремы,
В которой *ты, она* и *я*,
Зимы холодные шептанья
И радость — вдруг, наперекор,
От были к небыли метанья,
Спокойный счастью приговор...
Но славлю белое кипенье
В садах, когда царит весна,
Неповторимые мгновенья,
Когда душа обнажена!

* * *

В яркой майской сини
Облаков прохлада...
Я могу быть сильной,
Но сейчас — не надо.

Где-то в небе прочерк
Вместо нашей встречи...
Не умеем — проще,
Не умеем — легче.

У черёмух ветки
Обломали в мае...
Эх, прожить свой век бы,
Горести не зная!

ПОЗДНЕЙ ОСЕНЬЮ

Я как будто ослепла — не вижу
Ни вечерней дороги во мгле,
Ни дождя, ни упавшего ниже
Неба, скомканного по земле

Одеялами жёлтыми листьев...
Почему я не вижу, куда
Уплывают, как птицы по выси,
Перелётные наши года?

Через юность, от зрелости к детству
Эти птицы на память маршрут
Знают свой, и сжимается сердце
От прощальных осенних минут.

СЧАСТЬЕ

Я поймаю желанье в ладошку
И монетой его запущу —
Пусть вперёд побежит по дорожке,
Я попозже его отыщу.
Я забуду, чего так хотелось
В суете бесконечных забот.
Но такую лучистую спелость
Мне однажды подарит восход,
Что стеклянное небо — на части!
И от вербы так ярки кусты...
Я пойму, что нашла своё счастье —
Мне так просто вернул его ты!

Сергей ХОМУТОВ

Родился в 1950 году и всю жизнь прожил в г. Рыбинске Ярославской обл. Выпустил более 30 книг стихов и прозы в Москве, Ярославле, Рыбинске. Печатался во многих журналах, коллективных сборниках, альманахах, антологиях. Лауреат нескольких российских и международных литературных премий, заслуженный работник культуры РФ, член Союза писателей России.

* * *

Послевоенных лет скупые всходы,
Мы встали, всем ненастьям вопреки,
Но зрелость наша выпала на годы,
Когда страна распалась на куски.

Казалось, что последнею надеждой
Земля уже устала нас держать,
Но ощущал я — воздух тоже держит,
Пока еще ты можешь им дышать.

У каждого своя судьба и мера,
Своя на поколении печать.
Пока мы живы, не иссякнет вера,
Нам есть и помнить что, и завещать.

* * *

Мир не делится на мертвых и живых,
А на тех, кого мы помним, и забытых —
Пусть к другому ты обыденно привык,
Да не всё так явно в истинах избитых.

Друг давно уже за вечною чертой,
Но по-прежнему сидит со мною рядом,
Не затертый никакою суетой,
Не сокрытый за кладбищенским обрядом.

Что про маму говорить и про отца,
Даже дед припоминается так часто
На ступенечках заволжского крыльца,
В жизни, полной светоносного участия.

Неужели я способен отлюбить?!
Всё останется, на всё достанет силы.
Не забыть бы, не забыть бы...
Холодны в остывшей памяти могилы.

---

* * *

Остаток деревеньки, что уже
Заброшена, как многое в округе,
Что может породить в твоей душе, —
Среди полей, не грезящих о плуге?
Минувший век без роковых прикрас
Печален, и о том нелепы споры.
Я мимо прохожу не в первый раз:
Колодец сгнил, повалены заборы.
Ни кошек не осталось, ни собак,
Не повстречаешь грибника на тропке...
А помнится, что было всё не так,
Да мысли о былом сегодня робки.
Какой тут может возродиться лад, —
Хоть уповай на жизнь, хоть пой частушки,
Лишь обожжет подковы ржавой взгляд
С крыльца полуразрушенной избушки.

* * *

Немало довелось увидеть,
Познать не в сводках, новостях...
Чтоб свой народ возненавидеть,
Постой в родных очередях.
И раньше было не до скуки
В колбасных и других местах.
То время не припомнят внуки —
Лишь у старушек на устах.
Ничто не изменилось в жизни,
И все-таки заметней злость
В понурых сборищах Отчизны,
Где столько всякого сошлось.
Но если приглядишься лучше —
Вокруг такие же, как ты,
И в каждом состраданья лучик
Среди нависшей темноты.
И вот заводишь разговоры
И делишь тяготы на всех,
И отступают свары-споры,
А злоба переходит в смех.
Пусть что-то постоянно гложет —
Мир хоть и грешный, но живой...
Постой в очередях. Быть может,
Здесь ты народ полюбишь свой.

---

* * *

Сколь в собственном довольстве ни кружись,
Едва ли всё, как думаешь, уладишь:
Не хочешь болью заплатить за жизнь —
Ты за нее бесплодием заплатишь.

Боль — не случайность, в ней заключена
Та проба — сбылся или же не сбылся.
Хотя порою нисходил до дна,
Да всё-таки ко дну не прилепился.

В себе свои грехи перемолов,
Дневные свары и ночные ломки,
Испробовав «надежность» всех углов,
Лоб не разбил, хоть и не стлал соломки.

По чьей-то или собственной вине
Пропасть бы мог, да всё ж не стигнул где-то.
И даже если заплатил вдвойне,
Не вздумай сдачу требовать за это.

Валерий ГОЛИКОВ

Родился в 1946 году. Автор четырёх поэтических сборников. Член Союза писателей России. Живёт в городе Гаврилов-Ям Ярославской области.

* * *

Наше детство за лесочком,
Где раскинулось платочком озерцо,
Где ромашки, что медали,
Где березовые дали,
Где скрипучее родимое крыльцо.

Наше детство — за пригорком,
Где черемух запах горький,
Где тревожат сон на зорьке петухи.
Где пахучи и румяны
Земляничные поляны,
Где рассвет рожком встречают пастухи.

Наше детство — за годами,
За пропавшими следами,

За судьбою, что покрыта сединой.
В нас останутся навеки
Все луга, пригорки, реки,
Берег детства,
Вечно юный и родной.

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

Я от русской деревни
Взял здоровье и силы
Не растили меня
На пшеничных хлебах.
Мне сухие мозоли
Оставили вилы,
А душа, как и прежде,
С молоком на губах.

Память спрятала детство
В тайном ларчике сердца:
Скрип березовой люльки,
Брат и я — голыши
В окружение игрушек
Деревенских умельцев...
Огонек у божницы,
Шелест прялки в тиши,

Кружевные подзоры
На железных кроватях,
Расписные клеенки
В лебедях на стене.
Зреет лук золотой
На уютных полатях
И сопит самовар
Словно бабка во сне.

Наш домишко был старым,
Под соломенной крышей,
В будни тих и просторен,
А по праздникам — мал.
Я рыдал, когда дед
С местным плотником Гришей,
Этот старенький дом
Вместе с детством сломал.

---

* * *

Помню бабушкины речи...
Я сижу у теплой печи.
Зимний поздний вечерок.
Прялки тихий говорок.
Из кудельки нитка вьется,
В трехлинейке пламя бьется
Ноет муха, дремлет дом,
Дед кемарит за столом.

Самовар поет чего-то...
«Песни петь — его работа!
Слушай, как мотив хорош,
И не хочешь — подпоёшь.
А ты знаешь, как он пляшет?
Так ушами и замашет!
Не гляди, что самовар,
У него на это — дар!»

Шутит бабушка. И пусть...
Но поближе к деду жмусь:
Вдруг и вправду фыркнет пар —
И запляшет самовар.
...Вновь сижу у тёплой печи
Вспоминаю эти речи.
Смотрят бабушка и дед
На меня сквозь толщу лет.

Мамед ХАЛИЛОВ

Мамед Гаджихалилович Халилов родился в 1961 г. в республике Дагестан. Автор шести книг поэзии и прозы. Член СП России. В настоящее время живёт и работает в посёлке Пречистое Ярославской области.

НА ОХОТЕ

Е. Гусеву

На охоте подстрелили волка —
Ненароком подстрелили, зря:
По привычке дёрнулась двустволка,
А ведь шли за лосем егеря...

Бьётся на пределе сердце волчье,
Кровь из жил сгоняя на бегу,
И дымится киноварь отточья,
Завершая повесть на снегу.

Жгучий воздух гибельней отравы,
Пахнет ветер горечью корья...
Пулями прошитый для забавы,
Станет волк добычей для зверья.

Он бывал и сытым, и голодным,
Но ни разу не был псом цепным:
Жил свободно и уйдёт свободным —
В назиданье и в укор иным.

Воеет в перелесках стылый ветер,
Тихо умирает вольный зверь.
Что он думает в минуты эти —
Кто о том расскажет нам теперь?..

...Хмуро егеря глядят на волка —
Курыт молча, сплёвывают зло.
И сказать-то не умеют толком,
Им, а может, волку повезло.

Но дойдёт черёд до самогона,
И заплачут, поминая мать:
Это против Божьего закона —
Вольных, непохожих убивать.

Плачут о матёром, о себе ли,
Кулаком пудовым стол круша...
А в порывах крепнущей метели
Всё скулит звериная душа...

БАБЬЕ ЛЕТО

Ветер гонит палую листву дерев
С лёгким шорохом по серому асфальту.
Ветви голые, стыдливо замерев,
Оттеняют неба голубую смальту.

Стылый воздух серебрист, прозрачна даль
В ласковом сиянии сквозного света.

И неуловимого чего-то жаль,
В неге бабьего пронзительного лета.

Трепетна душа, младенчески чиста,
Вся охвачена смиреньем голубиным...
Всё начать бы снова, с чистого листа,
Чтобы так же тихо отцвести кармином.

ИДИЛЛИЯ

На берегу реки
человек сидел на камне,
голову обхватив
руками.

Тишину не нарушая,
пели птицы,
и вода плескалась
у ног.

Летний день
был роскошно светел,
а человек
всё сидел и сидел
молча,
и только
изгиб спины
кричал
от боли...

Юлия ЗАЙЦЕВА

Родилась в 1983 году в городе Гаврилов-Ям. Работает электроэрозионистом. Автор книги «То, что в шёпоте за стеной».

Я БОЛЬШЕ НЕ ХОЧУ...

Я больше не хочу писать с надрывом,
я больше не хочу писать в надсад.
У бабушки заплодоносил сад,
и яблони похвастались наливом.

Мне через месяц восемь. Сталинград
уже спасён контуженным Лукой,
и по утрам с соседнего района,
он шаркал и позвякивал клюкой,
меня папиросы на талоны.

Я больше не хочу писать про боль,
когда от боли выдуманно средство.
Есть боль неизлечимая из детства,
для остального создан кеторол.
У бабушки накрыт успенский стол,
пол-улицы заходит по-соседски,
и пьяный дед «Во кузнице» завёл.
Вцепляясь крепко в бабушкин подол,
я так боюсь, что ожил Джельсомино!
Мне скоро шесть, и я ещё любима.

Я о России не хочу писать,
я ничего не знаю о России.
Я помню одноместную кровать
с матрасом белым, одеялом синим
и тумбочку с початым анальгином,
и бабушке неймётся умирать.
И если что похоже на Россию —
моя неунывающая мать,
её неиссякаемая сила.

ФЕВРАЛЬСКОЕ

Поздний снег дорожит февралём так, как я — тобой,
что-то непоправимое чудится снегирию.
Замерзает наш город, прижавшись к трубе трубой,
фонарём к фонарю.

Мне достать бы бесценных минут, чей синоним — ты,
распахать по карманам, по ящичкам рассовать
и учиться быть неразличимой у темноты,
а у тайны — молчать.

Замереть, словно тать, затаившийся после краж,
и на счастье смотреть, и бояться его сморгнуть.
Только жаль — бесконечности нет, вот и город наш
прогоняет весну.

Но бежит серафим, ни секунды не дав взаймы.
Тонок лёд на реке, с треском рвётся её киста,
улетает снегирь, и, почуяв болезнь зимы,
снег шагает с моста.

ЕГОРЬЕВ ДЕНЬ

Говорит она:

«Ямы одни, обвалы,
Всё лесные чаши, моря и взгорья.
Я к тебе, мой Иванушка, запоздала,
Не пришла обручаться на день Егорьев.
Да и как тут успеть за одну неделю,
Если платье цепляют ветвями вишни.
Я бежала на звуки твоей свирели.
Я, несчастная, только ее и слышу».

Говорит ему:

«Сон мой Ванюша, свет мой,
Дважды в год я свободна от плена вишен,
На неделю меня отпускают ветви,
С каждым годом всё ближе к тебе и ближе.
А пока я стою истуканом, камнем,
На плечах моих гнёзда свивают птицы.
Не обнять, не коснуться тебя руками,
Только снится».

Просыпался Иванушка еле-еле:

Ноет старое сердце и сводит ноги.
Дважды в год он играл на своей свирели,
Чтоб не сбилась невеста его с дороги.
А в Егорьевский праздник надел обнову,
Вскипятил на печи оловянный чайник,
Помолился иконе, сказал: «Готово.
Приходи, встречаю».

Говорит ему:

«Вот мы теперь и вместе.
Здравствуй, Ванечка, здравствуй мой долгожданный...»
И лежит он, счастливый, в объятьях Смерти.
Зацелованный, бездыханный.

ВИДИТ ЛИ НЕБО ЗЕМЛЮ?

РАССКАЗ

Работая вёслами, дядя Коля направляет резиновую лодку к острову. Гладь озера изредка вспарывается выпрыгнувшей рыбой, иногда столь крупной, что звучный шлепок эхом отдается в лесу за озером. Племянник Митя вертит головой, смотрит туда, где расходятся круги по водной глади, с волнением ожидая нового всплеска. Но шлепок вдруг раздается сзади или сбоку... И вновь по воде лишь круги, и мальчику так и не удастся увидеть саму рыбу — какой она величины, и как изогнется в воздухе, и как игриво шлепнется.

Солнце еще не выглянуло из-за леса, но отовсюду доносятся звуки раннего утра — то, свистя крыльями, пролетят дикие утки, то сочно квакнет лягушка, то где-то в лугах заржет лошадь. Поодаль, на мели, стоят цапли, вытянув шеи. Вот одна поднялась, неуклюже машет огромными крыльями-полудужьями, серым оперением почти сливаясь с водой. Остров всё ближе, ближе. Дядя Коля гребет ровно, вроде бы и несильно, но лодка идет споро, уверенно. Лицо его, обычно озабоченное, сейчас распустилось, оно доброе, почти беспеч-

ПРОЗА

ное, — ведь редко, разве лишь для приехавшего на летние каникулы городского племянника, он урвет часок-другой для рыбалки, и этому короткому отдыху в череде крестьянских дел отдается со всей душой.

Перед тем, как спустить лодку на воду, им встретился на берегу ехавший на трехколесном мотоцикле Борька Диван — рыбхозовский бригадир, невероятной ширины в плечах, шея короткая, голова большая, брови сведены строго. Борька и его бригада караулят пруд, в котором разводят карпа — пруд этот отделен от озера земляным валом. Неприветливо, сумрачно взглянул бригадир на дядю Колю. Сказал, что на озере ловить можно, а на пруду — ни-ни, сторожа спуску не дадут. Теперь рыбхоз акционировался — свое стерегут. Сказал, поправил на круглой большой голове белую кепку — и тронул дальше. Из коляски грозно торчали темные стволы ружья.

Но о ружье быстро забыто; сейчас душа мальчика наполняется новыми впечатлениями. Перед островом кажется ему, что там кто-то шевелится в кустах, таинственный и невидимый. А ведь остров этот непростой, загадочный, жуткие истории рассказывают о нём, случаются здесь и видения — конечно, по ночам. Да и название острова мрачное — Черная Поляна. В старину он служил местом для погребений.

И хотя рядом с Митей дядя Коля, мальчику становится не по себе — что за шевеление в кустах в такую рань? Какое затаилось там чудище? И зачем им надо плыть к этому древнему кладбищу, когда можно выбрать для рыбалки другое местечко, поспокойнее.

Но вот над кустами взмелькивает удилище — и Митя сразу успокаивается: рыба. Видимо, из здешних — удилище простое, ореховое. Вот уже показалась и сгорбленная фигура его.

— Ктой-то там? — всматривается в человека дядя Коля. Вдруг лицо его оживает, веселеет: — Х-ха! Гриша Спутник!

По приближении лодки человек встает, и теперь уж не усомниться — да, это он, Гриша. Небритый, со впалыми щеками, штаны засучены до колен, а руки кажутся ненормально длинными оттого, что он сильно сутул. Гриша идет к тому месту, куда направляется лодка, и когда она, мягко прошуршав по зеленой, как мох, ряске, тычется в берег, — помогает вытащить ее из воды. Он смотрит на Митю добрыми глазами, и мальчику кажется, будто его обогрели. Подобрав со дна лодки удочки и банку с навозными червями, пахучими, увертливыми, он разматывает удочки, закидывает лесы. Дядя Коля

пока еще возится с лодкой, переговаривается с Гришей, добродушно подшучивает над ним, восклицает: «Х-ха!», и Мите окончательно становится хорошо и уютно на берегу острова, издали кажущегося жутковатым.

В самом деле — остров как остров, от древних могил нет и следа, лишь ивняк, кое-где ольха да трава. И рядом с ним дядя Коля да безобидный, вечно готовый всем услужить, Гриша. Он перекладывает с места на место дождевик, сложенный подушечкой, и усаживается. Мальчик задумывается: зачем в такое тихое, безоблачное утро дождевик? Обращает внимание на дождевик и дядя Коля:

— Х-ха! — говорит он, подойдя. — Да ты чего, Гришунь, с плащом-то? Ай всю ночь тут сидишь?

— Всю ночь... — сипло отвечает Гриша. Вдруг он шарит рукой в кармане, извлекает из него четвертинку. В четвертинке — самогонка, и Гриша высасывает остаток. Пустую четвертинку засовывает в карман и спрашивает — нет ли чего жевнуть. Круто сваренное яйцо он ест мелкими кусочками, прожевывает их в беззубом рту подолгу, но яйцо так и не доедает, завертывает недоедок в лопух и прячет в другой карман. На губе остаются крошки.

И вообще он неухоженный, к самому себе крайне небрежный. Еще юношей Гриша уехал из родного села куда-то в Казахстан, оттуда — на Дальний Восток, потом завербовался на шахту в Воркуту, но сколько бы ни кружил по великой стране, нигде надолго зацепиться не мог или не хотел — как бобылю, квартиру ему нигде не давали.

Когда умерла мать, он прилетел, похоронил ее да так и остался в опустевшем доме. В колхозе его рукигодились, но началась перестройка, образовалось товарищество, и в нем Грише, заядлому выпивохе, не нашлось места. В поисках случайного заработка он частенько кружит по селу — не позовут ли напилить или наколоть дров, что-нибудь починить... Вот за это кружение — по стране, по селу — и зовут его так чудно — Спутник. Митина бабушка как-то сказала о Грише: «Оголыш... Палкой подпоясывается, рогожей утирается».

— Рыбы-то, небось, ого-го наловил, — шутливо спрашивает дядя Коля, приметив в опущенной в воду сетке карасика. — Небось, на продажу в село понесешь?

— Да ладно... — всерьез отвечает Гриша, и по лицу его пробегают тень досады. — Кошке на зубок... Вчера пришел на ночь — сел сперва на пруду. Карп там на полкило! Думаю, с десятка наловлю — и на бутылку, и на ушицу... Да не тут-то было! Только наживил червяка — слышу, мотоцикл трещит

на дамбе. Ну, думаю, как бы не Борька Диван. У них теперь — не подойди к пруду! Стали злые. Как же — свое охраняют! А Борька пуще всех придиричив. Бригадир... Смотрю — он и есть, с ружьем в коляске. Орет во всю глотку: мотай де отсюда, не то стрельну! Думаю — дурной ты... Много ль я у тебя выловлю? Не с сетью же пришел — с удочкой! Спорить не стал, на остров в мелком месте перешел и вот сижу караулю, когда он укатит домой.

Мите этот разговор неинтересен, он переводит взгляд с недвижимого поплавка на ряску, потом на чистую воду. В воде отражается голубое небо, и уже кажется — озеро без дна. Не понять, где настоящее небо — вверху или внизу, под тобой. Оцепенение находит на мальчика, вроде бы он невесомый, висит между верхним небом и нижним, и ему немножко страшновато, но и хорошо. Страшновато — ведь можно сорваться в бездонье, а хорошо — он всё же висит, не срывается, будто кто разумный и всесильный бережет его... Ему видно — не только нижнее небо и верхнее, но и многое другое. Вот и кусты ивовые отражены, вот и чайка вылетает откудато сбоку, вдруг, распутив хвост и вскинув крылья, резко оттанавливается и разбивает гладь воды. Синяя стрекоза висит на дрожащих сетчатых крыльях, внезапно отлетает и вновь повисает — глаз у нее холодный, выпуклый. ...

— А не штрафанут? — слышит Митя предостерегающий дядин голос.

— Не бойсь... — небрежно отвечает Гриша. Выйдя из оцепенения, Митя поворачивает коротко стриженную голову и видит: Гриша снимает рубаху, штаны и остается в трусах. В сетку, из которой вытряхивает карася, засовывает одежду и банку с червями. Сматывает удочку. Прямо перед ним пригнутое к берегу бревно, и он укладывает на него, между двумя сучками, и одежду, и удочку. Как раз в это время по валу проезжает на мотоцикле бригадир, слегка притормаживает, оглядываясь на остров, и едет дальше. Большая голова его в белой кепке подпрыгивает вместе с мотоциклом на ухабах.

— А штрафанут — что им с меня взять? — улыбается виновато Гриша, обнажив два уцелевших зуба. — Портки, рубаху? Кому они нужны? — На минуту он задумывается. Вдруг злобно говорит: — А кто сказал, что я поддамся? Вот они — кулаки-то!

Гриша хилый, костлявый, кожа синеватая, на впалом животе и груди редкие белесые волосинки. Труссы едва держатся. Перед тем, как войти в воду, он мелко крестится, пробует кривоватой ногой воду, потом осторожно ступает с берега, окунается и выводит бревно в сторону вала.

— Будь оглядчивее! — предупреждает дядя Коля.

Когда вода доходит Грише до подбородка, он начинает плыть вместе с бревном. Митю охватывает тревожное чувство. Вдруг бригадир приметит Гришу?

Мальчика начинает мучить простая мысль: почему Гриша не воспользовался лодкой? Не догадался? Митя спрашивает об этом дядю, но тот словно не слышит вопроса — занят важным делом: насаживает на крючки червей, увивающихся вокруг пальцев.

— Лодку-то? — не сразу отвечает дядя. — На лодке его сразу бы приметили. Да и кто ему даст? Ему дай, а его поймут, отнимут лодку — доказывай потом сторожам, что она моя!

Тем временем Гриша доплывает до вала, прячется в кустах и через минуту воровски перескакивает на ту сторону. Если бы его увидели сторожа, то послышался бы мотоциклетный шум, но шума не слышно, и мальчик, по примеру дяди, успокаивается. Вскоре он уже отрешен от всего и вся, он в оцепенении, он по-прежнему висит между верхним и нижним небом...

— Дядь Коль, — голос мальчика тих и таинственен.

— Ну?

— А как думаешь, — видит ли небо землю?

— Небо? Землю? Взбрдет же такое в голову!..

Солнце окончательно выпросталось из-за леса, озеро блестит, небо раздалось, в траве стрекочут кузнечики, а в воде будто кто стонет. Теперь всё существо мальчика поглощено этими пугающими звуками. Откуда они? Их происхождение он связывает с Черной Поляной... И вновь мальчику жутковато, и, лишь взглянув на дядю, — тот сидит как ни в чем не бывало, внимательно наблюдая за поплавком, — успокаивается. Внезапно, глянув на толстый слой ряски, Митя догадывается: странные, едва слышимые звуки издают лягушки! Стоит только повнимательней посмотреть на ряску, как увидишь — она шевелится от множества серозеленых лягушат... Одни совсем неподвижны, другие за чем-то крадутся...

Вот один лягушонок, вытянув голову с выпученными оранжевыми глазами, вкрадчиво ползет по зеленому мягкому ковру. Кого опасается? Чего ищет? Сколько всего непонятого в их жизни!

Митя пропустил момент, когда на дяди Колиной удочке клюнуло, и дядя, подсекши рыбу, стал тянуть удилище. Удилище согнулось, а рыба стремилась уйти в коряги. Вот она взбурила поверхность озера, показав желтоватый бок.

— Сачок! — взволнованно говорит дядя Коля. — Подайка, Митряша, сачок!

Митя бежит с сачком и не обращает внимания на треск приближающегося по валу мотоцикла. Дядя Коля водит рыбу из стороны в сторону, изматывает ее. Рыбак и рыба соперничают в силе и хитрости, и мальчика, как и дядю, рука которого дрожит, охватывает азарт. Он пропускает момент, когда мотоциклист, резко затормозив, выхватывает из коляски ружье. «Стой, ворюга! — слышится грозный окрик рыбхозовского бригадира. — Стой, сукин сын! Стрелять буду!» И тут же раздается громкий выстрел...

Машинально Митя совывает сачок в дядину руку и испуганно оглядывается на вал. Человек в белой кепке, окарачив мотоцикл, всё еще направляет ствол ружья в ту сторону, куда стрелял. От очередного выстрела раздается истошный крик. Теперь Борька Диван оставляет мотоцикл и, с ружьем же в руках, спускается по ту сторону вала. В этот момент дядя Коля успевает вытащить карпа. Карп большой, но уже бессильный, переправляется в садок.

— Ох, беда! — бормочет дядя Коля, стаскивая лодку в воду. — Неужто этот зверь застрелил Гришку?

Он приказывает племяннику сидеть на острове, а сам энергичными толчками направляет лодку к валу. Мите страшно смотреть на вал, и он отворачивается. Перед его глазами небо с мелкими перистыми облаками, пронизанным светом солнца. Справа видится стена темного леса, а слева, в километре, виднеется село с низкими избами и высокими ветлами. И во всё, что теперь он видит, уже ничего нет таинственного.

Со стороны вала раздается дядин гневный голос:

— Что ж ты, зверюга, наделал? За какую такую провинность?

— Заткнись, такой-сякой! — матерится Борька Диван. — Ишь, раскукарекался! Много вас тут таких, указчиков!..

Дальнейшее, явно угрожающее по адресу дяди Коли, Митя уже не слышит сквозь стоны раненого, которого бригадир и дядя Коля, переругиваясь, несут под руки и под ноги. Митя начинает плакать.

Наконец мотоцикла на валу уже нет — уехал. Дядя Коля подгребает к острову. Сокрушенно трясет головой. Едва лодка тычется в берег, он начинает собирать удочки, складывать в лодку. Отчаливают, и вскоре Черная Поляна с каждым взмахом вёсел всё дальше.

Митя спрашивает у дяди, жив ли Гриша, и когда слышит в ответ, что Гриша ранен в живот, вздыхает:

— Его спасут?

— В больницу, думаю, спасут..

Оба подавлены. На берегу, разобрав лодку, дядя Коля укладывает ее в вещевой мешок и, под тяжестью мешка сильно сутулясь, идет к селу.

— Беззащитный, Спутник-то, — бормочет он. — Кто за него вступится? В другого-то, небось, Диван не бабахнул бы...

Митя, избочась, несет ведро с карпом, прикрытым травой. Ему неудобно с ношей, он перекладывает ведро из одной руки в другую, сопит. Вот-вот опять заплачет. Саднит душа, из которой, будто выстрелами из ружья, выбито все очарование раннего утра, вся его таинственность и красота. Хорошо еще, что он пока чувствует свою защищенность, и хочется верить, что так будет всегда...

г. Рязань

ОДА СОЗДАТЕЛЮ

РАССКАЗ

В просторном светлом кабинете сотворялись последние строки оды. Сорокалетний поэт резко встал, подошёл к иконе и, крестясь, произнёс:

— Всё. Точка! Прости, Господи, за дерзость. Волнуюсь... как перед атакой. Боже, что я несу, грешный? Какая атака? — Глядя на исписанные листы, проговорил: — Это же... это же преклонение, скорее попытка проникновения. По-пыт-ка... Дерзкая! Не зря же твердят исстари мудрецы: иная попытка — словно пытка. И в каждом слове есть таинство неба. Не случайно я слышу эфирный гул своих замыслов. Да не своих, а Его. Слово-то по-библейски есть Бог, а потом всё остальное. Прости, Создатель, прости... Дерзнул я... Может, примешь сей труд раба Твоего грешного.

Просматривая листы, молча стал читать, ходя по кабинету. Тихо выдохнул:

— Да-а-а... дерзости здесь больше, чем надобно бы. Но невозможно объять необъятное. Всё. Моя попытка-самопытка. Далее не надо. Опасно!

В глазах поэта полыхнул живой огонёк страданий и сомнений, присутствующих избранным земным творцам.

ПРОЗА

Задумчиво проговорил:

— Слово... оно есть порох мысли. Порох. Но как с ним играют дерзновенно грешники вроде меня! А порох, он и есть порох. Но что-то всегда происходит при взрыве озарений...

Погружённый в раздумья, подошёл к столу. Перебирая перья, вслух рассуждал:

— Ведь чу-де-са случаются при любой опасной игре. Случаются! А я — игрок! Сколько перьев переломал до этого на разные оды-броды... А эти гусиные перья — ни разу не сломались. Чудеса...

Перекрестившись, медленно подошёл к иконе.

В этот миг на пороге бесшумно появился слуга Захар, заслытый на месте.

Поэт меняющимся голосом, переходящим от проникновенного шёпота до почти громкого восклицания, читал первый стих оды «Бог»:

*О Ты, пространством бесконечный,
Живый в движеньи вещества,
Теченьем времени предвечный,
Без лиц, в Трёх Лицах Божества!
Дух всюду Суший и Единый,
Кому нет места и причины,
Кого никто постичь не мог,
Кто всё Собою наполняет,
Объемлет, зиждет, сохраняет,
Кого мы нарицаем — Бог!*

Повернувшись, наткнулся взглядом на Захара. Служивый робко спросил:

— Простите, ваша милость, вы что, молитву проговаривали? — Осёкшись под гневным взглядом и опустив голову, продолжил: — Простите, я, кажись, что-то лишнее сказал... Подумал, что молитву...

В глубокой задумчивости Гавриил Романович чуть отрешённо проговорил:

— Почти, Захарушка. Почти... Но молитвы-то пишут всегда святые... А я, грешник, вот рискнул на оду. Самому Богу!

Захар бестолково заморгал глазами, перекрестившись и откашлявшись. Затем, потеряв глаза, робко переспросил:

— И не страшно ли вам, ваша милость, было?..

Поэт, опустив голову, тихо, как на покаянии, ответил:

— Страшно, Захарушка. Ох, как страшно. А ничего с собою поделать не сумел. Слова-то сами рождали стих. Конечно, это Дух Святой диктовал. Это Он... Так что там у тебя, Захарушка?

— Оно, такое дело... Приплёлся тот...

— Лихоимец? Чинуша озёрный?

— Он самый.

Державин вскрикнул:

— Вот жизнь! Кубок с ядом! Там, где мыслишь о Боге, обязательно бес появится.

— Оно так, — отвечал задумчиво Захар. — Я дюжа вижу и разумею... вы правы в этом. Я, простите, раньше думал, что пост правителя — дюжа почётная работа.

— А в сей момент что? Поменял, что ли, свой взгляд на мой почёт?

— Не дай Бог такой почёт. — Перекрестился. — Правитель... он-то должён быть юрким. А вы...

— Договаривай. Коль размахнулся, то бей!

Захар часто заморгал глазами. На его круглом лице резче обозначились следы прошлой оспы. Покусывая губы, продолжил:

— А вы... вы совсем, ну, не юркий.

— А какой же?

— Ну, сердитый. А сердитые юркими не бывают.

Усмехаясь, поэт всматривался через окно. Задумчиво, нараспев возразил:

— Бывают, Захарушка, бывают. Вот, смотри, в комнату влетела, видишь, юркая муха. Хотела пожитьяся, ан нет. В моём кабинете книги. В них мысли великих. А юркие мухи, как и юркие казнокрады... Они наживу ищут. Ишь ты: ей нужен свет. Разжужжалась, бестия.

Захар, подбежав, попытался прихлопнуть муху, но та, изловчившись, вылетела в приоткрытую дверь.

Засмеявшись, Державин воскликнул:

— Не случилось, Захарушка! Не получилось. Разумеешь?

Качнув отрицательно и упрямо головой, Захар твердым голосом, допуская несогласие в своих суждениях, бодро и громко отчеканил:

— Не разумею. Мухи и есть мухи. Они, подлюки, хуже сорок да ворон.

— Похлеще... похлеще. Ну, что стоишь? Зови этого... чинушу-ворона. Мы его постараемся, как муху, что ты не сумел... Погоди чуть. Соберусь...

«Прихлопнуть, прихлопнуть», — уйдя в себя, повторил «со всем неюркий наместник». Механически, в какой-то растерянности приблизился к иконе. В своих яростных мыслях хозяин кабинета в данный момент преобразился, как в мгновение озарений. Но здесь мысли не укрепились зовущими, манящими рифмами строк. Они, словно молчаливые тучи

сквозь свет солнца, преобразовывали его решимостью, заполняя и тело, и душу. Поэт как-то по-иному смотрел и смотрел в священный лик. А в сознание, туда, в свой дух вечности, входили тяжёлые облачка мыслей. И там уже сверкали молнии. Становилось азартно, как перед атакой.

Подумалось, что сам-то человек носит в душе своей всегда какие-то атаки... И это воинственное чувство несёт в себе смелость самоочищения, гасит боль сомнений.

После такого приоткрытия мысли приобрели прежнюю реальность. Тревожные рассуждения серой тенью легли на лицо. Но огонёк от иконы продолжал где-то изнутри излучать свет... И этот свет почему-то был... каким-то иным... даже не мягко-блаженным, а горько-осязаемым. Живым.

Поэт осознал, что сам свет, как и дух человека, имеет что-то таинственно-небесное, не земное...

За спиной раздался грубовато-вежливый бас Захара:

— Так впускать этого... Блохина? Он дюже того... важный. Но все блохи навсегда керосину бояться. Даже об двух ногах.

Чтобы не рассмеяться, Державин, прикусив губу, улыбнулся. Свет, что находился внутри, погас. Решительный блеск засиял в глазах. Почувствовав забытое, подумал: «Как в Преображенском полку... Но там было ясно. Ведь пугачёвцы хоть и разбойники, но в облике людей. А все блохины в облике бесов. Попытаюсь освободить олонецкого бесика от пагубной страсти керосином... Да разве всех освободишь? Керосина не хватит. Их-то развелось по всем губерниям поболее, чем пугачёвцев. Будем их жечь, а то они сожгут нас».

С нахмуренным лицом и лихорадочным недобрым блеском глаз ключом открыл ящик стола. Вынул папку, с презрением прочитал:

— Блохин, бригадир охраны лесов и озёр Олонецкого местничества. — Невольно вырвалось: — Бес, а не чиновник! И вот такие факты делишек бесовских приходится держать дома. А в служебном кабинете моём, бывало, что такие папки исчезали...

Держа папку и как бы взвешивая её, раздумчиво прочёл:

— Чиновник... М-да. Душа чиновника — потёмки. Да я в своей не разберусь. Но воровством не баловался. — Обратившись к скульптурке Екатерины II, тихо произнёс: — И вот что доложу тебе, матушка, почти в каждом таком скакуне-чинуше сидит воришка при седле. Вот в чём вопрос. Думалось об этом намеренно мне. Конституцию, горемычный, написал. Силушки на неё много истратил. Но её не приняли чинуши. Потому как там силки для воров поставлены. А ежели все воруют, то кому охоче в силки закона попадать. Волки и

то силки обходят. Обходят. Но мы иначе поступим с этим чинушей. Зови, Захар. Зови!

Едва правитель произнёс последние слова, как в дверях появился рослый богатый одетый человек лет тридцати.

Стоя спиной к двери, Державин выражал презрение к вошедшему.

Чиновник, кашлянув, произнёс:

— Простите... Я Блохин. Ваш адъютант в управе направил вот к вам... Пришёл насчёт работ по очистке озёр.

— Ну, как работа? Как она движется?

Опустив голову, чиновник тихо ответил:

— Она... ваша честь, приостановилась.

— Угу, лошадь приостанавливается, когда её не кормят. А люди тоже приостанавливаются, когда им за работу не платят.

— Так нечем платить, ваша честь.

— Понятно, — угрюмо откликнулся Державин. Подняв папку, прочитал: — Дело старшего чиновника... Блохина Емельяна Ивановича. — Помолчав, проговорил: — Мы царёвы слуги. Тому, Емеле Пугачу, голову отсекли. А тебя, служивый дворянушка, каторга ждёт. Так-то, Емеля. А пришёл ты сюда, чтобы спасти себя от каторги. И дело твоё теперь зависит только от тебя. Земля Олонецкая стоит на былинном озёрном родном эпосе. И ни в одной былине, будет тебе известно, воровство не прославляется... Соловьи-разбойники, как и воры, лишаются головы. А людины вроде тебя милуются каторгой.

Чиновник, падая на колени, прошептал:

— Любые условия... Любые условия, только не каторга.

Державин подошёл в чиновнику, взял за шиворот и поднял его.

— А понимаете ли вы, ваше проходимство, что ежели я вас не упеку на каторгу, то заинтересуюсь мной. М-да, ситуация похуже, чем в картёжной игре. Тут не профинтишь. — Гневно продолжил: — Тебе были дадены большие деньги из царской казны! Из царской! Чтобы ты очистил озёра. И дорогу прорубил к ним. А ты очистил казну. И прорубил дорогу на каторгу, в прорубь, в полынью! Не зря ж говорят, что Россиюшку-матушку исстари тянут на дно дураки, да дороги, да вот такие блохины. С дураками и дорогами царская власть справляется, а вот с блохиными — не получается. Не получается... Я вот что решил! До конца лета, считай, и осени, осталось 2-3 месяца. За полгода ты деньги все потратил, вернее: украл. А работы сделал с гулькин хрен. Тебя спасёт только атака. Слушай: то, что ты не сделал за полгода, сделаешь за два месяца.

— Так невозможно то, — выпучив глаза ответил чиновник.

— Тогда каторга, — произнёс Державин. — В этой папке, Емеля, все подсчёты имеются... и доказательства, сколько сосен спилено и куда они девались. И сколько верст дороги освоено. Кажись, три. Так?

— Так, ваша честь, — понуро ответил чиновник.

— Слушай и запоминай, Емеля: чтобы спасти себя от каторги (да и меня тоже), ты должен за два-три месяца до морозца выполнить всё намеченное и оплаченное царской казной. Думаю я... в прикидку, что надобно набрать вчетверо больше людей для прорыва. Иначе — плен, заточение... Каторга и кандалы. И сам... сам! (я проверю) будешь там и киркой, и лопатой, и пилой отвоёвывать себе свободу работой, потом, трудом. Может, этот труд приблизит тебя к человеку. Родину надобно любить, а не губить её воровством. А кража — всегда болото, гибель, грех. Искупай свой грех атакой, прорывом!

Чиновник, кашляя, произнёс:

— Так на сей прорыв, ваша милость, капиталы надо такие... Очень большие. Даже больше, чем были.

— А ты свои истрать! — гневно бросил Державин. — Казённые-то профукал в иной работе, бесовской. Имение заложил. Да, да: заложил. — С усмешкой добавил: — А ежели тяжко будет кровное закладывать, то посчитай, что тебя тоже обворовали, как ты царскую казну в прошлом. А каторга, Емеля, в настоящем тебя уже поджидает. Согласен? Почто молчишь, ваше лихоимство?

— Угу, — промычал чиновник.

— Топай и спасай себя, не теряй ни минуты. — Стоя вплотную перед дверью и преграждая дорогу, грозящим шёпотом добавил: — Напоминаю второй разок, чтобы сам там вкалывал с людьми. Для тебя это будет вроде каторги без цепей на ногах. Но лучше каторга о двух-трёх месяцах, чем пожизненно. Твой выбор, твоя игра. Только краплёными не играй. Проверю. Иди!

Осознав, что буря гнева почти пронеслась, чиновник покосился на папку и выдохнул:

— Спасибочки, ваша честь, — попытался выйти.

— погоди! Напоследок вот что. — Отойдя к столу, Державин продолжил: — Рубить просеки в лесу, Емеля, труднее, чем подделывать документы для недотёп. В Россиюшке много недотёп. Но государево око повсюду зрит. А топор иногда звенит. По тому звону, как по нотам, слышна фальшь напева.

Разумеется, Емеля-казнокрад ничего ни про звон топора, ни про ноты не понял. Но быть дурнем при таком раскладе

ему совсем не хотелось. Он-то хорошо знал, что с дурака иногда спроса не бывает. Но кожей своей чувствовал боль такого дурака, когда его секут розгами. И часто не по делу. Знал о том, что в любом скверном деле умники всегда ищут дурака для своего спасения.

Но на поиски дуралея нужно время... Крутанулась окаянная мыслишка: быстро дурня не найти, а сейчас — труба дело: где взять дурня? Их много кругом, да всякий русский дурак — он-то для себя никогда не будет таким. Всякие дураки — вроде благие — чаще бывают умнее господ.

Бегло взглянув на наместника, затвердился в своих догадках, потому что невольно его взгляд скользнул по шкафам с книгами и скульптурке Екатерины II. Ему опять с комом в горле подумалось, что этот приближенный к трону вояка продыху не даст. Имение надобно заложить срочно, а то каторга неизбежна.

Правитель Олонецкого наместничества Державин загадочно улыбнулся, таинственно, почти шёпотом произнёс:

— И не вздумай искать дурака, на кого спихнуть своё преступление. Только время потеряешь да дело своё усугубишь. Уразумел?

— Ага, — почти прошептал чиновник.

— Иди и помни: дурак тебя не спасёт. Сам кашу заварил, сам её и расхлёбывай.

Емеля тихо выскользнул из светлого кабинета правителя. Уже в темноватом коридоре снова подумал, что этого волчару не обложишь флажками, не проведёшь. А вдогонку ему донёсся глуховатый трубный бас Захара:

— Делай, как сказано, а то хуже будет.

Уже не злобно, но хитро чиновник взглянул на Захара и, почему-то поклонившись, угодливо откликнулся:

— Ага.

Надломленный Блохин с серым лицом вышел во двор. Ярко светило солнце; на клумбе цвели ещё летние розы. Сама услада жизни, как чаша с вином, привычно хмелила сознание. И жить на свободе захотелось вдвойне, потому что на краю пропасти частенько и открываются те манящие прелести обыденности жизни, что порой и не замечаешь.

Едва закрылась дверь, Державин, потирая руки, произнёс:

— Посмотрим, как всё обернётся. Поглядим и проверим. Воровство — болезнь веков. Получается, что такая порча вроде скрепы бытия. Нет! Скрепы дьявола. Но почему она бессмертна?

Гнусно стало на душе правителя. Недобрые мысли не уходили... Сколько их, лихоимцев на Руси... Тьма... Они, как комарьё болотное, высасывают Россиюшку. Но если комарьё не уничтожать, то Родина превратится в болото. И её осушать будут иные. Но не бывать такому! Гавриил Романович нервно вышагивал по кабинету. Резко остановился у шкафа с книгами, негромко произнёс:

— И вы, мыслители веков, не на все вопросы дали ответ. Не на все...

Взгляд его снова скользнул на небольшую скульптурку императрицы. Тихо в раздумчивости обмолвился вопросом:

— А как бы поступила ты, матушка? В пасьянсе сем? В картах мне везло. Там иные законы, там за шулерство дуэль с правом первого выстрела... А здесь кругом чиновники. Иные, законы... И кругом — шулера... — С шумом выдохнув, возмущённо выговорил: — Да ведь в миру житейском воруют почти все! Да и воюем мы истари почему-то... Даже в библейском стихе кровушка рекой льётся. Господи, для чего же нам тогда жизнь даётся? Для самоистребления?!...

Взял листы оды. Прочёл:

*Ты цепь существ в Себе вмещаешь,
Её содержишь и живишь;
Конец с началом сопрягаешь
И смертью живот даришь.*

Раздумчиво повторил:

— И смертью живот даришь. М-да, хотел я в оде сей спросить и о смертельном... да поостерёгся. Испугался. — Осенив себя крестом, продолжил: — Потому как в ином вопросе Создателю бывает поболее ереси да греха, чем в воровстве... А когда выходишь за горизонты Его, то и попадаешь в гнев Его... Кажется, кажется, ко мне пришёл ответ знакомый. Библейский. — Взял книгу книг, как-будто взвешивая её, уже в иной интонации, глядя в окно, промолвил: — В библии поясняется, что за Адамов грешок и не любим мы себя, и истребляем.

Положив на стол библию, молча погрузился в раздумья.

Прожаживаясь и снова обращаясь к скульптурке Екатерине II, уже иным тоном проговорил:

— И всё же и ей, матушке Екатерине, жизнь тоже подносила не единожды кубки смертельные. Не единожды... Но ангел-хранитель её сберёг для России. И была она, кажется, радостной. Да не в грехе любви, а в политике своей. И я видел её счастливой. Светоносной такой. Видел! Сам-то чуток за-

---

жётся тем светом. А жизнь, как тройка лошадей, чтобы тебя не разнесли, надобно в вожжах держать. Счастьем же надо повелевать. Повелевать... А с кровососами, что доводят народ до нищеты, необходимо воевать. Не то появятся новые «маркизы» — Пугачёвы.

Захар, тихо вошедший в кабинет, с удивлением спросил:

— А разве Пугач был маркизом?

Державин громко захохотал. Так смеяться могли только открытые, смелые люди. Стирая платком слёзы, проговорил:

— Разбойники, Захар, на Руси завсегда назначали себя спасителями да справедливыми царями. А «маркизом» я Пугача в шутку прозвал, когда с ним сражался.

— А правда, что за вашу голову разбойник обещал десять тысяч монетой серебра?

Державин, преобразившись, воскликнул:

— Ишь ты, и об этой оказии Пугача дошла молва.

— Так то правда? — не унимался Захар.

— Правда, Захар, правда. Но, как видишь, моя головушка при мне на плечах. Но, доложу тебе, служивый, я-то был беспощадным с пугачёвцами. Хотя втайне понимал чуток разбойника. Но это втайне... Потому что Пугачи — они и есть вроде духа обиженного люда Россиюшки. Надобно не забивать народ, не грабить безлошадных налогами да подастями. От них до бунта Пугачей один шаг! Вот я здесь для того, чтобы не было этого шага... Не было, Захарушка.

Державин чуть кокетливо надул ещё моложавые чувственные губы и уже иным тоном сказал:

— А ведь счастливыми в жизни все норовят быть. Все. Вот скажи-ка мне, Захар, может ли человек быть счастливым вообще? Хоть чуток. Только честно, без волянки. Ответствуй. Ну, хотя бы на несколько дней? Может ли человек быть счастливым, таким, как птица в полёте?

Слуга задумался и через паузу густым басом отозвался:

— Неведомо мне такое. Я ж не птица. Оно-то, счастье нашенское, вроде сказки. Хотя, хотя, человек небось-то могёт, когда пьёт, ну, гуляет во хмелю своем. Но не все. Я, к примеру, бываю счастлив только во сне да в церкви. И то не всегда...

— А когда? — спросил поэт. В глазах его заблестели искорки живой любознательности. — Так сказывай, говори!

— Да оно тогда, когда Божья молитва хора входит в душу. Тогда пропитываешься весь иным воздухом. Он, знаете, очищает меня. А я, того... гляжу на иконы святых мучеников и вроде светом их изнутри покрываюсь. Оно-то, счастье, и есть тот свет изнутри...

— Точно сказал, Захар! «Свет изнутри». Да в нашей окаянной жизни такой свет изнутри мало нам светит.

— Оно так. Счастья, ваша милость, много не бывает.

— Как и денег, — задумчиво подхватил поэт.

— Насчёт денег не знаем. А про счастье, по моему разумению, как я сказал, только мигом изнутри, ваша милость. Мож, что и не так... Так вы простите мужика тёмного.

— Так, так! — И, помолчав, добавил: — В темноте твоей больше света, чем в иной нашей барской. Больше, Захарушка.

Слуга часто заморгал глазами от такого сказа, с осторожностью промолвил:

— Да я так мудрёно не умею думать.

— А как же ты думаешь?

Захар выдохнул:

— А никак...

— А ты подумай! — парировал поэт.

— Да чо думать, — уже смело предположил слуга. — Темнота, она и есть темнота. А свет и есть свет. Но ещё та лучина там, в храме, меня вроде блажит светом. А пение хора не так. Я там слова не все разумею. А вот эхо от высоты пения... оно входит прямо в живот и в голову. До пяток меня прошибает.

— Точно! — согласился поэт. Быстрым движением достал из внутреннего кармана деньги. Вложил их в руку слуги. — На вот, возьми. Бери, бери, Захар Михайлович.

— Да за что? За что такое...

— За проповедь.

— Так я же не батюшка... я грешник.

Державин быстро ответил:

— А мы в миру порой бываем и грешники, и батюшки.

Захар, не веря глазам, прошептал:

— Так за что мне так много?

— Сходишь в церковь, свечи поставишь и помолишься за себя и меня тоже, грешника. Да и деткам твоим кренделей принесёшь. Ну, и дома, сам знаешь, всегда не хватает чего-то...

— Оно точно, — ответил слуга.

Державин цепко всматривался в почти незнакомо изменённый взгляд Захара. И он узрел глаза не слуги, а какого-то иного человека, совсем не знакомого. Невольно подумалось автору оды, что тайна души всё же проявляется не столько в словах и жестах, а иногда вот так, во взгляде. Может, и потому хрупкое счастье — это когда тебе верят, а несчастье — когда сам никому не веришь.

Слёгкостью в сознании пронеслось: «Я, кажись, ещё что-то новое для себя сегодня открыл. Хотя... хотя всякое новое

под небом — забытое старое. Вот и моя ода — не новизна. Но она, чувствуя, переживёт меня».

Прохаживаясь по кабинету, остановил свой взгляд на папке Блохина. Брезгливо взял её, открыл ящик стола, вымолвил:

— Побудь здесь, — положил папку в ящик, замкнул ключом и произнёс: — Муторно-то как от тебя, каторжника.

Осторожно взял в руки оду.

— Очищай меня, одушка.

Стал молча читать. Затем негромко произнёс:

— Да оно так и есть! В голове, вроде, прояснилось. Считай, четыре года писалось, да терпелось, да зачёркивалось. Сколько бумаги извёл. — Стал перебирать листы. — Вот здесь бы надо поправить. Да и здесь. Правка — что? Она вода круговерти. Не зря толкуют, что в такой круговерти водяной можно и утонуть. Нет, топиться не буду. Хватит. Коль слово здесь Его, то и рифма Его. А земные рифмы, они-то часто — химеры заблуждений. Но здесь я стремился к идеалам смысла непостижимого. И совсем ненароком прёдал лёгкость стиха. Взвалил на себя вериги дерзости... Прости, Создатель, — поэт перекрестился и тихо промолвил: — Я точно иным стал, пока оду Ему творил. Иным... Это не императрице ода. Да и разным земным вельможам. Здесь рискованнее мне было, чем в Преображенском полку. Там лихо Емелю Пугача громили. Какие поручики были! В бою играли со смертушкой, как в карты. А промысел тот козырный и держал меня на гонорском скаку в нашем полку. Да больше, чем стихи, что марал. Страсти те козырные, слава Богу, покинули меня. Навсегда, кажись.

Вновь взял листки и задумчиво произнёс:

— А тщета опять клокочет. Чует сердце моё: по этому божественному риску и опознают меня, может быть, потомки. Очистительное сочинение случилось. Когда писал, сам-то и очищался от скверны своей. Атаку вёл на самого себя. А без этого нельзя. Чистку духа от греха всегда надобно творить.

Поэт вспомнил, как в полку неподъёмную сумму проиграл. А платить нечем. Дал тогда его визави два дня отсрочки. А потом — плати: картёжный долг считался долгом чести. Но он, везун, на второй день отыгрался с лихвой. Заложил вещичку родовую золотую и отыгрался.

...Подойдя к окну, подумал, что опять будет полнолуние. Кажется, сегодня он «перегнул» с этим казнокрадом, как говорили ему в Сенате. Но лучше перегнуть, чем не догнуть. Как правило, недогнутые чинуши-мздоимники становятся хитрее и воровитее. Всегда и везде. И почто их много на Руси? Создать бы на нашей необъятной Родине поселения для во-

---

ров. Да что поселения? Они же не сами по себе, а по воле бесовской болеют воровством.

Робко взял листы оды и выговорил:

— Лечи меня, одушка. Лечи, а то гнёт меня моя работа с воруём. А ода — очищает. — Взглянув на лист, стал читать:

*Твоё создание я, Создатель!
Твоей премудрости я тварь,
Источник жизни, благ Податель,
Душа души моей и Царь!
Твоей по правде нужно было,
Чтоб смертну бездну преходило
Моё бессмертно бытиё:
Чтоб дух мой в смертность облачился
И чтоб чрез смерть я возвратился,
Отец! — в бессмертие Твоё...*

Послесловие

Гавриил Романович Державин не ошибся. Европа давно признала оду «Бог» поэтической вершиной мировой литературы. Произведение русского гения 8 раз переведены на немецкий, 15 — на французский, по многу раз на английский, польский, чешский, итальянский, японский, китайский и другие языки. Будет переводиться и следующими поколениями.

Строки оды «Бог» поджидают своих композиторов. Потому что в мелодике стиха всегда раскрываются дерзновенно-божественные кодовые напевы недосказанности слов...

Станица Марьинская Ставропольского края

ЛАРЕЦ

Г.Р. ДЕРЖАВИН

БОГ (*Ода*)

О Ты, пространством бесконечный,
Живый в движеньи вещества,
Теченьем времени предвечный,
Без лиц, в Трех Лицах Божества!
Дух всюду Суший и Единый,
Кому нет места и причины,
Кого никто постичь не мог,
Кто всё Собою наполняет,
Объемлет, зиждет, сохраняет,
Кого мы нарицаем — Бог!

Измерить океан глубокий,
Сочечь пески, лучи планет
Хотя и мог бы ум высокий, —
Тебе числа и меры нет!
Не могут духи просвещенны,
От света Твоего рожденны,
Исследовать судеб Твоих:
Лишь мысль к Тебе взнестись дерзает,
В Твоем величьи исчезает,
Как в вечности прошедший миг.

Хаоса бытность довременну
Из бездн Ты вечности воззвал,
А вечность, прежде век рожденну,
В Себе Самом Ты основал:
Себя Собою составляя,
Собою из Себя сияя,
Ты Свет, откуда свет истек.
Создавый всё единым словом,
В твореньи простираясь новым,
Ты был, Ты есть, Ты будешь ввек!

Ты цепь существ в Себе вмещаешь,
Ее содержишь и живишь;
Конец с началом сопрягаешь
И смертью живот даришь.
Как искры сыплются, стремятся,
Так солнцы от Тебя рождаются;
Как в мразный, ясный день зимой
Пылинки инея сверкают,
Вратятся, зыблются, сияют,
Так звезды в безднах под Тобой.

Светил возженных миллионы
В неизмеримости текут,
Твои они творят законы,
Лучи животворящи льют.
Но огненны сии лампы,
Иль рдяных кристалей громады,
Иль волн златых кипящий сонм,
Или горящие эфиры,
Иль вкупе все светящи миры —
Перед Тобой — как ночь пред днем.

Как капля, в море опущенна,
Вся твердь перед Тобой сия.
Но что мной зримая Вселенна?
И что перед Тобою я?
В воздушном океане оном,
Миры умножа миллионом
Стократ других миров, — и то,
Когда дерзну сравнить с Тобою,
Лишь будет точкою одною:
А я перед Тобой — ничто.

Ничто! — Но Ты во мне сияешь
Величием Твоих доброт;
Во мне Себя изображаешь,
Как солнце в малой капле вод.
Ничто! — Но жизнь я ощущаю,
Несытым некаким летаю
Всегда пареньем в высоты;
Тебя душа моя быть чает,
Вникает, мыслит, рассуждает:
Я есмь — конечно, есть и Ты!

Ты есть! — природы чин вещает,
Гласит мое мне сердце то,
Меня мой разум уверяет,
Ты есть — и я уж не ничто!

Частица целой я вселенной,
Поставлен, мнится мне, в почтенной
Средине естества я той,
Где кончил тварей Ты телесных,
Где начал Ты духов небесных
И цепь существ связал всех мной.

Я связь миров, повсюду суших,
Я крайня степень вещества;
Я средоточие живущих,
Черта начальна Божества;
Я телом в прахе истлеваю,
Умом громам повелеваю,
Я царь — я раб — я червь — я бог!
Но, будучи я столь чудесен,
Отколе произошел? — безвестен;
А сам собой я быть не мог.

Твое создание я, Создатель!
Твоей премудрости я тварь,
Источник жизни, благ Податель,
Душа души моей и Царь!
Твоей то правде нужно было,
Чтоб смертну бездну преходило
Мое бессмертно бытие;
Чтоб дух мой в смертность облачился
И чтоб чрез смерть я возвратился,
Отец! — в бессмертие Твое.

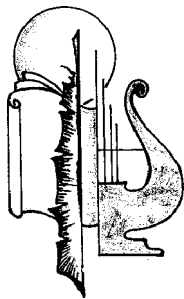
Неизъяснимый, Непостижный!
Я знаю, что души моей
Воображении бессильны
И тени начертать Твоей;
Но если славословить должно,
То слабым смертным невозможно
Тебя ничем иным почтить,
Как им к Тебе лишь возвышаться,
В безмерной разности теряться
И благодарны слёзы лить.

1784

«ПОДМОСКОВНЫЕ ВЕЧЕРА»

В 1955 году на московской студии документальных фильмов шла работа над созданием киноленты «В дни спартакиады» (о Спартакиаде народов РСФСР). В кинокартине явно не хватало хорошей лирической песни. Создатели фильма обратились к поэту Михаилу Матусовскому и композитору Василию Соловьеву-Седому. В это время оба они находились на подмосковной даче. Композитор вспомнил о написанной двумя годами ранее мелодии, навеянной летним ленинградским вечером. Михаил Матусовский набросал слова. Появилась песня «Ленинградские вечера». В фильме она должна была прозвучать на фоне пейзажей Подмосковья, где спортсмены отдыхали на спортивной базе перед стартами. Матусовскому пришлось заменить слово «ленинградские» на слово «подмосковные». Композитор также доработал старую мелодию. Получилась новая песня — «Подмосковные вечера». С ней авторы и приехали в Москву.

Работникам киностудии песня не понравилась — слова показались скучными, а музыка заунывной и не очень выразительной. Но песню все-таки в фильм взяли, так как создать другую уже не было времени.

ИСТОКИ

Исполнить «Подмосковные вечера» предложили популярнейшему в то время певцу Марку Бернесу. Музыка певца впечатлила, а слова не понравились. Он даже посмеивался над ними. Тогда кинематографисты обратились к солисту Большого театра Евгению Кибкало. Сочный баритон и открытый торжественный вокал выдающегося исполнителя не соответствовали авторской задумке — в исполнении Кибкало песне не хватало сердечной теплоты, простоты и задушевности. Этот вариант исполнения был отклонен. Песню исполнил актёр Московского художественного театра Владимир Трошин.

Фильм «В дни спартакиады» не имел популярности, и о нём скоро забыли. Но однажды фонограмма с песней попала на радио. И случилось невероятное.

Владимир Трошин записал её на радио с оркестром В.Е. Кнушевицкого в сопровождении женского хора. Как только песня вышла в эфир, на певца и радиостанцию обрушились сотни телефонных звонков. Телефоны не умолкали ни на минуту. Слушатели восхищались чудесной песней. Судьба «Подмосковных вечеров» резко изменилась, повернув в счастливую сторону. Это произошло не только благодаря простому, мягкому и сердечному пению Трошина, но и благодаря уникальной аранжировке и хоровому вокализу, придуманным талантливым Кнушевицким. В радиокomitee полетели тысячи писем с просьбами повторить песню. В течение нескольких лет ни один концерт, ни одна радиопередача по заявкам радиослушателей не обходилась без «Подмосковных вечеров». Песню полюбила вся советская страна. А вскоре её узнали и в других странах.

Композитор Василий Павлович Соловьев родился в 1907 году в Санкт-Петербурге в семье выходцев из псковских крестьян. Отец его работал дворником, мать — горничной. Псевдоним «Седой» произошёл от прозвища мальчика (так звал его отец из-за очень светлого цвета волос). В детстве Вася самостоятельно научился играть на балалайке. Потом были походы в Мариинский театр, куда его водил сосед виолончелист. Там подросток слышал Ф.И. Шаляпина в операх «Борис Годунов» и «Севильский цирюльник». Однажды, увидев в кинотеатре пианино для тапера, сопровождавшего показ немого кинофильма, Василий стал подбирать различные мелодии и вскоре научился хорошо играть на фортепиано. В 1931 году весь класс музыкального техникума, где он учился, перевели в Ленинградскую консерваторию. Через пять лет молодой композитор уже писал музыку в разных жанрах. Много сочинял для кино (озвучил более 40 фильмов). Но во

второй половине 1930-х годов сосредоточился на жанре лирической песни. Перед войной в Ленинграде и Москве прошли премьеры балета Соловьева-Седого «Тарас Бульба».

Когда началась война, он организовал и возглавил театральную фронтовую бригаду «Ястребок», с которой отправился на Калининский фронт под Ржев. В эвакуации жил в Чкалове (Оренбурге). Познакомился с поэтом А.И. Фатьяновым, ставшим его другом и постоянным творческим партнером. За годы войны Соловьев-Седой написал около 70 песен, принесших ему всенародную славу. «Вечер на рейде», «На солнечной поляночке», «Соловьи», «О чем ты тоскуешь, товарищ моряк?», «Не тревожь ты себя, не тревожь», «Услышь меня, хорошая», «Матросские ночи», «Потому что мы пилоты», «Пора в путь-дорогу» (две последние стали народными). Эти песни мы помним и любим до сих пор.

В начале пятидесятых годов композитор пишет оперетты («Верный друг» и другие), которые с успехом идут в различных театрах. Оперетты «Шельменко-денщик», «Восемнадцать лет», «У родного причала» были экранизированы.

Соловьев-Седой писал музыку и для театров. После войны создал музыкальные произведения к десяти спектаклям, поставленным в разных театрах страны. Наиболее популярной стала музыка к спектаклю по поэме А.Твардовского «Василий Тёркин». Спектакль был поставлен на сцене Театра имени Моссовета. Затем эта композиция шла более чем в тридцати театрах страны.

В 1955 году он написал самую популярную строевую песню Советской Армии «В путь» (А для тебя, родная, есть почта полевая...) Затем появилась на свет любимая песня советских ветеранов «Где же вы теперь, друзья-однополчане?» А в 1956 году — «Подмосковные вечера», ставшая музыкальным символом СССР для всего мира. Эта лучшая из почти 400 песен, написанных Соловьёвым-Седым, посвящена Москве, хотя сам Василий Павлович жил и работал в Ленинграде. Следом за песней «Если бы парни всей земли» родились последние шедевры композитора — «Вечерняя песня» (Город над вольной Невой) — неофициальный гимн Ленинграда и «Течёт река Волга», которую великолепно исполняла Людмила Зыкина.

В семидесятые годы много ездивший по стране композитор создал несколько монументально-песенных циклов — «Северная поэма» (на материале народных песен), «Светлая песня» и «Мои современники». И циклы романсов на стихи Пушкина и Есенина. Последнюю свою работу — мюзикл «Теремок» по сказке С.Маршака Василий Павлович дописать не успел.

Истоки музыкального стиля Соловьёва-Седого лежат в русских народных песнях, городской песне и городском романсе начала XX века.

Прижизненные тиражи грампластинок композитора были огромными — 2,5 млн. экземпляров. Его песни исполняли ведущие артисты советской эстрады: М. Бернес, В. Бунчиков, Г. Отс, Э. Пыха, В. Трошин, Л. Утёсов, Э. Хиль, К. Шульженко, Л. Зыкина и другие.

Он ушёл из жизни в 1979 году. Похоронен в Ленинграде на Волковском кладбище.

В 1982 году в честь В. П. Соловьёва-Седого была выпущена почтовая марка «Почты СССР». Его именем с 1981 по 2001 год назывался Эстрадно-симфонический оркестр Ленинградского телевидения и радио. А в 2007 году Банк России выпустил серебряную монету, посвященную композитору.

В том же, 2007 году, когда Соловьёву-Седому исполнилось 100 лет, администрация Санкт-Петербурга, где родился и жил композитор, материально мероприятие в честь этого события не поддержала, всё делалось на голом энтузиазме почитателей его таланта. В Москве состоялся концерт в Зале П. И. Чайковского с «Вивальди-оркестром». В благодарность за участие на баннере разместили портрет руководительницы оркестра, а не композитора. Певцы и актеры — 82-летний В. Трошин, 92-летний В. Зельдин, И. Скляр, М. Леонидов, А. Кортнев — выступали бесплатно. На концерт в Кремле Министерство культуры РФ выделило 300 000 рублей (это гонорар И. Кобзона за одно его выступление). И здесь юбилей прошёл также благодаря энтузиазму почитателей большого таланта композитора.

К сожалению, сегодня имя народного советского композитора мы слышим весьма редко. Увы, в России до сих пор не существует и его памятника.

Поэт Михаил Львович Матусовский родился в семье фотографа в Луганске в 1915 году. Первые стихи опубликовал в местной газете, когда ему ещё не было 12 лет. Закончив строительный техникум, недолго работал на стройке. Затем направился в Москву поступать в Литературный институт. Там он вошёл в круг молодых литераторов, среди которых были будущие известные поэты В. Луговской и К. Симонов. Два года до начала войны учился в аспирантуре на кафедре древнерусской литературы, написал кандидатскую диссертацию, но защититься не успел (защита прошла без него).

На фронт Матусовский ушёл на второй день войны. Служил военным корреспондентом в газетах Западного, Северо-Западного, Второго Белорусского фронтов. Во фронтовых га-

---

зетах публиковал свои стихотворные фельетоны и частушки. Прошёл через многие жестокие испытания, но продолжал писать стихи, в которых рассказывал о героях фронта и тыла. Служа на Западном фронте, защищавшем Москву, получил тяжёлое ранение в ногу. После лечения в госпитале снова ушёл на фронт и находился в армии до последнего дня войны.

В 1948 году был издан сборник его стихотворений «Слушай Москву», а через три года сборник «Улица мира». После появления на свет песен «Школьный вальс» и «Подмосковные вечера» (1960-е годы) он стал известен всей стране. «Подмосковные вечера» — самая тихая и самая нежная песня М. Матусовского, активно и громко откликнувшегося на все основные события советской эпохи.

Тексты, написанные поэтом для лирических песен, отличаются особой доверительной интонацией, элегическим или ироническим настроением. Они сюжетны и образны одновременно.

Работая над песенными текстами, поэт старался, чтобы мелодия звучала внутри стихотворных строк. И стремился сделать значимым каждое отдельное слово. О своей работе он говорил так: «Песня требует хрестоматийной простоты, акварельности красок, соразмерности всех частей, органичности перехода запевы в припев, полной естественности и непосредственности».

М. Матусовский писал тексты песен к самым разным фильмам — комедийным, драматическим, многосерийным, короткометражным, художественным и документальным. Назову лишь некоторые из них — «Испытание верности», «Весна на Заречной улице», «Идиот», «Неподдающиеся», «Девчата», «Тишина», «Щит и меч». Любимые в народе песни «На безымянной высоте» и «С чего начинается Родина» стали отражением судьбы целого поколения советских людей.

В шестидесятые годы поэт также написал сценарии документальных фильмов «Рабиндранат Тагор» и «Мелодии Дунаевского».

Чудесный романс «Белой акации гроздь душистые» из кинофильма «Дни Турбиных» и сегодня поют многие наши соотечественники.

В советское время его песни любили исполнять многие выдающиеся эстрадные певцы. «Балладу о солдате» великолепно пели С. Захаров и Э. Хиль, «Берёзовый сок» и «Вологду» — ВИА «Песняры». «Вместе весело шагать» и «Летите, голуби, летите...» — Большой Детский хор Гостелерадио. «На безымянной высоте» — Ю. Гуляев, Л. Барашков, Э. Хиль. «С чего начинается Родина» — М. Бернес. «Старый клён» — Л. Лещенко. «Школьный вальс» — М. Пахоменко. «Это было недавно» — О. Анофриев.

В 1977 году советскими астрономами в честь М. Матусовского назван астероид главного пояса 2295. Скончался поэт в 1990 году. Памятник ему стоит в Луганске. Его портрет помещён на первой почтовой марке Луганской Народной Республики.

Летом 1957 года песня «Подмосковные вечера» прозвучала в Москве на Всемирном фестивале молодёжи и студентов. Десятки тысяч слушателей были покорены искренностью лирической интонации, простотой русской поэтической речи и прекрасной музыкой. Свыше 30 000 участников из более чем 100 стран мира увезли к себе на родину не только прекрасные воспоминания о фестивале, но и удивительную песню «Подмосковные вечера».

Соловьёв-Седой удостоился Первой премии и Большой Золотой медали за участие в песенном конкурсе. После фестиваля пеню запели везде и всюду. К ней пришла настоящая всенародная слава.

В апреле 1958 года на Первом Московском международном конкурсе имени П.И. Чайковского одним из участников был американский пианист Ван Клиберн. Высокоодаренный музыкант получил первую премию и Золотую медаль. Высокие награды ему вручал наш великий композитор Дмитрий Шостакович. Выступление его было феноменальным. Сразу после этого он отправился в турне по городам Советского Союза. Дал концерты в Ленинграде, Риге, Киеве, Минске, Баку, Ереване, Тбилиси и 10 мая вернулся в Москву. Во время триумфальной поездки по городам нашей родины он не раз слышал красивую лирическую песню «Подмосковные вечера», которую ему как-то сыграл на рояле Соловьёв-Седой. Ван Клиберн оценил великолепную песню и, навсегда её запомнив, взял в свой репертуар.

11 мая в Большом зале Московской консерватории состоялся его заключительный концерт. В прямом эфире шла трансляция по телевидению. Публика была в восторге и долго не отпускала музыканта со сцены. Наконец возникла небольшая пауза, и в наступившей тишине музыкант вдохновенно заиграл свою фортепианную импровизацию «Подмосковных вечеров», наполненную гармонией, молодой энергией и проникновенным лиризмом. Это была новая — нежная и пламенная — версия уже хорошо известной в СССР песни. Аплодисменты переросли в бурные овации, напоминающие раскаты грома. Зрители таяли от восторга, зал рыдал, миллионы телезрителей плакали дома возле своих телевизоров.

Ван Клиберн увез полюбившуюся ему песню в США. Так «Подмосковные вечера» окончательно вышли на мировую арену.

После конкурса Чайковского с 1960 по 1972 год Ван Клиберн четырежды приезжал в Советский Союз, выступал в Москве, Ленинграде, Киеве, Минске, Новосибирске, Сочи, других городах Союза, часто исполняя любимую ему песню.

Песня «Подмосковные вечера» ушла в народ и стала очень популярной не только по всей советской стране, но и за рубежом.

Широко звучала она на советской выставке в Нью-Йорке в 1959 году. Американцы встретили её как доброго друга, так как уже были знакомы с ней благодаря Вану Клиберну.

В 1960 году по просьбе президента Индонезии Сукарно песню исполнила для Генерального секретаря ЦК КПСС Никиты Хрущева, посетившего Индонезию с официальным визитом, певица Титик Пуспа. Она пела на русском языке.

Год спустя в Брюсселе открылась Всемирная выставка, на которой в числе других советских коллективов выступал Краснознаменный Ансамбль песни и пляски Советской Армии имени А.В. Александрова. Главной песней в его репертуаре была «Подмосковные вечера», которой открывались и закрывались концерты советского искусства. «Подмосковные вечера» ансамбль имени Александрова исполнял и на многих других мировых и отечественных мероприятиях.

Известный советский музыковед А. Сохор в своей книге о композиторе Соловьеве-Седом рассказывает, как некий предприимчивый английский музыкант — руководитель джаза, отдыхая в Италии, услышал по радио мелодию «Подмосковных вечеров». Она так ему понравилась, что он записал её на коробке сигарет и тотчас, прервав свой отдых, отправился в Англию. В самолете он сделал аранжировку песни, и она зазвучала в его джазовом концерте уже на следующий день.

У французов есть своя версия «Подмосковных вечеров» под названием «Время ландышей».

В 1963 году в Москве к Всемирному конгрессу женщин были выпущены пластинки с записями песни на английском и французском языках. Обе версии исполнил советский певец Георг Отс. А в 1964 году народный артист СССР Анатолий Соловьяненко спел «Подмосковные вечера» на итальянском языке в песенном конкурсе «Неаполь против всех» и получил там Вторую премию. Итальянская газета «Paese Sera» назвала успех советского певца «невообразимым и из ряда вот выходящим». Это также способствовало распространению песни по всей Европе.

Первые такты мелодии песни с 1964 года стали звучать в качестве позывных сигналов радиостанция «Маяк». Каждые полчаса (48 раз в сутки!) звучат они на «Маяке» и сегодня. До конца XX века этой мелодией заканчивался каждый час эфира радиостанции «Голос России», вещавшей на английском языке.

В 1965 году по «Подмосковным вечерам» в Советском Союзе сняли мультфильм «Песня летит по свету». На протяжении всего фильма за кадром звучит эта песня на русском, французском, испанском и немецком языках. Мелодию песни также мы можем слышать в фильме «Иван Васильевич меняет профессию» (1973).

Советский поэт-песенник Евгений Долматовский в своей замечательной книге «Рассказы о твоих песнях» сообщает нам о том, что «Подмосковные вечера» пели в Нигерии всадники на арабских скакунах, прибывшие из пустыни Сахара. А после того как советские специалисты, строившие металлургический комбинат в Бхилаи возле города Бангалора, познакомили индусов с нашей песней, её запели по всей Индии. Моряки, под различными флагами прибывавшие в датский Копенгаген, окликали друг друга «Подмосковными вечерами».

За 60 лет существования песни для неё сделано множество аранжировок в различных жанрах. Одна из наиболее известных — джазовая версия Кенни Болла «Midnight in Moscow» (1961). В издании к 25-летию юбилею альбома «Fireball» рок-группы «Deep Purple» также используется мелодия «Подмосковных вечеров». В альбоме немецкой группы «U.D.O. Holy» в песне «Shout it Out» в качестве соло звучит советская мелодия. В альбоме «Оптимизм», вышедшем в 1985 году, группа «Гражданская оборона» также использовала мелодию «Подмосковных вечеров» в песне «Кленовый лист» в качестве соло.

В 1997 году вышел музыкальный фильм «Десять песен о Москве», состоящий из десяти клипов, посвящённый 850-летию юбилею столицы. В него был включен клип Валерия Меладзе на песню «Подмосковные вечера».

«Подмосковные вечера» переведена на многие языки — итальянский, французский, английский, испанский, шведский, венгерский, китайский, японский, финский, иврит, вьетнамский и другие.

В 1980 году Всемирная служба Московского радио, вещающая на английском языке, выяснила, какие из русских песен слушатели разных стран считают самыми популярными в мире. Жители Великобритании, Австралии, Африки,

---

Канады, Юго-Восточной Азии, США назвали «Катюшу», «Калинку» и «Подмосковные вечера».

В конце второго тысячелетия радиостанция «Маяк» попросила слушателей назвать десять самых лучших песен XX века. В эту десятку безусловно вошла песня «Подмосковные вечера».

В 2014 году в праздничном концерте на Красной площади «Подмосковные вечера» исполнили звёзды мирового вокала Д. Хворстовский и А. Нетребко.

Найти объяснение широчайшей популярности «Подмосковных вечеров» во всем мире достаточно сложно. Возможно, иностранцы пытаются понять с помощью нашей песни загадочную русскую душу, выявить причины величия нашей Родины, объяснить себе и другим душевность и открытость наших соотечественников. И как бы ни исполнялась великая наша песня за рубежом, всегда она связана с душевной красотой и чувственными переживаниями, с тихим счастьем двух молодых влюбленных.

Советский композитор Дмитрий Кабалевский так сказал о феноменальной песне: «Эта песня строится на знакомых нам интонациях, и в этом — огромная удача композитора. Надо уметь слушать голос времени, песня должна опираться на знакомое уху человеческому... Дело таланта, чутья и мастерства композитора улавливать и использовать интонационный строй эпохи, писать такую музыку, чтобы она была понятна народу, доставляла удовольствие, воспитывала вкус, пробуждала к жизни добрые и светлые чувства».

Там, где звучат «Подмосковные вечера», происходит своеобразная редакция текста — исполнителям хочется считать эту песню рождённой на их малой родине, и они заменяют слово «подмосковные» на «астраханские», «ленинградские», «краснодарские», «наши курские» вечера.

Мелодию песни знают не миллионы, а миллиарды жителей планеты. Её поют все народы. По количеству исполнений эта песня занесена в Книгу рекордов Гиннеса. Какая другая песня может соперничать в известности с нашими любимыми «Подмосковными вечерами»?

«Подмосковные вечера», став визитной карточкой СССР, а затем России, затмила собой за рубежом даже легендарный романс «Очи чёрные».

Разлетевшись по всему миру, эта песня перестала принадлежать авторам. «Подмосковные вечера» — всеобщее достояние песенной мировой культуры.

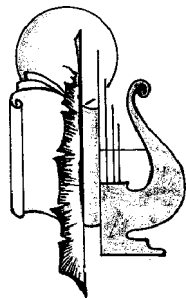
«ПРОЩАНИЕ СЛАВЯНКИ»

Как известно, любое музыкальное произведение является уникальным феноменом культуры, который несет в себе символы и смыслы, присущие национальному самосознанию. Именно такие произведения получают особое значение и рассматриваются как культурные ценности, актуальные для каждого нового поколения людей.

Всё это по праву можно отнести к знаменитому маршу «Прощание славянки», написанному композитором В.Агапкиным в 1912 году под впечатлением событий Балканской войны.

Изначально этот военный марш отражал идею братства славянских народов и величия русского духа. Он предлагал характерное для русского национального самосознания понимание войны как борьбы «за правое дело» (дело за освобождение братских народов из-под турецкого ига) и мыслимую в христианском ключе победу над смертью через самопожертвование.

По сути дела, в данном музыкальном произведении нашла свое отражение идея «панславянизма», которая волновала многих

ИСТОКИ

старших современников композитора. Согласно данной идее, славянские народы должны были объединиться в одно союзное государство на основании этнической и языковой общности. Поэтому сама музыкальная палитра марша предполагала и осознание военным человеком своего долга, и горечь расставания с близкими, и трагизм подвига, и долгожданный триумф, который рассматривался как достижение единства народов, связанных общей верой, историей и традициями.

Поэтому данное музыкальное произведение сопровождало наших соотечественников всю трудную историю XX столетия. Марш получил широкую популярность в годы Первой мировой войны, начало которой было связано со стремлением России защитить братьев-сербов. С новой силой марш зазвучал в СССР в годы Великой Отечественной войны, а после войны стал одним из символов Победы над фашизмом, одержанной советским народом.

Свое особое значение «Прощание славянки» получил и в современный период, связанный с утратой единого государства, произошедшей после развала СССР. В этот период разъединенными оказались уже не просто славянские народы: в разных государствах стали проживать славяне, составлявшие когда-то древнерусскую этническую целостность, — русские, белорусы и украинцы. Большое количество русских людей также оказалось за границами России — в республиках бывшего СССР или в других странах.

Как это ни парадоксально, но отчасти преодолеть эту «величайшую геополитическую трагедию» XX столетия людям помог военный марш «Прощание славянки», который стал в эти годы настоящим гимном Русского мира, хранящим в себе память об утраченном величии страны. Гимном объединения и залогом будущей русской Победы.

При этом «Прощание славянки» официально так и осталось просто одним из военных маршей. В 1992 году при выборе гимна Российской Федерации М. Ростропович и И. Бродский предлагали в качестве него использовать данный марш, однако их предложение не нашло поддержки во властных структурах. Но, возможно, это обстоятельство послужило во благо данному музыкальному произведению. «Прощание славянки» стал «народным гимном», что гораздо важнее.

В 90-е годы XX века был предложен новый вариант слов для марша и произведение стало исполняться как песня такими музыкантами, как Жанна Бичевская, Татьяна Петрова, солистами Кубанского казачьего хора и др. Популярность приобрел текст А. В. Мингалева с рефреном «Встань за веру,

---

русская земля», в котором как раз нашли свое отражение идеи гибели великой страны:

*Высоко ты главу поднимала,
Словно солнце твой лик воссиял.
Но ты жертвою подлости стала,
Тех, кто предал тебя и продал.*

Однако данная песня заканчивалась не просто надежной на преобразование страны, а верой в ее великое будущее, призывом к соотечественникам объединиться и «вернуться в лоно своей истории»:

*Все мы дети Великой державы,
Все мы помним заветы отцов:
Ради Родины, чести и славы
Не жалея ни себя, ни врагов!
Встань, Россия из рабского плена,
Дух Победы зовёт — в бой пора!
Подними боевые знамена
Ради Веры, Любви и Добра!*

Как известно, ярким событием в российском кинематографе 2004 года стал фильм режиссера Владимира Хотиненко «72 метра». Рабочее название этой картины «Прощание славянки». В центре сюжета судьба советских офицеров с судна «Славянка», которые несмотря на все перипетии, сложившиеся в стране после развала СССР, продолжают служить своей Родине. Ключевая сцена кинофильма — отказ офицеров присягать на верность новому украинскому государству в Крыму и добровольный уход их с военного плаца под звуки марша «Прощание славянки».

Несмотря на весь трагизм сюжета картины, она внушает зрителям надежду на возвращение русских в Крым и веру в возможность преодоления сложившейся ситуации. Самое удивительное, что через 10 лет состоявшаяся в Крыму «Русская весна» воплотила эти надежды в реальность. И символом возвращения России в Крым стал марш «Прощание славянки», который звучал в эти дни на полуострове повсеместно.

Заметим, что на Майдане образца 2013—2014 гг. очень часто можно было услышать гимн современной Украины «Ще не вмерла України», имеющий польско-малороссийское происхождение. Минорная тональность данного гимна, его медленный темп, несколько заунывное исполнение, а также текс-

---

товый смысл абсолютно противоположны мажорной торжественности «Прощания славянки».

По сути, два этих музыкальных произведения как бы воплощают в себе два различных идеологических направления — одно из них воодушевлено стремлением к объединению Русского мира, органичной частью которого является и украинская культура, а другое провозглашает идеи разъединения и борьбы с теми, кто мешает воплощению представлений о свободе и независимости Украины как государства, чуждого всему русскому. И именно в музыке, названной когда-то А.Ф. Лосевым искусством воплощенной и преображенной мысли, нашли свое яркое отражение два этих противоположных пласта миропонимания.

Таким образом, мы можем заключить, что «Прощание славянки» является важным произведением русской культуры, которое имеет особое значение на современном этапе развития нашего государства. Сегодня этот марш стал своеобразным символом Русского мира, музыкально воплотившим стремление к созиданию на новых началах Великой России.

ПТИЦЫ НЕБЕСНЫЕ ИВАНА ВЕНЕВЦЕВА

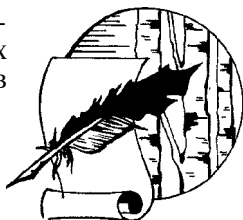
О казачьем романе-эпопее «Урал — быстра река»

...Робко поднимается поваленная дождём трава. Расправляя крылья, сушатся на солнце вороны, грачи, галки — все, застигнутые дождём в открытом поле и промокшие насквозь в своём убежище. Сейчас они не могут летать, их можно ловить руками. Пернатые хищники бьют их насмерть...

Первое чувство, которое испытываешь, открыв роман Ивана Веневцева, — это восторг; чувство, с которым закрываешь книгу, — горечь. Наверное, в этом и есть жизнь — её выпуклое и одновременно нутряное ощущение, в которое погружаешься, которому отдаёшься до конца.

Оно тем заметнее, тем ошутимее, что сами мы живём во времена «имитации жизни». То есть каждый из нас проживает всерьёз свою единственную и настоящую жизнь, а все вместе — страна, общество — занимаемся имитацией жизни. Уже без малого тридцать лет.

Вот и война пришла в наш дом, но как-то тихо, тайком. Убивает детей и стариков Донбасса, убивает лучших русских сынов, как до этого убивала в Чечне и в Москве, в Беслане и Волгограде...

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АРХИВ

А мы всё пытаемся вдохнуть жизнь в мёртвые, а то и вовсе убийственные для русского человека формулы, всё пытаемся разносить одёжку с чужого плеча — уже скоро до кости шкурёнку изотрём — а всё не приходится немецкое полукафтанье на русскую статью.

Сгорбились, поникли, приуныли русские люди перед новым лихом. А уж какого, казалось, лиха только не посылал Господь народу нашему в минувшем веке. Когда жизнь не была имитацией — когда она была, ломала, коверкала наотмашь, когда в сабельных атаках сшибались одна правда с другой, напрочь позабыв про примиряющую в Себе все правды человеческие предвечную Истину — Христа!

Что тут скажешь — и там не сладко, и здесь воротит.

И вот в этом унынье — литературном, идейном, смыслополагающем, как глоток свежего воздуха, как братина живой воды, что хранилась до срока, — прозвучал голос Оренбургского казачества, того, родового, векового.

Будто ответ на вопрос русской эмиграции — когда буря уже отбушевала, и историческая Россия ушла, закрылась красными туманами, отгородилась железным занавесом — вопрос, заданный поэтом-эмигрантом Анатолием Штейгером:

*У нас не спросят: вы грешили?
Нас спросят лишь: любили ль вы?
Не поднимая головы,
Мы скажем горько: — Да, увы,
Любили... как ещё любили!..*

Казачий роман-эпопея Ивана Веневцева, написанный в Карагандинском пересыльном лагере более полувека назад, именно о любви. Потому что единственное, что по-настоящему движет сюжет произведения — это любовь главного героя, Мишки Веренцова, к брату и к женщине. То есть — да, внешним, страшным, погибельным фоном повествования становится созревание Русской Смуты и последующей Гражданской войны, гибель Оренбургского казачества и самого тысячелетнего уклада русской жизни. Но... роман всё-таки о любви.

В общем-то, понятно — почему автор одушевляет именно эту сторону жизни своего героя, по справедливому замечанию критиков — глубоко автобиографичного. Мишка Веренцов — красивый и чрезвычайно богато одарённый от природы молодой оренбургский казак — вступает в этот мир в «его минуты роковые». Не успев созреть ни духовно, ни даже в полной мере физически для бурь начала XX века.

Призыв «За Веру, Царя и Отечество» не для него. Вера (и не только для него одного) ютится где-то в неприхотливой и посещаемой уже больше по инерции станичной церквушке, которая с наступлением «новых времён» и вовсе опустеет; Царь — то ли сам отрекается от престола, то ли его вынуждают, чтобы потом осквернить всю землю русскую грехом цареубийства; Отечество — ограничивается окраинами губернского Оренбурга, а потом и родной станицы, чтобы навсегда развеяться в голых киргизских степях Голодного похода Оренбургской армии.

В этом вихре и грозе небесной остаются лишь две несомненные правды, которым Мишка может довериться без колебаний: правда его старшего, глубоко любимого и почитаемого брата Дмитрия и правда его собственного сердца. Первая увлекает его на путь сопротивления стихии Революции, в ряды Белой армии, вторая наполняет смыслом порушенную и взбаламученную жизнь.

Его брат, казачий офицер Дмитрий Веренцов, напротив, успевает созреть как личность до начала смутных и грозных времён, он твёрдо знает, что казачеству с большевиками не по пути, что все посулы и обещания новой власти — красивая обёртка, в которой таится смерть всего того, что он любит, чем дорожит, за что, в конце концов, готов отдать (и не раздумывая отдаёт) свою молодую жизнь. Для него всё ясно — или мы, или они.

Мишка — не такой, у него нет этой односторонности и ослеплённости брата, поэтому он (а через него и читатель) могут видеть и нелицеприятные стороны Белого движения, и те очень значимые «подробности жизни», которые предопределяют исход междоусобной бойни на Руси.

Этот онтологический зазор, в котором пребывает и из которого смотрит на взвихренную жизнь молодой Веренцов, позволяет автору дать максимально объективную картину происходящего в Оренбуржье. Конечно, говоря о казачьем романе-эпопее, нельзя не сравнить произведение Веневцева с бессмертным «Тихим Доном» Шолохова — и вот в чём. Донской писатель в своём эпосе даёт равное право и «красной» и «белой» правде, голоса той и другой звучат вполне полномерно и убедительно. «Урал — быстра река», конечно, в большей степени несёт читателю «белую правду», что совершенно объяснимо — произведение-то автобиографическое, и в нём воспроизводится жизненный путь самого автора, участника Белого движения и Голодного похода Оренбургской армии, прошедшего впоследствии (как и большинство его уцелевших в Гражданской войне товарищей) ещё и этапы ГУЛАГа (печально знаменитый Карлаг, Карагандинский лагерь).

Поэтому «красная правда» в романе не персонифицирована, её конкретных носителей (за исключением нескольких проходных персонажей) у Веневцева нет. Но — любопытно — и остроумно взгляду Мишки Веренцова открываются многие неприметные стороны Белого движения, в которых, как выясняется, таится его будущее поражение.

Спичка, перед тем, как погаснуть навсегда — вспыхивает с необычайной яркостью и силой. Так и довоенная, дореволюционная жизнь оренбургского казачества вспыхивает на первых страницах романа в своём прощальном, красочном великолепии:

«В свадебные и праздничные кутежи на улицах рискованно появляться, особенно в масленицу. Всё несётся в бешеной скачке, не разбирая дороги и углов, всё кричит, вываливается из саней, сваливается с коней, снова вскакивает и снова несётся, обгоняя друг друга. Там скачет верблюд, впряжённый в паре с коровой, они тащат плетень или воротное полотно с сидящим на нем народом. В кругу водка и закуска, все пьяные и пьют ещё. Пьяный кучер верхом на верблюде или корове завозит эту честную компанию в снежный сугроб, все переворачиваются, сваливаются вместе со своим столом в общую кучу. Трещат ребра, ломаются руки, женщины сверкают недозволенными местами. Дикий, гомерический смех, шутки...»

Такая щедрая, бесшабашная и праздничная жизнь казачков-землепашцев могла бы выглядеть чудовищным контрастом на фоне привычных за последнее столетие исторических агиток и картин передвижников об «ужасающем быте» русского крестьянства, поэтому автор сразу оговаривает, откуда и какой ценой доставались эти особенности казачьего быта:

«Ни вольная земля, ни привилегии не давали богатства казакам. Уходя на службу в мирное или военное время, казак обязан был приобрести коня с седлом, шашку, пику и всё обмундирование. Это стоило более двухсот рублей, как четыре крестьянских коня или шесть коров. Если казак собирал в полк двух-трёх сыновей, он разорялся. Сбор в армию и отбывание воинской повинности до сорокапятилетнего возраста: караул у денежного ящика, у арестной камеры, конвоирование арестованных — через четыре недели в пятую — отменила только революция...»

Так Оренбургское казачество вступало в Первую мировую войну, войну, которая похоронит три великие христианские империи Европы и отворит дверь в наш мир двум политическим, но не онтологическим антагонистам — коммунизму и фашизму.

Тем временем война на Западном фронте, начавшаяся лихим кавалерийским рейдом в Восточную Пруссию генералов Самсонова и Ренненкампа, затягивалась:

«Нерадостные были фронтовые дела, да и война-то всем надоела. Народ уже интересовался не тем, что сообщалось о победах, если бы они даже и были, а тем, не написано ли что-нибудь в газетах об окончании войны. У всех было на языке: «Когда же мир, не слышно ли что о мире?» А другие шептали: «Мир в вас самих, *мир в серых шинелях ходит*». Намекалось на неподчинение приказам идти на фронт, намекалось на революцию...»

А вот как семья Веренцовых узнаёт о февральском перевороте в Петрограде:

«Степан Андреевич ходил по полу, потирая холодные руки. А когда доходил до передней стены, где около стола стояла Елена Степановна, та с каждым разом пятилась подальше за печку, чуть-чуть поворачиваясь в сторону мужа, боялась.

Опасное, неловкое положение матери спас Мишка. Он вбежал со двора, куда только что пригнал коней с водопоя, закрыл двери и вкрадчиво сказал:

— Тятя, все люди говорят, что царя сменили и на его месте пока никого нет... Да не маши рукой. Вот сейчас на прорубях казаки говорили, вчера из города газеты привезли и читали.

— Язык надо под корень отрезать, кто говорит, — возразил Степан Андреевич. — Ну, если бы нашёлся какой дурак сменить, то сейчас другой был бы: ну, Николай Николаевич или ещё кто, а то — никого нет. *Да как же мы-то сейчас с тобой живём без царя? Ведь это же, что без Бога...* Нет, сынок, ты не верь бабским словам. Вот оне, черти лупоглазые, — показал Степан Андреевич на жену, — сейчас мне тоже сказывали, что Агафья им говорила. Ну уж если Агафья сказала, то, значит, правда, — горько улыбнулся он. — Ну, вот уж кума дождёмся из города, он привезёт газету. Посмотрим, что это за музыка...»

Между тем, в жизнь Михаила Веренцова врывается любовь, одна, главная — причём здесь опять же трудно избежать сопоставления с «Тихим Доном». Если роковое чувство Григория и Аксиньи — губительно для них обоих, то страсть Галя к Мишке Веренцову губительна прежде всего и в первую очередь для неё самой (хотя характерно, что и в том, и в другом романах гибнут именно героини).

«Прожила она с мужем всего два месяца. В четырнадцатом он ушёл на фронт и в том же году был убит. Галя искренно переживала его смерть, тем более что только начала входить во вкус семейной жизни. Но время шло, и горе постепенно раз-

---

мывалось. К ней многие сватались, но чувства Гали как будто заморозились. И только в станице при встрече с Мишкой с неё внезапно спали какие-то путы, мешающие ей жить. Всея молодой страстью она потянулась к его свежести и силе».

Чувственное влечение молодой женщины, которую только-только разбудили в самых потаённых и страстных её основаниях, подпитывается ещё и «интеллектуальной пищей».

«Мишка сел к столу, где лежало несколько книг, взял верхнюю с тиснением на обложке «Ги де Мопассан». «Ого, — подумал он, — поневоле на стену полезешь. Я этого автора знаю». Чтобы не смущать хозяйку, взял другую. Подошла Галя, села напротив».

Несмотря на тотальное снижение «порога нравственности», вызванное в народе войной и Революцией (а в просвещённом сословии усугублённое ещё и демонстративной половой разнузданностью декадентства), своё будущее с казаком Мишкой приезжая Галя видит не иначе как в супружестве, и довольно быстро заговаривает с ним о свадьбе. Тем не менее, Михаил свою судьбу отдельной от судьбы казачества не представляет — ни за приказчичьей конторкой, ни в серой мужичьей шинели. А Гале поясняет незаметные в пылу чувственных сумерек особенности своего сословного быта:

«Ведь ты нас вот такими видишь, Галя, только на праздники, дома, а посмотрела бы в поле — под пылью не узнала бы никогда. Там у нас только одни зубы белеются. Наши бабы сручные к работе: вилы возьмёт, черенья не терпят — ломаются, на жнейку сядет — сваливает, как мужчина. Наша баба любого городского мужика поборет, да ещё через себя, проклятая, норовит бросить, язвы её. Если взять тебя в поле, то за неделю с тебя весь лоск слезет, люди узнавать не будут...»

Тем не менее, о свадьбе они говорят всерьёз (тем более что молодая вдова, как выясняется, богата).

Очень характерен эпизод с приездом отца Гали в станицу, она настолько счастлива в своём новом чувстве, настолько поглощена им, что боится любого изменения, способного нарушить это безоглядное счастье.

«Вдруг сзади кто-то закричал: «Галечка, Галечка, милая!»

С выступившими на лице бисеринками пота Галя оглянулась — к ней подбегал вышедший из-за угла отец. Она необъяснимо боялась приезда (воскрешения! — А.Ш.) мужа, и только тут облегчённо вздохнула и бросилась на шею отцу...»

Вопреки кажущейся беззаботности Мишки Веренцова в делах амурных (а на каждом повороте и даже просто изгибе его судьбы в жизни молодого красивого казака будут неиз-

---

менно «подворачиваться» молодые красивые женщины, и он даже как-то незаметно для себя и для читателя женится и народит детей) — расставание с Галей героиней романа переживает тяжело.

«Тоска, галлюцинации лишили его сна, аппетита. Как когда-то в детстве, он заболел, и опять у него была горячка. Он пролежал около месяца».

Но молодость берёт своё, и на выздоравливающего казака кладёт глаз юная замужняя киргизка. Вообще эта линия в романе, где описывается бесхитростный быт и нравы ближайших соседей оренбургских казаков — киргизов — особенно поэтична и свежа. Что неудивительно, ведь до Веневцева в художественной форме описания их степной жизни есть, пожалуй, только у Лескова в «Очарованном страннике».

«Тем временем хозяйка кибитки уже вырвала повод коня и тащила Мишку с седла за брюки, захватив их с телом.

— Ай, пожалуйста, Мишка, айда кибитка. Кулумгарейка узнает: ты не пошёл кибитка, бить меня будет, скажит, звать не умела, — пересыпая слова матерщиной, старалась блеснуть знанием русских слов Балкуньы».

Писатель весьма тонко подмечает многие особенности психологии этого народа.

«Мишке нравились проказы этой повеселевшей молодой азиатки, он смеялся и целовал её, но *она не знала поцелуев и на них не отвечала*».

Или в другом месте:

«— Тебя в той комнате угощали? — спросил он.

— Нет, не угощал, торка обед кушал, шай не давал, — пояснил гость.

Мишка рассмеялся. Он знал, что киргизы очень любят чай, а обед почти не считают за угощение. Он попросил мать угостить Кулумгарея чаем».

А дела в стране идут всё страшнее и «интересней». Недолго пановавшее Временное правительство свергают большевики, о коих в станице до сих пор никто ни слухом, ни духом не ведывал. Разговоры же о них никого не оставляют равнодушными. Более других знающий «предмет» Дмитрий Веренцов растолковывает младшему брату:

«...Большевики — это такие люди, которые хотят уничтожить казачество, уничтожить церкви, уничтожить религию, уничтожить частную собственность и семейность. Ну, в общем, чтобы все жили на одном дворе и в одном бараке, мужчины — отдельно, женщины — отдельно, и чтобы никто не знал своих детей и супружества; чтобы всё было общее: жёны, дети, одежда, пища и прочее...»

Вместе с войной и Революцией в жизнь оренбургских казаков входят совершенно невиданные до сих пор понятия, такие, например, как «очередь за продуктами».

«— Смотрю, стоят, думала, разойдутся, нет, они стоят и стоят, друг другу носом в спину. Я долго смотрела, не поняла, подошла ближе, спросила, а они говорят, чо, мол, в очередь за сахаром стоим.

Так народ воспринял очереди у магазинов, впервые возникшие в семнадцатом году.

...Очереди, которые никто не видел до этого, преимущественно были за сахаром, их называли «затылок». Слово «затылок» стало нарицательным. На вечёрках, на собраниях, в церквах шутили: «Ну, становись в затылок, в затылок». Всё это было ещё диковиной».

И вот в такую-то растревоженную, но всё ещё патриархальную глушь начинают возвращаться уцелевшие на фронтах Мировой войны казаки. Профессиональный вояка, из поколения в поколение воспитанный примерами воинской доблести отцов, дедов и прадедов, казак, дезертировавший с фронта (а первыми возвращались именно они) нуждался, ой как нуждался в убедительном самооправдании. Тут-то и пришлось как нельзя кстати «миротворческая» классовая идеология большевиков, обесмысливавшая и подвиги, и жертвы казаков на войне. И хотя смертельный удар Царской армии был нанесён печально знаменитым «приказом номер один» Временного правительства, добились её, конечно же, чернявые агитаторы с ленинской «Искрой» в кармане и голове. Возвращавшимся через всю страну с Западного фронта оренбуржцам довелось послушаться таких агитаторов досыта. В родной станице, где ещё помнили о вековой казачьей доблести, их приняли, мягко говоря, прохладно, и в большинстве своём фронтовики сидели по домам.

«Заметно было, что фронтовики всем были противны, станица разбилась на два лагеря: на стариков, к которым примкнули молодые, не служившие в армии — на одной стороне и фронтовых людей — на другой. Офицеры и антибольшевистски настроенные фронтовики поддерживали стариков...»

Тем не менее, в целом казачество затаилось, ожидая если не исполнения трескучих лозунгов новой власти, то хотя бы какого-нибудь приемлемого компромисса с ней.

«Но как гром при ясном небе: разрушена статуя казака в Оренбурге на Форштадтской площади — казак на коне в полном боевом вооружении выехал на пригорок, всматриваясь в даль.

Это событие встряхнуло всех. Рушились радужные ожидания совместной, мирной жизни с большевиками. Засобирались, зашептались злобно: «Казака не надо, разломали, разбросали, значит, им всех нас не надо? Правду говорили офицеры, что они идут уничтожать нас...

...Всколыхнулось казачество, стало сливаться в один дух, рознь как клином вышибло, с часа на час ждали вспышки».

Так началось восстание Оренбургского казачества. Так началась Гражданская война для Михаила Веренцова. В освобождённом от большевиков Оренбурге молодой казак впервые увидел смерть — не тихую и спокойную по старости, не удалую и пьяную по глупости, а страшную и необъяснимую на поле междоусобной брани:

«Упавший вниз лицом раненый потянулся и повернулся с живота на бок. Из толпы вышел казак с большой рыжей бородой, добывая, выстрелил в лежащего. Тот тряхнулся всем телом и потянулся в последний раз. Группа направилась дальше, а казак-большевик остался лежать на снегу большой птицей, убитой так, мимоходом — пробуя ружьё или проверяя меткость».

Внутреннее смятение, боль недоумённого русского сердца (вспомним, как тяжело Мишка переживал расставание в Галей) гонят его на звуки выстрелов.

«Выйдя на Форштадтскую площадь, он увидел и услышал движение и стрельбу слева от зелёного базара до монастырских кладбищ. Мишку потянуло туда, он спешил, как будто искал пропавшую красавицу-смерть, но её нигде не было, и у него болело сердце от неудовлетворённого желания. *Сердце просило какого-то исцеления, может быть — пули...*»

Едва ли можно построить личное счастье на обломках разрушенного мира, но сердце, молодое любящее женское сердце отказывается в это верить, и, как бабочка на огонь, летит на голос любви и смерти. Именно так описывает Иван Веневцев трагический конец возлюбленной Михаила — Галины.

По растерзанной Гражданской войной стране Галя рвётся к своему любимому, пользуясь любой возможностью — вот и к осаждённому Оренбургу она добирается, пристроившись к санитарному поезду. Однако и Красный крест на вагоне не может защитить персонал от превратностей военного времени. Тем более, как выясняется, — поезд и не совсем «санитарный», есть в нём и опломбированный вагон, и вагон со снарядами, и платформа с красноармейцами и пулемётами. Неумолима судьба, буквально подхватившая Галину в вихре

междоусобья, и, ехавшая к казакам, она погибает во время казачьей же атаки.

«С криком: «Миша! Миша!» — Галя выбежала в тамбур, открыла входную дверь, кричала: «Миша! Миша!» — махала рукой казаку, похожему на Веренцова. Её умоляли вернуться в вагон, но она не слышала. Затащить её в вагон силой никто не решился, было опасно. *Галя стояла на пороге открытой двери в белом с цветами платье, как майская бабочка, и всё звала и звала...*»

Автор не уточняет, чья пуля оборвала жизнь героини (потому что и красноармейцы с платформы ругались и грозили махавшей наступавшим белым женщине), да это и не важно. Сбывается предчувствие Гали.

«...Гроб, соскользнув с верёвки, упал на дно могилы монастырского кладбища...

Сбылись Галины предчувствия, её обещания. «До смерти буду стремиться к тебе», — говорила она Мишке. «Схорони меня на монастырских кладбищах...» — просила, как бы шутя. «Буду умирать — буду называть твоё имя», — писала ему...»

Пожалуй, самые страшные страницы книги посвящены Голодному походу Оренбургской армии, где к небывалым тридцатиградусным морозам, голоду и тифу добавилась и характернейшая черта Белого движения, предопределившая во многом его поражение: междоусобье самих вождей антибольшевистского фронта.

«По улицам на разные голоса скрипели фургонные и тележные колёса проезжающих беженцев, изредка громыхали патронные двуколки — их чудом провезли по мягким, как перина, дорогам через сыпучие пески Тургая.

Вперемешку с обозами брели загорелые, обросшие, голодные люди. Жители уходили от наступающих красноармейцев, вышедших из тех же, что и они, городов, станиц, сёл, хуторов, нередко состоящих в родстве с теми, кто бежал из страха быть захваченным родственниками. Страх плодила паника, искажая факты, усиливая слухи о зверствах большевиков.

Обгоняя телеги и фугоны, бесшумно, совиным полётом неслась легковая машина, разрезая фарами тьму октябрьской ночи. От полноты казавшийся неуклюжим, хитрыми, бесстрашно-прищуренными глазками смотрел сквозь дверцы машины в тёмное пространство атаман Оренбургского казачьего войска генерал Дутов. Отвалясь на мягкое сиденье, *он разрабатывал план уничтожения брата по сословию,*

---

*друга по убеждениям, врага по действиям — атамана Семире-
ченского войска Бориса Аннекова, назвавшего себя генералом».*

Вот история разгрома Оренбургской армии сухим языком фактов, цифр, докладов и писем непосредственных участников этих событий:

«5 ноября Дутов пишет командующему Московской группой армий, что «надежд на Оренбургскую армию возлагать каких-либо в смысле боевых временно нельзя. Части бывшей Южной армии мной осмотрены. Дух и вера подорваны. Люди и командный состав устали до предела. Армия, вернее остатки, всё время в движении, обременены обозами, или, вернее, сами обоз. Кадры же, которые представляет из себя Оренбургская армия, — превосходны. Если дать хотя бы 1/2 месяца, отдых, пополнить и одеть, то армия воскреснет».

В том же донесении атаман отметил, что в армии половина оружия в негодном состоянии, нет артиллерии, авиации, автомобилей, парков, мастерских, типографии, каких бы то ни было запасов. Не было и одежды, что не замедлило вскоре сказаться на личном составе армии самым печальным образом. Росла эпидемия тифа. «Живем сейчас только местными средствами, раздвая население и делая из них большевиков», — писал Дутов.

Отступавшая армия растянулась на 1200 верст в длину и 200 в ширину. По степени тягот, выпавших на долю отступавших частей Дутова, из всех белых армий с ними могут сравниться, пожалуй, только войска Отдельной Уральской армии, почти полностью погибшей в Туркестане в начале 1920 г. В полном смысле слова для оренбуржцев это был Голодный поход» — именно такое название уже в эмиграции получил поход частей армии по практически безжизненной северной Голодной степи в Семиречье в конце ноября — декабре 1919 г. По-настоящему это был крестный путь Отдельной Оренбургской армии, отступавшей по малонаселенной, голодной местности, ночуя под открытым небом. Резали и ели лошадей и верблюдов. У местного населения отбиралось всё — продукты, фураж, одежда, транспорт, но и этого было недостаточно для многотысячной людской массы. За всё реквизируемое, как правило, выплачивались деньги, хотя и не всегда в должном размере. Смертность от холода и истощения возрастала, соперничая со смертностью от тифа. Тяжелобольных оставляли умирать в населенных пунктах, умерших не успевали хоронить и обременяли этим печальным обрядом местных жителей. Войска двигались большими переходами, оторвавшись от противника. На отставших одиночных солдат и казачков часто нападали киргизы, причем зачастую невозможно было даже узнать, куда исчез человек.

Армия была деморализована, и разложение приняло чудовищные масштабы. В первых числах декабря на сторону красных практически в полном составе, исключая офицеров, перешли 22-й Оренбургский казачий полк (кроме второй сотни), 35-й Оренбургский казачий полк, первая батарея 5-го артиллерийского дивизиона и комендантская команда штаба сводной Оренбургской казачьей бригады полковника В.Н. Нагаева. При отходе от Атбасара в городе осталась сотня дивизиона есаула Малятина и много солдат и казаков из состава корпуса, на сторону красных перешла понесшая большие потери сотня (45 шашек) дивизиона есаула Ведерникова вместе с командиром сотни. Как сообщалось в корпусном журнале военных действий: «Ввиду перехода вышеуказанных частей на сторону противника боевой состав корпуса очень маленький и небоеспособный, так как в оставшихся частях корпуса настроение у солдат и казаков плохое».

Между тем то, что происходило в армии самого Дутова было, пожалуй, пострашнее. В период с 14 по 31 декабря войска корпуса Бакича в арьергарде армии отходили тремя колоннами к Сергиополю. Этот отрезок пути (550 верст от Каркаралинска до Сергиополя) был одним из наиболее тяжелых для отступающих: ко всем прежним бедам, преследовавшим армию, добавилось и то, что в свои права вступила зима с тридцатиградусными морозами. В условиях пустынной степной местности, продуваемой всеми ветрами, для голодных, истощенных многодневными переходами людей это было смертельно опасно. По свидетельству участника похода, «снега да бураны морозные, холод да голод... Пустыня безлюдная... Люди гибнут, и лошади дохнут сотнями — от бескормицы валяются... Кто на ногах, еще бредут кое-как с отшибленной памятью... Поголовный тиф всех видов увеличивает тяжесть похода: здоровые везут больных, пока сами не свалятся, спят в пустынной местности все вместе, прижавшись друг к другу, здоровые и больные... Отстающие погибают».

Данные о численности и потерях армии Дутова в ходе Голодного похода сильно различаются. По одним, вероятно, завышенным данным, по приходе в Сергиополь было зарегистрировано 33 тысячи человек из 60 тысяч, отступивших с Южного Урала. По другим данным, в армии Дутова было до 40 тысяч человек, из которых лишь 3 тысячи боеспособных. Наиболее близким к действительности следует считать третий вариант, согласно которому из 20-тысячной в районе Кокчетава армии до Сергиополя дошло около половины. Сам

Дутов считал, что удалось вывести 14 тысяч человек при 150 пулеметах и 15 орудиях».

В романе «Урал — быстра река» приводятся ещё более уничтожающие цифры:

«Из 150 тысяч человек армии на юге колчаковского фронта домой вернулись немногим более пяти тысяч. Так закончила существование Южная группа Колчака, действующая на фронте Челябинск—Троицк—Орск—Актюбинск—Челкар».

Среди вернувшихся — потерявший в Гражданской войне и любимого брата, и возлюбленную, «прощённый» большевиками Михаил Веренцов, он с содроганием идёт в Оренбургское ГПУ «регистрироваться».

«Посетитель прошёл в следующую комнату с двумя столами, за одним из которых сидел военный с такими же двумя «шпалами» на отложном воротнике защитного френча. Это и был Подольский. Он взял из рук казака справку, выданную демобилизационной комиссией, долго, внимательно изучал её. Окинув пристальным взглядом стоящего перед ним, сделал какую-то отметку в своей тетради и, вернув справку, крепко пожал руку казаку:

— Будем знакомы. Наше учреждение шефствует над вашим Благословенным посёлком. В воскресенье я и два моих товарища приедем к вам. Там увидимся ещё.

— Буду рад знакомству с вами. Прошу, заезжайте прямо ко мне в дом, какой он там ни есть.

— *Даю слово, заедем, ждите.* Нам грамотные люди нужны, а у вас там ни в Совете, ни в клубе работа ещё не началась... Итак, враги в недавнем прошлом делаются сегодня друзьями, — *загадочно рассмеялся Подольский* и ещё раз пожал посетителю руку».

Однако то, что не мог написать ни в Карагандинском лагере, ни после него автор — уточняют умные и чуткие редакторы романа Веневцева:

«Подольский явно лукавит с простодушным казаком. Функционер ГПУ не может не знать о циркулярном письме ЦК РКП (б) от 29 января 1919 года о массовом беспощадном терроре ко всем вообще казакам путём поголовного их истребления».

Заканчивая размышления об этой удивительной и горестной книге хочется ещё раз подивиться крепости русской природы, наиболее размашисто и ярко проявившей себя в казачестве.

Казалось бы — прошедший все круги ада, автор романа «Урал — быстра река» должен был если не сломаться, то уж как минимум пригнуть голову и на всю оставшуюся жизнь

запечным тараканом забиться в какую-либо щель, испуганно пошевеливая усиками. Да не тут-то было!

И по окончании Гражданской войны после двух лет первой отсидки в Новониколаевской (Новосибирской) тюрьме (1921—1923 г.) Веневцев, по рассказам сына, оставался «живым, эрудированным. Это был настоящий казак!.. Отлично играл на гармошке, пожалуй, лучше всех в станице. Дома в зимнее время... читал вслух для всех. В доме были настольные книги: Библия, «Война и мир», «Тарас Бульба», «Тихий Дон»... Книги отец приносил из станичной библиотеки (была такая при школе), привозил из города. Организовал в станице драмкружок. В основном ставили спектакли из комедийных произведений Гоголя. Всё это в зимнее время, когда не было полевых работ. Сам и режиссёр, и артист... Клуба не было, все спектакли проводили в школе, в воскресные дни. Народу набивалось «под завязку», хохот стоял такой, что слышно было на улице...»

Как тут не вспомнить другого выдающегося казака, великого русского философа А. Ф. Лосева, потерявшего зрение в большевистских лагерях, принявшего тайный монашеский постриг — но не сломленного, вернувшегося в Москву и получившего, в конце концов, Сталинскую премию за свои труды по истории античной эстетики.

Поэтому я не рискну назвать роман Ивана Веневцева «Урал — быстра река» Поклонным крестом или Памятным камнем на братскую могилу Оренбургского казачества. Сам автор, в полном соответствии своему несломленному духу, заканчивает книгу так:

«Слабый низовой ветер зарядил воду. Длинные ломаные белостальные змеи побежали наискосок по Уралу. Над степью, всё больше светлея лучами, поднимался холодный багровый шар.

Две фигуры показались из-за крайних домов станицы, и одна, маленькая, тут же отделилась, рванулась в сторону Михаила. Не оглядываясь на мать, не глядя под ноги, к нему бежал, летел сын Васятка. Он разогнался так, что было страшно: вот упадёт... Васятка запрокинул от бега голову, смеялся и что-то кричал отцу, и взъерошенные с ночи волосёнки белым огнём вспыхивали на солнце».

И пока «белым огнём» вспыхивают на Руси «взъерошенные с ночи волосёнки» наших детей и внуков — не важно: в степной ли станице или между угрюмых девятиэтажек города, — жив казачий дух Отечества, жив! И воистину не врёт народная мудрость: «Казачьему роду нет переводу!»

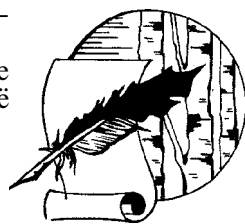
УРАЛ — БЫСТРА РЕКА

ФРАГМЕНТЫ РОМАНА

...В смертоносной военной буре, нёшейся с запада на восток, сметая всё на своём пути, кружились люди — их несло, как пылинки или сухие листья. Уничтожали друг друга с прежней силой и жестокостью. Количество жертв не снижалось, а вырастало.

На фронте красные кричали белым: «Эй, вы, господа, скоро пятки будете смазывать! Союзники вас бросили, им тоже не хочется вашей власти, а хочется советской. Переходите к нам, бросьте своего Колчака, он вас обманывает, он проданся англичанам да японцам. Англичане уже в Баку приехали за карасином, а русских хотят заставить с лучинами сидеть по вечерам, да нитки прясть... Эй, беляки, за офицерские погоны воюете. Погоны уж всем опротивели, их и за границей уже не носят, а вы за них дерётесь. Мы вашим пленным офицерам гвозди в погоны забиваем, сколько звёздочек в погоне, столько и гвоздей забиваем. Погоны отжили свой век, они должны умереть навечно!..»

Как ни пресекало белое командование братанье на фронте, оно случалось всё

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АРХИВ

чаще. Участились переходы от белых к красным не только солдат, но и казаков. Правда, последние переходили реже — всё ещё носились слухи, что красные расстреливают сдавшихся казаков.

Северный, то есть Пермский участок фронта Колчака трещал, как и остальные, белые здесь стали отходить, хотя и бросали в дело отборные части Попеляева и сибирские полки, но они не могли удержать Ижевские дивизии красных.

Хотя провал колчаковского фронта, особенно его южных группировок: Уральской и Оренбургской — был неизбежен, однако в Омске, в ставке правителя Сибири этому не хотели верить. Здесь жили самой беззаботной жизнью, спешили насладиться ею. Ослепляли залитые электрическим светом залы театров и собраний, сверкали, переливаясь мириадом огней, бриллианты Калифорнии, изумруды Колумбии, алмазы Южной Африки и старой Индии на обнажённых плечах дам. Тончайший запах духов Франции туманил головы, сбивал с пути здравый разум, столь необходимый в этот критический момент. В прихотливом переплетении праздных и деловых мыслей праздные привычно брали верх...

На фронте Уральских казаков белые терпели поражение и отходили к Каспийскому морю. А в августе Оренбургский фронт передвинулся на восток до Орска. Актюбинская группировка белых теснилась к стенам Актюбинска со стороны Сагарчин-Мартук. Наспех сколоченную армию под командованием Галкина Колчак бросил на поддержку белых, защищающих направление Орск—Актюбинск. Но эта армия тут же развалилась и стала стремительно отступать по пустынным, песчаным дорогам на Иргиз и Тургай, увлекая за собой более стойкие части из оренбургских казаков. Откачываясь от Актюбинска на юго-восток по Ташкентской железной дороге, поток белых дошёл до станции Джурун и разделился надвое: одни продолжали отступать через Иргиз и Тургай на восток, другие пошли через Темир на Гурьев.

По топким песчаным дорогам и бездорожью Тургайской области тянулись в несколько рядов бесчисленные обозы на конях, верблюдах, быках. Животные еле тащили возы, останавливались, падали, гибли. Бросалось добро, люди шли пешие, умирали от голода, а больше от жажды. Автомшины, мотоциклы, велосипеды, брошенные, лежали на дорогах — по мелкому, сыпучему песку на них нельзя было ехать.

Переход к красным целыми частями, даже казачьими, уже не казался новостью. После сдачи Актюбинска и Орска всем стало ясно, что белая армия разваливается и окончательное её уничтожение неизбежно. Громовым ударом подействовал

на казаков переход к красным недалеко от Актюбинска казачьих отрядов Богданова и Шеина. Теперь уже не верили офицерам, уверявшим, что красные расстреливают не только сдавшихся командиров, но и рядовых казаков. Более трезво настроенные офицеры, обеспеченные положением белой армии, уже не могли остановить катастрофы.

Лишь части, отходившие от Орска и Троицка через Кустанайскую область на территорию Сибирского казачества, не ощущали общего недостатка в транспорте и снабжении, потому что отступали по хорошим дорогам и населённым местам. Сохранив боеспособность, они в ряде пунктов: Щучинской, Семиозёрной и других — оказывали энергичное сопротивление наседавшим красноармейским частям, замедляя стремительное продвижение противника по Сибирской магистрали Челябинск—Курган—Петропавловск—Омск. Но как будто уже витало в воздухе, что это начало полного разгрома. И с каждой новой неудачей белых поднимались боевой дух и авторитет их противника.

Отступая через станицу Ильинскую на Актюбинск, Джурун, Тургай, Мишка вынужден был снова сесть на коня и зачислиться в войсковую часть, с которой и вступил в город Тургай. Не только его лачуги и дворы были забиты войсками, нельзя было проехать и по улицам. Галкинская армия, балласт белых, всё пожирала на своём пути, как саранча, загромождала все ночлеги и пикеты. Отражать наступление противника она не могла из-за полной дезорганизованности и отсутствия командного состава. Это была не армия, а огромная толпа без цели и надобности, питаемая из скудных, всё более дорожающих запасов.

Сзади своей сотни Михаил Веренцов с погонами вахмистра проезжал по широкой, пыльной улице захолустного, заброшенного в пустынной степи Тургая, своими землянками похожего скорее на аул, чем на посёлок, тем более на город.

Томил жаркий, безоблачный сентябрь девятнадцатого года. После выжженных солнцем степей, безводных, необитаемых пустынь даже эти грязные жилища поманили миражём отдыха. Сотню встретили квартирьеры, указали на две землянки с обширными дворами.

Из глубины пересекающей улицы Михаил услышал голос, назвавший его имя. От большой толпы офицеров отделился верховой и во весь карьер скакал к Веренцову. По его загоревшему до черноты лицу, обросшему бородой, изменившейся, когда-то грациозной посадке Мишка не сразу узнал в измученном, урюмо-печальном кавалеристе брата Дмитрия.

— Здравствуй, Миша! — кричал на скаку Дмитрий. — Да ты совсем уже мужчина! Не понимаю, как узнал — просто потянуло к тебе!

Не сходя с коней, братья крепко обнялись и ещё крепче расцеловались трижды. Дмитрий, жёстко улыбаясь, ткнул пальцем в погон брата:

— Поздравляю. Если так будешь шагать, не пройдёт и пары лет — ты меня на лопатки положишь. Рад за тебя, очень рад, горжусь.

Михаил застенчиво, принуждённо улыбнулся, безнадёжно махнул рукой. Выражение лица говорило: «Э-э-э, всё это чепуха, которая так же бесследно и бесславно исчезнет, как и появилась... А если и оставит след, то только на горе самому себе...»

— Ну, рассказывай, как живёшь, как воюешь и прочее, — спросил старший брат, выпрыгнув из седла.

Михаил последовал его примеру.

Они повели коней в поводу по улице к штабу полка, в котором стоял подьесаул Веренцов.

— Да так себе, потихоньку, — задумчиво ответил Михаил. — Хотя и жаль, но изумляюсь правдивости твоих слов, помнишь, в начале весны в Троицке, — о неизбежности нашего отступления... Вот теперь и бежим кто куда. — Дмитрий грустно молчал. Разговор прервался, как будто не о чем было говорить, как будто ни у одного из них не прошло ничего перед глазами за пять месяцев. Всё, что потрясло их, чем необходимо было поделиться друг с другом, всё поглотилось нарастанием катастрофы, новыми кошмарами последнего времени. Это всё не выходило из головы, рвало нервы...

Они вошли во двор, в глубине которого в небелёной киргизской землянке помещался штаб полка, на что указывал трёхцветный флаг, реющий над дверью. В землянке без стола и стульев на разостланных кошмах лежали и полусидели шестеро офицеров разных возрастов. Одни из них с погонями полковника — ниже среднего роста, непропорционально толстой с миловидным лицом и чёрными сверлящими глазками — приподнялся на локте, внимательной улыбкой встречая вошедших. Дмитрий церемонно познакомил брата со всеми офицерами. Полковник окинул всех взглядом.

— Господа, я сквозь дверь узнал, что это Митькин брат, — сказал он. — Обратите внимание, какое сходство, чёрт возьми. Митя может гордиться. Сажай, сажай гостя на почётное место.

Мишка привалился на локоть рядом с братом на полу, с любопытством всматриваясь в каждого офицера. Те группами разговаривали друг с другом. Русый молодежавый есаул продолжил, видимо, начатое раньше:

— Ну и вот, господа, о Государе-Императоре...

Трое офицеров разом встрепенулись:

— Расскажи, Глеб, а то ходят нелепые сказки.

— Вот какую версию я услышал, — продолжал есаул. — Перед падением Временного правительства Государь с Семьёй и приближёнными был направлен специальным поездом за границу через Дальний Восток и Японию. Поезд шёл через Пермь, Екатеринбург, Челябинск, Иркутск... В это время власть взяли Советы. Большевики передали депешу в Екатеринбург, чтобы там задержали поезд и взяли Государя с Семьёй под домашний арест. До особого распоряжения. Поезд вернули в Екатеринбург уже из Иркутска, куда он успел прийти. Заметьте, поезд шёл инкогнито! В Екатеринбурге Государь с Государыней, Наследником Царевичем и Великими Княжнами были водворены в дом купца Ипатова, где их содержали до мая восемнадцатого года.

— Я слышал о доме Ипатьевых, а не Ипатова, — усомнился один из офицеров. — Если это так, то тут есть жутковатое совпадение: на царство Романовы избирались в Ипатьевском монастыре.

— Может, Ипатьева, — согласился рассказчик. — В это время на Сибирской магистрали восстали чехословаки. Они заняли Челябинск, другие города, осадили Екатеринбург. Губернская Чека сообщила своему правительству о тяжёлом положении города и просила дать указания: что делать с Царём и Царской Семьёй, если город придётся сдать. Правительство красных, якобы, дало право Екатеринбургской Чеке разрешить вопрос о пленных самостоятельно. И вот, когда Екатеринбург начали бомбить, чехословаки заняли некоторые окраины города, Губчека вынесла приговор о расстреле. В два часа ночи в покои Царя вошли трое во главе с председателем Чека и попросили всех ввиду бомбардировки города сойти из бельэтажа вниз, в подвальное помещение как более безопасное. Государь, его Семья и близкие — одиннадцать человек — сошли в подвал. Их поставили к перегородке из толстых досок, трое вынули маузеры, зачитали приговор и в упор стали расстреливать. Некоторые ещё во время прочтения приговора в обмороке падали, их расстреливали на полу. Тела казнённых красные спрятали, а позднее сожгли, чтобы их не нашли чехословаки и не использовали как вещественное доказательство.

Чехословаки, вступив в город, тут же предприняли розыски Царя и Царской Семьи, чтобы освободить и вывезти за границу, но всё уже было кончено. Тогда из стены и пола выпилили куски досок с пулевыми отверстиями и отправили за границу. Достоверно это или нет, не могу утверждать, но, по крайней мере, так рассказывали.

— Что-то тут не совсем так, — сказал полковник, с силой хлопнув ладонью по колену. — А... впрочем, потеряв голову, по волосам плакать... — Остальные оцепенело молчали.

Мишка дослушал до конца. У него всё перемешалось в голове. Он спешил и попросил брата проводить его до ворот. Они вышли на улицу, постояли молча, продлевая минуты вдвоём, крепко расцеловались и разошлись. Оба вытирали слёзы. Это было их последнее прощание...

По улицам на разные голоса скрипели фургонные и тележные колёса проезжающих беженцев, изредка громыхали патронные двуколки — их чудом провезли по мягким, как перина, дорогам через сыпучие пески Тургая.

Вперемешку с обозами брели загорелые, обросшие, голодные люди. Жители уходили от наступающих красноармейцев, вышедших из тех же, что и они, городов, станиц, сёл, хуторов, нередко состоящих в родстве с теми, кто бежал из страха быть захваченным родственниками. Страх плодила паника, искажая факты, усиливая слухи о зверствах большевиков.

Обгоняя телеги и фуруны, бесшумно, совиным полётом неслась легковая машина, разрезая фарами тьму октябрьской ночи. От полноты казавшийся неуклюжим, хитрыми, бесстрашно-прищуренными глазками смотрел сквозь дверцы машины в тёмное пространство атаман Оренбургского казачьего войска генерал Дутов. Отвалясь на мягкое сиденье, он разрабатывал план уничтожения брата по сословию, друга по убеждениям, врага по действиям — атамана Семиреченского войска Бориса Аннекова, назвавшего себя генералом.

План зрел в таком виде: разгром и уничтожение Анненкова должны были осуществиться внезапным ударом карательной экспедиции из трёх групп. Одна — со стороны Барнаула — должна пройти севернее Сергиополя на Учарал; вторая — со стороны Каркаралинска — через Сергиополь на Лепсинск; и третья группа — южнее Каркаралинска — глубоким рейдом, не доходя до Верного*, повернёт на Капал и атакует атамана.

Дутов не любил советоваться. Созревавшие у него планы, видоизменяясь, иногда перерождались в свою противоположность или исключались совсем, не проходя в штабных документах. И на этот раз атаман не изменил себе, по дороге к Каркаралинску готовя нападение на отряды Анненкова.

Между тем, армия Дутова, как и армия Колчака, катастрофически таяла. Её раздёргивали массовые переходы на сто-

---

* г. Верный — г. Алма-Ата с 1921 г., с 1995 г. — г. Алматы.

рону советских войск и возвратный тиф, без всякого сопротивления медицины выкашивающий целые полки. Невидимый враг вёдем в могилу сотни людей. Некому было нести наряды, некому кормить коней, и животные гибли вслед за своими хозяевами.

По глухим, голодным степям Киргизии в жестокие декабрьские морозы еле двигались обозы, переполненные больными в казачьей форме. Подвода вдруг останавливалась в поле — некому было понукать лошадей. Животные понуро стояли, тряслись от холода, падали и замерзали, не в силах тянуть повозки мёртвых.

На пикетах-стоянках стоны больных смешивались с просьбами о помощи, о воде, хлебе, с гомерическим хохотом сошедших с ума. В беспамятстве лезли друг на друга, дрались или целовались, представляя перед собой врага или друга. Иногда били или целовали скончавшегося соседа. Другие выбегали нагиши на мороз, кидались в снег, плыли по снегу, как по воде, размахивая руками и замерзая. Перед кошмарами наяву отступал и рассудок, чудом оставшийся здоровым.

Белая армия бежала от наседающих на неё красных частей. Отчаяние то и дело бросало белых в контратаки. В боях местного значения они даже добивались успехов, всё больше ослабляя самих себя.

Белое воинство — остатки разбитого русского самодержавия — откатывалось по Киргизии, сталкиваясь кроме всего с глухим недружелюбием, а то и с прямой враждой местного населения.

* * *

Станица Благословенная жила послефронтovou жизнью. Следы боёв, нищеты, смерти и сиротства виделись всюду. Почти не осталось мужчин, кроме дряхлых стариков и малых подростков. Дворы опустели. Скот без хозяев голодал, ревел — его захватывала общая беда. Убитых уже не привозили домой для похорон, о погибших порой сообщали чудом уцелевшие, вернувшиеся из отступления служивые и беженцы.

Опустел и двор Веренцовых, наводил щемящую тоску. Уже и солнце заливало его без блеска, как в былые годы. В бедняцком хозяйстве недостаток чувствовался во всём.

Степан Андреевич ходил по двору, снедаемый тоской по сынам. Счастье и богатство семьи увезли они, чтобы похоронить вместе с собой где-то далеко в пустынях Азии. Степану Андреевичу чудились тени сыновей, слышался их голос по ночам с дальних улиц. Он знал, что это обман слуха, не говоря никому ни слова, приходил в избу, ложился в слезах и не мог уснуть до утра.

Елена Степановна постарела, похудела. Днём и ночью она бессвязно шептала молитвы и имена сыновей, вытирая слёзы. Всё валилось из рук. Мать как будто знала: участь сыновей умереть от тифа или пули их не минует, но долго ли ещё страдать в ожидании? Ведь ожидание мучительней самого удара. Известия о сыновьях приходили тем реже, чем дальше уходили белые в глубину Сибири и Казахстана. А с наступлением зимы донесли слухи о массовом вымирании белых от тифа.

Возвратившиеся казаки приносили подробности о гибели сельчан, множились в поминальных книжках имена усопших, их читали на литургии, жутко объединяя плач молящихся близких.

Декабрьские ночи дышали сильными морозами — резкими, сухими. На желтовато-белом, освещённом луной снегу призрачно выделялись чёрные, обгорелые пни на пустырях сгоревших домов, они вселяли ужас, похожие на скелеты мертвецов, и пугали не только людей, но и животных.

В дикой пурге вокруг обгорелых домов терялся, западал, уносился куда-то плач и стон по новым бедам.

Давно уже не было слышно о братьях Веренцовых. Правда, изредка приносили сельчане сведения о Петре, находившемся с ними. О Дмитриии и Михаиле никто ничего не знал.

Нескончаемые вереницы обозов отступающих тянулись по территории Семиреченского казачества. Дутовские части стали сливаться с частями Анненкова. Во многих местах происходили стычки «оренбурцев» с «семирёками», ослабляя и без того слабые части.

По сибирской магистрали колчаковский фронт разрозненными группами подвигался уже к Ново-Николаевску. Северная группа белых под командованием генерала Пепеляева отступала в глубинах тайги, не приближаясь к железной дороге, далеко впереди занятой восставшими рабочими.

Смутно бродили слухи о том, что Колчак где-то захвачен и казнён, но где и кем, никто не знал.

Уже с первых столкновений в январе-феврале восемнадцатого года, показавших слабость белого командования, в красном стане зрела уверенность в победе над Дутовым, а позднее — над Колчаком.

Осень девятнадцатого дышала холодом. Морозы по ночам и утрам сменялись затяжными дождями, превращающими землю в сплошное болото. Обледеневшее небо не пропускало солнечных лучей на землю — нечем было обсушить и согреть её. Сырость вызывала простудные болезни. Жались в сараи, жалобно кричали животные, словно просили о помощи, как

будто знали, что зима настанёт холодная и голодная, птица вся побита, много скота порезано, а уцелевшие от ножа вряд ли уйдут от него до весны.

Опустошённые войной прифронтовые сёла не могли прокормить всей армады войск и беженцев, ежечасно обращающихся за помощью к жителям. Манёвренная, полевая война не могла обеспечить эту массу людей даже транспортом, не только продовольствием, поэтому на позиции нередко наставали совершенно голодные дни. Недоедание переходило в голод, голод открывал дорогу тифу.

Перед нескончаемыми обозами колчаковской армии и беженцами распростёрся придавленный к земле, обиженный природой, голый и бедный с глиняными лачугами, набитыми нищетой, скорее, убогий посёлок, чем город — Сергиополь.

К приходу дутовских войск он почти опустел, в нём осталось не более половины жителей. Остальные разбежались в горы и глушь Киргизии. Оставшиеся чувствовали себя как на бочке с порохом, но напрасно они боялись дутовских войск — войска потеряли боеспособность. Дутовские части приехали не верхом на конях, а в бричках, навалом до двадцати-тридцати человек на каждой. Не все пассажиры этих повозок доехали до ночёвки живыми. «Гости» Сергиополя привезли около сотни умерших на последнем перегоне.

На вопросы о еде и фураже никто не мог ответить — жители сами готовились к голодной смерти.

Чужие люди окружали Михаила Веренцова. Часть, в которой он состоял, сформировали из казаков верхних станиц Оренбургского войска. Мишка ничего не слышал о своих станичниках, те не знали о нём. О Дмитрие Веренцове были разговоры, что он где-то командует полком, другие говорили — дивизией, третьи — что он убит. Полагали даже, что он уехал делегатом в Японию или к красным, к своему другу Каширину, что-то в этом роде...

Михаилу с тремя казаками было поручено вернуться далеко назад по пути отступления и направлять отставшие обозы.

В оставленных белыми населённых пунктах немало местных жителей скрывалось от колчаковской мобилизации, были и дезертировавшие из белых частей. Некоторые сёла уже управлялись Советами, хотя советских частей здесь ещё не было. С удивлением смотрели здесь на вновь появившихся кавалеристов с голубыми погонами. Одни спешили в дом, другие бежали к соседям с новостью о возвращении белых, третьи презрительно провожали глазами казаков — им нужно было поскорее убираться из этих мест, чтобы не быть застреленными со дворов местными большевиками.

Казачи с Михаилом так задержались здесь, что уже не было видно ни обозов, ни войсковых частей. Тогда они заметили опасность, в одну ночь сделали шестьдесят вёрст, догоняя своих: свои обозы, свои войска, свои погоны.

В большом посёлке Кийма Атбасарского уезда Мишка увидел реюшее трёхцветное знамя какого-то казачьего полка. По улицам сновали пешие и конные — оренбургские казаки.

— Скажите, пожалуйста, — обратился Веренцов к казаку, — какого полка этот штаб?

Казак взял под козырёк и отрывисто ответил. Веренцов подъехал к крыльцу, выпрыгнул из седла. Створки дверей растворились, вышедший офицер в упор посмотрев на Мишку, взял под козырёк:

— Вы не родственник Дмитрию Степановичу Веренцову, который недавно был в нашем полку?

— Да, я его брат, — сказал Михаил. — А разве теперь нет Дмитрия в вашем полку?

— Да нет, — ответил тот. — Он до сих пор не вернулся из какой-то секретной командировки.

— А дома ли командир вашего полка? — спросил Мишка.

— Да, командир в помещении, зайдите.

Мишка бросил повод коня на луку, быстро вбежал по ступенькам в коридор.

Он рванул дверь, широко открыв её. Непропорционально тучный, миловидный, с маленькими глазками, уже знакомый Михаилу командир полка сидел на оставленном на полу седле, беседуя с офицерами. Все повернули головы в сторону двери и замолчали. Стоя на пороге, Михаил подавленно взял под козырёк:

— Здравия желаю...

Командир полка тяжело встал, с опущенными глазами пошёл навстречу. Он узнал вошедшего — бросалось в глаза общее между братьями, запомнил его с того дня в Тургае, когда Дмитрий Степанович знакомил брата с офицерами штаба полка.

— Здравствуй, здравствуй, Веренцов! Давай, проходи вперёд. ...Погорюй с нами. — Он подал Михаилу руку и, не отпуская, повёл с собой.

Вставшие со своих мест офицеры, поддаваясь настроению старшего, мерили взглядами молодого с искажённо-окаменелым лицом военного.

Командир полка провёл Михаила мимо них, усадил на большие нары и остался стоять рядом, положив руку на плечо гостя:

— Три недели ждём Дмитрия Степановича... А его нет и нет. Ни о нём, ни о его команде — никакого слуха. Нехорошо на

сердце... даже... плакать хочется... — говоривший шумно и как-то по-детски обиженно потянул воздух носом. — Ведь он какой? Либо добыть, либо назад не быть! Об этом не только я скажу, это мнение и господ офицеров, и верхов войска, и даже... самого Александра Ильича, — командир полка теперь уже неожиданно крепко сжимал Мишкино плечо, как будто удерживая его от чего или успокаивая его. — Да... Но не будем отчаиваться... Может, Дмитрий Степанович скоро будет с нами. Не может быть, что он погиб. Не для этого такие приходят! — Командир взглянул, наконец, в лицо Михаилу — по щекам того катились слёзы, он не вытирал их, не сознавая этого, думая о своём и не слушая, что говорил командир полка...

Давно уже Мишка видел опустошающе недобрые сны, из которых заключал, что с братом он больше не встретится. Но кто из них первым уйдёт в землю, из снов понять не мог.

Дни катились за днями. Под натиском красных частей открывалась на восток белая армия. Кровопролитные контратаки на территории Сибирского казачества, в Кустанайской, Акмолинской, Актюбинской и других областях не оказывали влияния на ход событий. В результате стычек из строя выводился последний боеспособный состав, который не успел ещё уничтожить тиф.

Вступив на территорию Семиреченского казачьего войска, части Оренбургской группы белых направились к китайской границе по двум дорогам: одна колонна пошла с Сергиополя на Бахты, другая — южнее Сергиополя через Лепсинск, Учарал на Джаркент. Бахтынскую колонну возглавлял генерал Бакич, Джаркентскую — генерал, атаман Дутов. Два командира южного колчаковского крыла, не сказав друг другу ни слова о своих планах и намерениях, разошлись в разные стороны.

В степи погребально на разные голоса завывала вьюга... Об ушедших в отступление бродили разные слухи: что не успевшие умереть от тифа захвачены в плен и расстреляны; что, нет, не расстреляны, а сосланы на каторгу и работают в рудниках; что белые объединились с красными и воюют вместе против какого-то общего врага.

На самом же деле, приказом командующего войсками Восточного, Туркестанского и Южного фронтов Фрунзе взятые в плен рядовые казаки освобождались от всякого наказания и могли даже поступать в военные школы. Когда казаки попадали в плен — здоровыми или больными, не каждая красноармейская часть нуждалась в пополнении и обузу попросту отпускали на все четыре стороны. Группами и в одиночку белые плелись домой.

От тех, кого всё-же зачисляли в ряды советских войск, уже приходили домой письма, в которых с гордостью сообщалось о новых хозяевах. И родственники, измученные ожиданием худшего, радовались такому обороту дела.

Губернские и городские ревтрибуналы и чрезвычайные комиссии оправдывали даже офицеров, освобождая от стражи, если действия обвиняемых в белой армии или на занятой территории не отличались жестокостью. Не один из таких освобождённых поступил в военную школу, чтобы стать «красным командиром».

Отряд белых под командованием бывшего командира 4-го корпуса генерала Бакича, серба по происхождению, участника антисоветского восстания чехословацкого корпуса на Сибирской магистрали в 1918 году, перешёл китайскую границу и остановился на речке Эмиль в сорока верстах от города Чучугон. Отряд же атамана Оренбургского казачьего войска, генерал-лейтенанта Дутова, перейдя в Китай около Джаркента, направился через Кульджу в городок Суйдун, где и расположился лагерем.

В середине 1920 года против советской власти восстали зажиточные крестьяне сибирских сёл и станиц Петропавловского, Кокчетавского, Акмолинского и других районов. Их поддержали оставшиеся после разгрома колчаковской армии офицеры. Красные части вытеснили восставших на китайскую территорию. Новые «гости» Китая, возглавляемые офицером Токаревым и начальником штаба Сизухиным, присоединились к бакичевскому отряду.

В феврале двадцать первого года атаман Дутов был убит в своём лагере пробравшимся туда чекистом. Генерал Бакич, начальник штаба Смольнин и ближайшее их окружение отнеслись к этому событию по меньшей мере безразлично. Бакич, может быть, удовлетворённо вздохнул. Разбитые наголову, потерявшие и людей, и территорию, бежавшие генералы ещё надеялись на превратности судьбы, на уничтожение большевиков и на своё место при дележе спасённой России.

Интернировав русские войска, китайцы не полностью разоружали их. Белым удалось спрятать и пронести в лагерь много револьверов, винтовок и даже пулемётов.

Поначалу китайские власти обеспечивали лагерь продовольствием по правилам интернирования, но потом, очевидно, аппетит русских надоел им, и паёк стал день ото дня уменьшаться. Одних это вынудило идти в Чучугон и его окрестности в наймы к китайцам, других — любителей острых ощущений — перебраться в этот городок для воровства и грабежей.

С марта 1920 года отряд Бакича стоял по май следующего года, когда хозяева, боясь за себя и свои пожитки, попросили советское командование помочь избавиться от непрошенных гостей. Небольшой красный отряд, перейдя китайскую границу, в стычках с белыми стал теснить их на север, к границе Монголии.

Чтобы не дать противнику соединиться с остатками разбитого в Монголии отряда барона Унгерна, красные выслали навстречу Бакичу отряд под командованием Байкалова, занявший позицию в долине монгольской речки Кобук. Наткнувшись на него, белые понесли в боях большие потери. Часть их — 220 человек — метнулась в сторону русской границы и по Чуйскому тракту ушла в глубь Алтая к добываемым остаткам повстанцев Кайгородова и Тужелея. Остальные пошли на восток, к городу Урге, где были зажаты красными в клещи, из которых немногим удалось вырваться и укрыться на китайской границе. Главные же силы Бакича — около трёх тысяч человек — сложили оружие и были конвоированы в Россию, где их вместе с офицерами распустили по домам. Только восемнадцать доставили в Ново-Николаевск и там осудили.

Отряд Дутова, потеряв прикрытие с севера и юга, отказался идти в глубь Китая, он повернул к границе России, где вчерашних врагов неожиданно радушно приняли красноармейцы, накормили, обмундировали и походным порядком отправили до железной дороги.

Из 150 тысяч человек армии на юге Колчаковского фронта домой вернулись немногим более пяти тысяч. Так закончила существование Южная группа Колчака, действующая на фронте Челябинск—Троицк—Орск—Актюбинск—Челкар.

Осенью 1919 года в Благословенной расквартировалась кавалерийская часть Красной армии. Во двор Веренцовых въехали семь всадников.

— Ну, дядя, как живёшь? — задорно спросил красноармеец вышедшего из землянки Степана Андреевича, нерешительно подходившего к всадникам. — Проводил, говоришь, сынков с белыми-то? Нас, поди, не с охотой встречаешь?

Веренцов молчал.

— Чей это дом? — спросил другой.

— Наш это дом, Веренцовых, — ответил хозяин.

Елена Степановна робко шла за мужем, прислушивалась к разговору.

— Знаем, знаем эту фамилию, слышали, — сказал красноармеец и прыгнул с коня, снова обращаясь к хозяевам, стоявшим неподвижно как бы в ожидании приговора.

— Ну, как, старшего сына записали в поминание или нет? Если не записали, то запишите. Его поймали и расстреляли, — серьёзно сказал он.

Веренцовы недоумевающе моргали глазами.

— А Петя и Миша, как они-то: живы, штоль, аль нет? — спросила мать, смахивая фартуком слезу.

— Никого больше не знаем, а про Дмитрия точно известно, что расстреляли, — отрывисто сказал красноармеец и повёл коня на задний двор вслед за товарищами.

Родители стояли, как окаменелые. Тяжёлым камнем сдавило грудь Степана Андреевича. Он повернул голову в сторону жены, сказал дрожащим от слёз голосом:

— Снохе-то не вздумай говорить, да и детишкам тоже. С ума ведь сойдут, бедные. А, может, ещё и неправда. Теперь всё наболтают, только слушай.

Елена Степановна тихо голосила.

Отец и мать топтались на месте, не зная, куда идти. Казалось, что каждый шаг принесёт только новое поражающее известие, новое горе.

Красноармейцы не ошиблись: Дмитрия уже не было в живых. Только погиб он по-другому.

Во главе семи казаков подъесаула Веренцова командировали для выполнения особого задания далеко в сторону наступающей в Киргизии Красной армии. В двадцати-тридцати верстах от своей части разведка встретила большую конную группу красных и стала отходить.

Зная близость Ишима, под углом преградившего путь белым, отряд красных разделился на две части — одна пошла глубоким фланговым обходом слева, чтобы выйти к Ишиму и пересечь путь отступления белых по берегу реки, другая слегка теснила казаков, направляя к реке.

Вот и крутой берег Ишима... Внизу бурлит жёлтая вода. Казаки поворачивают налево, вниз по течению. Обстреливая их с верха, нападающие заделали пулей выше локтя руку казака Громилина. Тот крепко выругался, по-звериному оскалившись и рыча, выхватил клинок и во весь карьер бросился на красноармейцев. Его сокрушающий тяжёлый клинок неизменно нёс гибель противнику на австрийском и германском фронтах. Громилин не знал равных себе, не считал врагов, когда злился. Вот он уже в нескольких метрах от группы в несколько десятков человек, по нему беспрерывно шёлкают выстрелы с коней. Пуля решила его судьбу, пробив голову.

Когда Громилин рухнул под своего коня, и Дмитрий увидел гибель одного из лучших своих соратников, он сверкнул глазами и закричал:

— Братцы, станичники! В клинки на эту сволочь! В атаку! — и во всю мочь бросился на преследующих, прежде чем казаки развернулись для атаки.

Веренцов врубился в конную группу и тут же был изрублен. Следом постреляли и порубили остальных. Тела их остались лежать на берегу Ишима на съеденье и расклёвывание хищникам и птицам.

Победителями были казаки, перешедшие на сторону красных под Актюбинском во главе со своими командирами Богдановым и Шеиным — близкими друзьями Дмитрия Веренцова...

Лютый, морозной январской ночью в ворота Веренцовых постучали. Это переполошило весь дом — неурочный приход мог принести только ужас, горе, страдание, открывать ворота никто не решился, кроме Степана Андреевича. Он тихонько встал и старчески поплёлся к двери. Не было в нём прежней твёрдости казацкой походки, последние три года пригнули его чуть не до земли, иссушили тело, исковеркали сердце, помрачили ум своими чёрными картинами. Он и теперь плёлся как бы машинально, безразличный ко всему.

Вьюга во дворе бросала в лицо холодные колючие горсти снега, захватывала дух каким-то безвкусным газом. Предчувствие говорило, что громовые удары слухов должны смениться ударом грозы, безжалостно уничтожающим всё вокруг, превращающим в пепел, в землю.

Степан Андреевич с силой протиснулся к воротам, взялся за холодный запор и подавленно спросил: «Кто там?» За воротами чуть слышно, как из могилы, отозвался женский голос: «Это я, дядя Степан, откройте». Степан Андреевич не узнал этот голос, всё же отодвинул задвижку и надавил на железную защёлку. Малое полотно открыл ветер. Перед Веренцовым выросла фигура, с головой закутанная в шаль. Она равнодушно обронила: «Здравствуйте» и пошла мимо хозяина во двор, направляясь к убогой землянке, служащей теперь пристанищем семьи Веренцовых после сгоревшего дома. Степан Андреевич последовал за ней. В сенях он сам нашёл скобу и потянул дверь. В сени хлынул тёплый вонючий воздух, уступая место белому морозному пару. Клубы пара плыли по полу, кидаясь под образа, мгновенно теряя седую окраску.

Женщина перешагнула порог, перекрестилась на образа и тихо поздоровалась с прижавшейся к печке Еленой Степановной и сидящей на нарах Наташей.

— Уж и не знаю, как вам сказать, — начала она нехотя, — я стояла сегодня на базаре, подошла форштадтская женщина и спрашивает: «Вы откуда будете?» — «Благословенская», — говорю. «У вас есть там Веренцовы?» — она спрашивает. «А как же, — говорю, — у нас много Веренцовых — дворов восемь». «Да вот, — говорит, — мой сын письмо прислал из Красной армии, а в этом письме написано так: «Мама, передай в Благословенку Веренцовым, что их Михаил убит. Я его сам видел убитого в последний день моего перехода из белых в красные». Вот так она и сказала. Я оттуда гнала лошадь чуть не в карьер и в трактир обедать не захала. Эта женщина мне свой адрес записала на бумажке, там где-то она, в горшке, эта бумажка, я уж сейчас не стала искать».

Степан Андреевич стоял около нар, теперь он сел, положив голову щекой на ладонь, слёзы текли через ладонь. Он без звука всхлипывал, как наказанный ребёнок, которому не велят плакать.

Елена Степановна лежала на нарах, с ней была горячка.

Вся в слезах Наташа ухаживала за ней. Наутро, ещё до света Наташа поехала по указанному адресу.

Вечером она вернулась бледная, как стена. Её пуховая шаль смерзлась от слёз и стояла колом. В письме у форштадтской казачки всё было так, как передала вчера посёлочница.

Рухнувшие родители после подтверждённого известия о втором сыне начали хиреть, сжиматься в комок с каждым днём.

Дни же текли неизменной чередой. Робко, нерешительно, в одиночку в станицу понемногу возвращались казаки. Старались приходиться ночью, чувствуя на душе немало грехов. Но теперь их никто не преследовал, наоборот, даже представители местной власти встречали их, как дорогих гостей, тем более, что многие из пришедших уже побывали в Красной армии, воевали на польском фронте, на подавлении Кронштадтского восстания.

В Красной армии служил и средний сын Веренцовых, Пётр, от него пришло несколько писем. О Дмитрие Веренцове никто ничего не знал. О Мишке ходили разные слухи: одни говорили, что он ушёл за китайскую границу, другие — что служит в красном кавалерийском полку, третьи энергично утверждали: убит. Всё сводилось к тому, что Мишку никогда больше не увидеть.

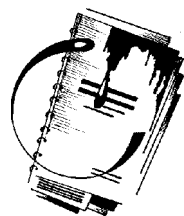
«ЧЕЛОВЕК, ПОХОЖИЙ НА ГЕНЕРАЛЬНОГО ПРОКУРОРА»

20 лет назад, в ночь на 18 марта 1999 года, в программе «Вести» российского телевидения были показаны отрывки видеозаписи, на которой некий мужчина в сауне развлекался с двумя девушками легкого поведения. Комментируя видеозапись, ведущий «Вестей» назвал мужчину «человеком, похожим на генерального прокурора», то есть на Юрия Скуратова. Через две недели Юрий Скуратов был снят с занимаемой должности, а фраза «человек, похожий на генерального прокурора» стала крылатой.

Видеозапись, подлинность которой, кстати, так до сих пор и не установлена, появилась как нельзя кстати. Именно в тот период ведомство Юрия Скуратова инициировало ряд серьезных уголовных дел по фактам коррупции и хищения государственных средств в особо крупных размерах. За один только 1998 год к уголовной ответственности за получение взяток и разбазаривание казенных денег были привлечены около 20 региональных чиновников — губернаторов, мэров и их заместителей.

Параллельно Главная военная прокуратура возбудила уголовные дела в отношении

ДОСЬЕ "МГ"

высокопоставленных чиновников Министерства обороны РФ. Среди них — заместитель Главкома сухопутных войск генерал-полковник Антон Терентьев, заместитель командующего Военно-космическими силами генерал-лейтенант Владимир Власюк, бывший командующий Группой российских войск в Закавказье генерал-полковник Федор Реут и другие. Обвинения стандартные: злоупотребления должностным положением, растрата вверенного имущества, махинации в жилищной сфере.

В апреле 1998 года Генпрокуратура начала расследование злоупотреблений при проведении реставрационных работ в Московском Кремле. Как выяснилось, должностные лица Управления делами президента РФ получили несколько миллионов долларов США в виде взятки от фирмы «Мабетекс» за предоставление выгодного контракта. По материалам проверки было возбуждено уголовное дело.

Тогда же в поле зрения Генпрокуратуры попали российские олигархи Борис Березовский и Александр Смоленский. Первый проходил по громкому делу «Аэрофлота», второй — по делу о махинациях с подложными авизо.

Но самое главное — после печально известного финансового кризиса августа 1998-го ведомство Юрия Скуратова инициировало расследование деятельности многих государственных чиновников, которые подозревались в махинациях на рынке ГКО с использованием служебного положения. В числе подозреваемых оказались председатель РАО «ЕЭС России» Анатолий Чубайс, вице-премьер Валерий Серов, бывший министр иностранных дел Андрей Козырев, заместитель министра финансов Андрей Вавилов, а также дочери Бориса Ельцина. Для многих из них запахло реальными уголовными делами и тюремными нарами.

И вот тогда по государственному телевидению, в ночном выпуске программы «Вести», и была продемонстрирована та самая видеозапись. Кто конкретно мелькал в кадре — так и осталось невыясненным. Да никто особенно и не старался это выяснить. Зато Кремль, давно мечтавший отстранить неугодного Скуратова, получил отличный формальный предлог расправиться со своим заклятым врагом. Вскоре после показа скандальных кадров Юрий Скуратов был отстранен от занимаемой должности по указу Ельцина.

Команду показать по телевидению компромат на генпрокурора дал лично председатель ВГТРК Михаил Швыдкой. И дело не только в желании Швыдкого угодить Кремлю. У Швыдкого с Юрием Скуратовым были и личные счеты, поскольку в тот момент он сам попал в поле зрения следовате-

---

лей Генеральной прокуратуры. Так что выставляя напоказ скандальную видеозапись, председатель ВГТРК спасал в том числе и свою собственную шкуру.

17 октября 1997 года Шереметьевская таможня возбудила уголовное дело по факту нелегального провоза ювелирных изделий через границу РФ. Контрабандисткой оказалась некая Анна Ефимович, уроженка Риги, получившая в начале 1990-х двойное гражданство: России и Израиля. При прохождении таможенного досмотра гражданка Ефимович «забыла» указать в декларации и заявить устно 13 ювелирных изделий, семь из которых эксперты признали произведениями ювелирного искусства. Общая их стоимость по ценам 1997 года составила 221 миллион 940 тысяч рублей.

Расследованием этой истории занялась Генеральная прокуратура РФ. В ходе следствия было установлено, что гражданка Ефимович, используя личное знакомство с тогдашним заместителем министра культуры Михаилом Швыдким, регулярно переправляла в Швейцарию произведения ювелирного искусства. Аферы были закамуфлированы под организацию выставок в одном из зарубежных музеев. Никаких выставок, разумеется, организовано не было, а переправленный через границу антиквариат благополучно исчезал в частных заграничных коллекциях. По самым скромным подсчетам, гражданкой Ефимович было вывезено из страны ценностей на общую сумму 400 тысяч долларов США.

В течение многих лет Анна Ефимович являлась и.о. директора антикварного магазина «Акция». На эту должность Анна Борисовна устроилась в ноябре 1991 года, хотя до этого никакого отношения к культуре и искусству не имела. В советские годы Ефимович трудилась на незначительных должностях в различных учреждениях: мыла посуду в ресторане, работала лаборантом, секретаршей, агентом Госстраха. И вдруг — такой стремительный поворот в карьере! Сначала Ефимович назначили заместителем директора, а через несколько месяцев — исполняющей обязанности директора ТОО «Акция Лтд». В этом качестве она и трудилась вплоть до «залета» на Шереметьевской таможне.

Именно через этот магазинчик, где не велось должного учета поступающих ценностей, в течение нескольких лет перемещались за кордон предметы старины и крупные суммы в устойчивой заокеанской валюте. Обычно это делалось под видом организации выставок за рубежом.

Сопровождала «экспонаты» лично Ефимович. Причём, по несколько раз за год. И это несмотря на более чем скромный официальный доход: в среднем полтора-два миллиона неде-

---

номинированных рублей в год, как явствовало из бухгалтерской отчетности. В середине 1990-х простой торгаш в ларьке с шаурмой зарабатывал за месяц больше, чем директор антикварного магазина Ефимович за год. Тем не менее скромный заработок не мешал Анне Борисовне по нескольку раз в году кататься за границу, а также иметь счета в американских и израильских банках, переводить за рубеж десятки тысяч долларов, пользоваться золотой карточкой Международного клуба «Шератон», весьма популярного у нуворишей того времени, — словом, брать от жизни всё.

При этом география поездок оказалась весьма широкой: Израиль, США, Германия, Швеция, Италия, Испания, Франция и другие страны. Иногда вместо Анны Борисовны за рубеж выезжал ее сын Андрей Владимиров, студент частного юридического колледжа при МГУ имени М.В. Ломоносова. Оформлялось всё это как зарубежные поездки по линии культурного обмена между Россией и другими странами. Как выяснили следователи прокуратуры, обмен действительно был: предметов русской старины на зеленые американские бумажки с водяными знаками.

Выяснилось также, что услугами гражданки Ефимович в деле сбыта произведений искусства и антикварных вещей регулярно пользовались супруга Михаила Швыдкого, а также некоторые «деятели» российской культуры, многие из которых и сейчас на виду.

Выйти сухим из воды тогда, в начале 1999 года, Швыдкому помогло назначение на должность председателя ВГТРК и показ по государственному телевидению «человека, похожего на генерального прокурора», то есть на Юрия Скуратова. После снятия Скуратова с должности уголовное дело в отношении гражданки Ефимович и ее антикварного магазина, равно как и другие, еще более громкие дела, не получили дальнейшего развития. Сама Ефимович, отпущенная из СИЗО под подписку о невыезде, моментально скрылась в неизвестном направлении. А руководитель ВГТРК Михаил Швыдкой, оказавший неоценимую услугу ельцинскому окружению (и самому себе!), продолжил блестящую карьеру на государственном поприще и вскоре перебрался в кресло министра культуры Российской Федерации.

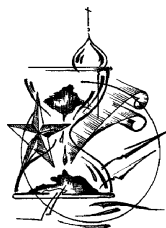

Игорь ХОДАКОВ,
кандидат исторических наук

ВОЗМОЖНО ЛИ МИРНОЕ СОСУЩЕСТВОВАНИЕ?

Недавние — в исторической перспективе — теракты в Лондоне, равно как и сравнительно недавние — во Франции, заставляют нас вновь возвратиться к непростой и актуальной теме взаимоотношений постхристианской и исламской цивилизаций. Ведь, по меньшей мере, неразумно отрицать тот факт, что демографическая экспансия мусульман в Европу привела к культурологическому конфликту, который находит свое выражение, в том числе, и на бытовом уровне. Достаточно вспомнить не так давно узаконенные в Германии шариатские патрули, вызвавшие, разумеется, негативную реакцию со стороны коренных немцев. Нечто подобное, к слову, появлялось и в России — имею в виду инициативу чеченца Ислама Исмаилова «Стоп харам». Замечу, что неприятие западной цивилизации, ее исторических устоев, возникает не только у необразованной части мусульман, якобы жаждущих резать баранов на рафинированных улицах европейских городов.

В этой связи раздаются голоса о невозможности мирного сосуществования европейцев — в большинстве своем давно уже не христиан, но мыслящих, в значительной своей части,

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

пока еще в рамках христианской культуры, — и мусульман. Однако так ли это на самом деле? Не являясь футурологом, я не могу ответить на данный вопрос, но поразмышлять о нем, полагаю, стоит, тем паче, что на современном этапе исламизация не только западных стран, но также непосредственно и европейских регионов России, за исключением традиционно мусульманского Поволжья, происходит стремительными темпами. Другое дело, что ислам не однороден и делится на огромное количество направлений и сект, часто враждебных друг другу и малознакомых немусульманину. И от того, какие именно течения возобладают в России, зависит, во многом, и наше будущее.

Разговор же об историческом опыте взаимоотношений мусульман и христиан — разумеется, краткий и неполный — я предлагаю начать с раннего Средневековья. Ведь как сказано в книге Екклесиаста: «Нет ничего нового под солнцем». И многие изменения в истории происходят в трансформации форм, но не сущности человеческой природы, да и парадигмы религиозного мышления достаточно консервативны, особенно в исламе. Так что предлагаемый мной экскурс вполне уместен.

Итак, как же складывались взаимоотношения мусульман и христиан, когда они впервые познакомились друг с другом? Произошло это на закате античности и даже больше того: знаменитый бельгийский историк Анри Пиренн утверждал, что эллинизированный мир Средиземноморья подвергся разрушению не в результате Великого переселения народов и последовавшей затем гибели Римской империи, а вследствие экспансии мусульман, коренным образом изменивших политический, этнографический и религиозный облик Евразии. Это весомый аргумент, особенно на фоне того, что варвары в той или иной степени были инкорпорированы в мир римской культуры — достаточно вспомнить стремление Карла Великого воссоздать Римскую империю, а мусульмане изменили не только этнографический облик Средиземноморья, но и принесли в него новую религиозно-культурную традицию, в значительной степени повлиявшую и на западно-христианский мир.

Напомню, что ислам возник на периферии двух высоко-развитых, но истощенных войной друг с другом ойкумен — империи Ромеев (Византии) и персидской державы Сасанидов и, по меркам истории, мгновенно привел к пробуждению отсталых, в сравнении с названными цивилизациями, арабских племен, завоевавших в VII—VIII веках огромные территории. Воины Аллаха сокрушили Персию, покорили

принадлежавшую византийцам Святую Землю, взяв в 637 году Иерусалим. И вот здесь мы соприкасаемся с первым мифом, согласно которому ислам распространялся огнем и мечом. То, что мечом, — сомнений не вызывает, а вот огонь использовался далеко не всегда. И падение Иерусалима — тому свидетельство. Впрочем, прежде, нежели рассказать об обстоятельствах его капитуляции, напомним, что незадолго до нее, в 614 году, город взяли персы, устроившие в нем настоящую бойню, сопровождавшуюся осквернением христианских святынь. Главную из них — Крест, на котором был распят Спаситель, завоеватели увезли в свою столицу Ктесифон.

В ответ император Ираклий начал первую в истории христианства Священную войну за веру, можно даже сказать — Крестовый поход. Разгромив армию Сасанидов, предельно ослабив и их, и свою державу, базилиевс возвратил Крест. Непосредственно в Иерусалим облаченный в рубище Ираклий его внес на своих плечах, по сути, став первым подлинным правителем-крестоносцем. Видимо, поэтому об эпохе Крестовых походов некоторые средневековые хронисты писали как об «Истории Ираклия».

Но ничего подобного устроенной персами резне не случилось в 637-м: «Подойдя к Иерусалиму, — пишет историк-арабист Олег Большаков, — он (халиф Умар. — И.Х.) со свитой и сопровождающим войском стал лагерем, и к нему явились с изъявлением покорности патриарх Софроний и комендант города. В город он вступил только на следующий день, во вторник. Патриарх Софроний показал ему главные храмы Иерусалима и провел на развалины ветхозаветного храма. Здесь Умар, показав своей свите личный пример, начал расчистку от мусора и обломков небольшой площадки под мечеть. Поскольку упомянутая в Коране «дальняя мечеть» (Масджид ал-Акса) связывалась в представлениях мусульман с Иерусалимом, то и мечеть, основанная здесь Умаром, стала называться Масджид ал-Акса».

То есть никакого насилия над мирным населением — как, к слову, и в истории со взятием города помянутым выше Саладином в 1187-м — не было, в противоположность захвату Иерусалима не только персами, но и последовавшему спустя столетия захвату рыцарями. Однако сам по себе факт мирной сдачи отнюдь не является свидетельством доброты одних и жесткости других, поскольку нужно понимать, что любой город, взятый в результате штурма, обречен на разграбление и резню. Исключений в истории не было. Нужно также помнить, что для зороастрийцев-персов Иерусалим не

представлял собой святыню, а виделся им просто желанной добычей. Мусульмане же считают христиан и иудеев людьми Писания и поэтому относятся к ним отнюдь не как к язычникам. Во многом поэтому с такой легкостью, вслед за Иерусалимом, арабы покорили страну пирамид. Тут еще сыграло роль то, что потомки древних египтян — копты-монофизиты не принимали догматов Халкидонского собора, и поэтому испытывали не только военно-политический, но и религиозный гнет со стороны Константинополя. Население же павших под ударами арабской конницы североафриканских владений Византии довольно быстро приняло ислам, поскольку, в значительной своей массе, исповедовало арианство — и вандалы, и аланы, и еретик Арий, и Мухаммед следовали практически идентичному взгляду на Христа, отрицая в Нем божественную природу.

Но как только мусульманская экспансия была остановлена военным путем, ислам замкнулся в себе. Нет, арабские и персидские путешественники, равно как и торговцы, стали привычными гостями в христианских странах, но они практически не занимались прозелитизмом, если не считать обращенное со стороны, вероятно, волжских булгар предложение к князю русов Владимиру принять ислам. Согласись он, баланс сил в Западной Евразии изменился бы радикальным образом в пользу мусульман: «Христианская Европа — пишет итальянский историк Франко Кардини — оказалась бы в тисках: в Средиземном море варяго-славянский флот сражался бы на стороне арабов, а не греков. У мусульман появился бы бастион на восточной границе Европы, и ислам мог бы распространиться в Скандинавии раньше, чем туда прибыли бы христианские миссионеры!»

Ну а если военным путем достигнуть успеха не удавалось, то адепты самой молодой в мире религии (впрочем, мусульмане с моим этим утверждением не согласятся, поскольку считают, что ислам представляет собой возврат к вере Авраама) не только не предпринимали активных попыток распространить свою веру путем проповеди, а, напротив — согласно утверждению Кардини: «Типичное свойство традиционной мусульманской цивилизации, обозначившееся с первых лет существования ислама: не проявлять интереса к прочим цивилизациям». Это является свидетельством того, что мусульмане не станут интегрироваться в чуждую им культуру, тем более либеральную. А вот когда на просторах Старого Света их станет большинство и они окажутся инкорпорированы во властные структуры, то эра либерализма на Западе завершится сама собой.

Однако не будем спешить и вернемся в эпоху раннего Средневековья. После битвы при Пуатье 732 года основные военные действия между мусульманами и христианами развернулись на Пиренейском полуострове, где головной болью для омейядского эмира с VIII века стали норманны. Эмиру пришлось возводить против них береговые укрепления, которые защищали добровольцы, посвятившие себя джихаду, ставшему ответом на скандинавские набеги, то есть уже в названном столетии мусульманам на ряде направлений приходилось защищаться. Для западных христиан война с миром ислама постепенно принимала формы религиозного противостояния.

Таким образом, и христианам и мусульманам война виделась священной; причём, задолго до начала объявленного папой Урбаном II Крестового похода. И здесь интересная деталь — своего рода еще один миф: среди самих мусульман существует предание, что джихад стал ответом на Крестовые походы. В качестве контраргумента европейцами приводится сам факт арабских завоеваний в первые века после возникновения ислама. Это и так и не так; то есть, разумеется, глупо отрицать агрессивность политики первых халифов, именуемых в исламе «праведными», но вновь позволю себе процитировать Кардини: «Со временем рассказы о войнах в Средиземном море и на Пиренейском полуострове, которые пополнились невероятными приключениями, были подхвачены и развиты эпической традицией. Воспоминания об этих войнах стали, по праву или нет, тем «вызовом», на который были призваны дать ответ Крестовые походы».

Однако у читателя может возникнуть вполне резонный вопрос: а только ли в эпоху раннего Средневековья воевали друг с другом христиане и мусульмане? Отнюдь нет. И если оставить в стороне джихад, то придется констатировать, что, несмотря на взаимные набеги, до XI века христианские паломничества на Святую Землю осуществлялись вполне мирно. В помянутом же столетии отношение европейцев к мусульманам — от знатного рыцаря до последнего крестьянина — радикально поменялось вследствие, как писал знаменитый французский историк Жак ле Гофф, пропаганды, «выдвигавшей на первый план ненависть христиан к приспешникам Магомета». Таким образом «были подготовлены и искусно организованы Крестовые походы. Свидетельством этого переломного момента являются шансон-де-жест (рыцарский эпос. — И.Х.), в котором воспоминания об исламо-христианском симбиозе на границах двух сфер перемешиваются с утверждением ставшего отныне беспощадным противо-

---

стояния. Вся господствующая отныне мифология сводится к поединку христианского рыцаря и мусульманина... Борьба против неверных становится конечной целью рыцарского идеала».

Таким образом, накануне Первого Крестового похода предшествующие века непростых отношений двух молодых цивилизаций были мифологизированы на Западе в угоду политической конъюнктуры. Впрочем, не стоит упрощать проблему и проецировать на раннее Средневековье свойственные нам, людям XXI столетия, представления. Дело в том, что неотъемлемой частью ментальных установок и христиан и мусульман той эпохи были апокалиптические ожидания. «Представления — пишет историк Дмитрий Харитонович, — о грядущем Страшном Суде пронизывают всё Средневековье, люди тогда жили, по выражению блаженного Августина, «в тени будущего»... для наступления Второго пришествия, для завершения земной истории оказывается просто обязательным приход христианского монарха в Иерусалим, и даже, поскольку Святой Город находился во владениях Империи, завоевание его».

Словом, наряду с соображениями политическими, Крестовые походы были обусловлены и эсхатологическими мотивами, не чуждыми и мусульманам. В те времена они, как отмечает английский исследователь Роберт Ирвин: «Верили, что конец света наступит тогда, когда на западе встанет черное солнце, а за ним последуют варварские орды Гога и Магога». Надо полагать, что в крестоносцах мусульмане и увидели апокалиптических всадников. Но неверно думать, что они мыслили себя невинными жертвами агрессии. Тот же Ирвин обращает внимание на хадис, в котором «Мухаммад сказал: «Последний час не пробьет, пока Аллах не даст моему народу победу над Константинополем». И далее: «Время перед появлением первых крестоносцев было для мусульман периодом напряженных эсхатологических ожиданий, в частности, в связи с приближением 500-го мусульманского года, что соответствовало 1106—1107 году от Рождества Христова».

Тем не менее, повторю, взаимоотношения двух цивилизаций определялись не только войной, но и мирными контактами. Достаточно известна история о том, как в 802 году аббасидский халиф Харун-ар-Рашид прислал императору франков Карлу Великому в дар слона. Да и паломничества христиан в Иерусалим не встречали препятствий со стороны мусульманских властей города, разделенного на кварталы по религиозному признаку. Нельзя также отрицать культурное и интеллектуальное влияние арабского мира на страны

Запада в эпоху раннего Средневековья. Пик этого влияния приходится на время правления династии Аббасидов (VIII—XII в.).

В чём же причины подобного культурно-интеллектуального возвышения исламского мира? Ответ даёт французский историк Ален де Либера: «Цивилизации получают наследство по мере собственного развития. В случае эпохи Аббасидов следует говорить о «великом наследии человечества». Действительно, заимствование велось из шести известных на то время литератур — еврейской, сирийской, персидской, индийской, латинской и греческой, при этом для розыска книг отправлялись экспедиции в Персию, Индию, Константинополь. Что же именно переводили? Да почти всё, что угодно. Это означало, что наряду с прочим переводились великие труды греческих философов (в первую очередь Аристотеля), научные тексты, труды по алхимии и медицине».

Эти, выполненные в Багдаде и других городах халифата переводы, оказали значительное влияние на западный мир. Достаточно вспомнить общеизвестный факт: пытаться соединить христианство с греческой философией, средневековые западные богословы использовали дедуктивный метод Аристотеля, с трудами которого познакомились благодаря переводам ибн Рушда, более известного под именем Аверроэса. И не в последнюю очередь благодаря арабскому влиянию американский историк Чарльз Хаскинс имел основания написать применительно к Западной Европе о «возрождении XII века». Влияние было, правда, в большей степени персидское, нежели арабское, ибо большинство выдающихся ученых «золотого века ислама» принадлежали именно к этому народу — врач и философ Абу ибн Сина, математик и астроном Абу-ль-Вафа аль Бузджани, «отец алгебры», а также астроном и историк Аль Хорезми. Примеры можно приводить и дальше.

Поразительно, что даже после взятия крестоносцами Иерусалима и устроенной в нем жестокой резни мусульман, отношения между ними и христианами нередко принимали вполне мирный характер. Вот как об этом пишет испано-мусульманский хронист Ахмед ибн Джубайр, во время путешествия в Палестину в 1184 году: «Христиане взимают с мусульман на своей территории определенный побор, который был установлен с доброго согласия. Со своей стороны христианские купцы платят на мусульманской территории пошлину со своих товаров; между ними существует совершенное согласие и во всех обстоятельствах соблюдается равенство. Воины заняты войной, народ же пребывает в мире. В этом смысле ситуация в сей стране настолько необычна, что и

длинное рассуждение не смогло бы исчерпать тему..» Посетивший Иерусалим в 1095 году арабский ученый и мистик Ибн Ал Араби (не путать со знаменитым арабским мистиком XII века), по словам историка Кэрола Хиллебрандта, «не даёт оснований полагать, что местные христиане страдали от притеснений со стороны мусульманских властителей». И далее исследователь отмечает: «Нет никаких сведений о том, что христианским пилигримам, будь то из Византии или из Западной Европы, препятствовали в посещении святых мест Иерусалима».

Таким образом, обе цивилизации знают опыт мирного существования на культурно-бытовом уровне, причём, в исторический период, когда ни одна из сторон не доминировала в военно-экономическом отношении, несмотря на постоянные войны. Ситуация меняется, начиная с XIII века, после того как исламский мир был ослаблен монгольским вторжением. Характерно, что именно в этом столетии родился арабский теолог ибн Таймия, ставший богословом, представлявшим, по словам французского исследователя Анри Корбена, «наиболее враждебную по отношению к философам тенденцию в исламе». Собственно, как произнес в одном из своих выступлений философ Виктор Лега: «От философии в исламе отказались в XII веке», следствием чего стала стагнация, начиная с позднего Средневековья, исламского мира в области науки, что привело его к существенному отставанию от Запада — прежде всего в военно-технической области, непреодоленному и по сей день. С тех пор в исламе фактически прекращается серьезное изучение античной философии.

И, как итог, на мой взгляд, самим мусульманам нужно, как бы это парадоксально ни звучало, вернуться в доваххабитское интеллектуальное Средневековье, что может стать для мира ислама трамплином к подлинному культурному возрождению, которое позволит преодолеть отсталость и выстроить добрые отношения с соседними цивилизациями, что, собственно, на современном этапе и происходит в России, среди интеллектуальной элиты которой немало и христиан и мусульман, равно как и людей других конфессий. Кроме того, в последние годы мусульмане, по крайней мере на Ближнем Востоке, сумели убедиться, кто является их подлинным другом, а кто — врагом.

ТРИ КРЫМСКИЕ ИСТОРИИ

Пять лет назад, 18 марта 2014 года, завершилась последняя Крымская история — после 60 лет пребывания «в бегах» полуостров опять вернулся к законному владельцу. То, что владелец был законным, ясно и со свойственной ему афористичностью обозначил президент Белоруссии А.Лукашенко 4 марта сего года: «Когда я был на инаугурации президента Порошенко, четыре года назад... жарища была за 30 градусов. И перед Радой меня окружили западные и украинские журналисты и начали меня пытаться: чей Крым — российский или украинский? Я не готовился к этому вопросу и не хотел на него отвечать. Я им задал вопрос: «Сколько погибло украинцев во время захвата Крыма Россией?» Молчат. Ни одного. А сколько прозвучало выстрелов? Ни одного. Значит, вы молча согласились, что Крым не ваш, как минимум. И дальше я рассуждал на эту тему прямо там, у них, в Украине, и мне не задали после этого ни одного вопроса».

Более давняя история произошла 75 лет назад: 18—20 мая 1944 года по решению Государственного комитета обороны СССР крымские татары были выселены в Узбекистан и соседние рай-

---

оны Казахстана и Таджикистана. Хотя в войну немало крымских татар добросовестно воевало, семь из них стали Героями Советского Союза, а легендарный лётчик-ас Амет-хан Султан — дважды Героем. Но было, однако, и другое.

В докладной записке на имя Л.Берии его зам Б.Кобулов писал: «Все призванные в Красную Армию [из Крыма] составляли 90 тыс. чел., в том числе 20 тыс. крымских татар... 20 тысяч крымских татар дезертировали в 1941 году из 51-й армии при отступлении её из Крыма...»

Когда в конце 1941-го Гитлера посетили представители крымско-татарской общины из Турции, он санкционировал создание Татарского национального комитета, задачами которого стали организация вооружённых сил из татар, оказавшихся на оккупированной территории, борьба с Красной Армией, а потом и создание под немецким протекторатом «Волго-Уральского татарского государства» или «Идель-Урал», в состав которого должны были войти Татарская (Казань), Чувашская, Удмуртская, Марийская и Мордовская автономные республики и часть Уральской области.

С первой задачей комитет успешно справился: коллаборационизм крымских татар приобрёл исключительно массовый характер. Немецкий фельдмаршал Э.Манштейн писал: «...Большинство татарского населения Крыма было настроено весьма дружелюбно по отношению к нам. Нам удалось даже сформировать из татар вооружённые роты самообороны, задача которых заключалась в охране своих селений от нападений скрывавшихся в горах Яйлы партизан. Причина того, что в Крыму с самого начала развернулось мощное партизанское движение, доставлявшее нам немало хлопот, заключалась в том, что среди населения Крыма, помимо татар и других мелких национальных групп, было всё же много русских... Татары сразу же встали на нашу сторону. Они видели в нас своих освободителей от большевистского ига, тем более что мы уважали их религиозные обычаи».

Из этих рот в 1942 году было создано 8 батальонов вспомогательной полиции, в 1943-м — ещё два. Они стали не только исполнителями, но и инициаторами массовых расстрелов мирного населения — в первую очередь членов семей коммунистов и офицеров, и по жестокости превосходили самих эсэсовцев. Особая жестокость была проявлена в концлагере «Красный», где татары-охранники уничтожили 15 тысяч человек.

В 1944 году Л.Берия докладывал И.Сталину: «Деятельность «Татарского национального комитета» поддерживалась широкими слоями татарского населения, которому немецкие ок-

---

купационные власти оказывали всяческую поддержку: не угоняли на работу в Германию (исключая 5000 человек добровольцев), не выводили на принудительные работы, предоставляли льготы при налоговых обложениях и т.п. Ни один населённый пункт с татарским населением не был уничтожен... Из дезертировавших крымских татар была сформирована особая татарская дивизия, которая принимала участие в боях в районе Севастополя на стороне немцев. Сотрудничавшие с оккупантами крымские татары активно участвовали в карательных акциях. Так, в Джанкойском районе была арестована группа в числе трёх татар, которые по заданию германской разведки в марте 1942 года отравили в душегубке 200 цыган. А в Судаче арестовано 19 татар-карателей, которые зверски расправлялись с пленными военнослужащими Красной Армии. Из числа арестованных — Сеттаров Осман, который лично расстрелял 37 красноармейцев, Абдурешитов Осман — 38 красноармейцев...»

Приведённые факты исключают всякие досужие разговоры о незаконных репрессиях. Репрессии были законными и... очень гуманными. Во-первых, выселению не подвергались семьи воевавших в Красной Армии и тех немногочисленных татар, которые были в партизанских отрядах. Во-вторых, выселяли их не в «туруханские» (как русских «кулаков»), а в тёплые края. В-третьих, переселенцам было разрешено взять с собой личные вещи, посуду, инвентарь и продовольствие до 500 кг на семью. Каждый эшелон сопровождали врач и две медсестры. Наркомторгу было поручено «обеспечить все эшелоны... кипятком и горячим питанием» с суточной нормой на человека 500 г хлеба, 70 г мяса или рыбы, 60 г крупы, 10 г жиров.

Было дано указание «обеспечить наделение прибывающих спецпереселенцев приусадебными участками и оказать помощь в строительстве домов местными стройматериалами», выдать «ссуду на строительство домов и на хозяйственное обзаведение до 5000 рублей на семью с рассрочкой до 7 лет». В течение двух месяцев в счёт оставленного в Крыму имущества переселенцев снабжали продуктами — по 8 кг муки, 8 кг овощей и 2 кг крупы на человека.

Перед распадом СССР большинство татар вернулось в Крым, бесплатно получив земельные участки и строительные материалы, однако к русскому населению враждебности меньше не стало. К началу 2014 года под эгидой Меджлиса крымско-татарского народа (в 2016 г. запрещён как экстремистская организация) стали создаваться вооружённые отряды, и лишь появление «вежливых людей» предотвратило

новую резню русских. В 2014 году В.Путин своим указом реабилитировал крымских татар. Президент, юрист по образованию, видимо перепутал два юридических понятия — амнистию (прощение) и реабилитацию (оправдание). Сегодня в Крыму как будто царит межнациональный мир. Будем надеяться, что он продлится долго.

Третья история началась в далёком 1920-м году, сразу после эвакуации Русской Армии Врангеля. Большевики ещё до взятия Крыма агитировали врангелевских солдат и офицеров остаться на родине и обещали всем, кто сложит оружие, амнистию и свободный выезд за границу. Но одновременно в Крым была командирована большая группа московских чекистов во главе с «чрезвычайной тройкой» — Г.Пятаковым, Р.Землячкой (Залкинд) и Б.Куном. Они на месте продемонстрировали суть обещанной «амнистии»: были расстреляны не только поверившие большевикам безоружные солдаты и офицеры, но и многие мирные («классово чуждые») граждане — всего 120 тысяч человек, каждый шестой житель Крыма. Особенно зверствовал назначенный председателем Реввоенсовета Крыма венгерский «интернационалист» Бела Кун (расстрелян в 1938 г.). Французские историки назвали эту резню «самыми массовыми убийствами во время гражданской войны» («Чёрная книга коммунизма»).

На «зачищенную» территорию сразу же «положили глаз» как советские «интернационалисты», так и международные еврейские организации. В 1922 году в Москве появились представители международной благотворительной организации из США «Джойнт», созданной для финансовой помощи евреям всего мира, которые начали пробивать идею создания в Крыму еврейской автономной республики. Одновременно с этой идеей выступил уроженец Симферополя член президиума Госплана Ю.Ларин (Лурье), а в 1923 году идею создания уже союзной еврейской республики (с правом выхода из СССР) активно проталкивал руководитель еврейской секции РКП(б) А.Брагин, на сей счёт он даже подал в Политбюро проект решения. Территория этой республики должна была простирается от Одессы на западе до Абхазии на востоке, включая, конечно, Крым.

(Укажем в скобках, что в большевистских кругах ещё до революции витала мысль о создании в России еврейской автономии, несмотря на отрицательное отношение к этому В.И. Ленина (он вообще не считал евреев нацией и враждебно относился к сионизму). В 1913 году И.В. Сталин по этому поводу даже заметил: «Вопрос о национальной автономии для русских евреев принимает несколько курьёзный характер —

предлагают автономию для нации, будущность которой отрицается, существование которой нужно ещё доказать!»)

И хотя Политбюро отказало Брагину, дело пошло. В Симферополе был создан филиал банка «Агро-Джойнт», стали появляться еврейские поселения, в 1923 году большой Ленин даже посетил еврейский павильон на Всероссийской сельхозвыставке. Слух о том, что в Крыму большевики открыли новую Землю обетованную, быстро распространился, и туда стали прибывать евреи со всей страны. Успех воодушевил американцев, и в 1929 году между «Джойнтом» и советским правительством был подписан договор, названный «Крымской Калифорнией». По договору «Джойнт» в течение 10 лет должен был перечислять ежегодно по 1,5 млн. (полновесных, тогда ещё «золотых») долларов на обустройство переселенцев, но... под залог 375 тыс. га крымской земли, на которые в перспективе планировалось переселить 3 млн. евреев из Украины, Белоруссии, а также из-за границы — Бессарабии и Прибалтики (тогда ещё не принадлежавших СССР). На эти земли были выпущены акции, которые скупил американская элита, в т.ч. президент Рузвельт, директор ФБР Гувейр, миллионер Рокфеллер, генерал Макартур и др. Вышла интересная «сделка»: получали деньги непосредственно (минуя госбюджет) переселенцы-евреи, а отдавать за них долг должно было государство.

Как и следовало ожидать, «Калифорния» вызвала горячие протесты местных сельских жителей — татар, русских, немцев, греков. Дело доходило даже до погромов. На одном из заседаний Политбюро Сталин заявил, что ничего, кроме междоусобицы, этот проект не даёт, и в 1936 году его закрыли. Правда, евреев не забыли: ещё в 1934 году создали для них автономию в Хабаровском крае.

А как же с акциями? О них в 1943 году Сталину напомнил Рузвельт в Тегеране, прозрачно намекнув, что если «Крымская Калифорния» не будет реанимирована, возникнут большие проблемы с поставками по ленд-лизу и с открытием второго фронта. В ответ Сталин согласился создать еврейскую автономию в Крыму, надеясь при этом получить от США кредит на 10 млрд. долл. на послевоенное восстановление экономики. Рузвельт пообещал, но с условием, что Крым будет выведен из состава СССР, а из Севастополя будет выведен советский военно-морской флот. Сталин — не Горбачёв, не Ельцин и не прочие (которые раздавали русские территории и акватории просто так, без всяких условий) и, конечно, на такое не согласился.

История, однако, получила продолжение с другой стороны. В 1943 г. в полугодовое турне по США была направлена делегация Еврейского антифашистского комитета (ЕАК) с целью прорвать информационную блокаду и заручиться поддержкой американского общественного мнения в войне СССР с Германией. Турне оказалось успешным: в фонд Красной Армии было собрано 32 млн. долл. Вдохновлённые поддержкой и напутствиями американских соплеменников, руководители ЕАК по возвращении домой подготовили и передали первому заместителю председателя Совнаркома В. Молотову документ с предложением создать Еврейскую ССР в Крыму. Никаких последствий (кроме трагических для самих авторов) этот документ уже не имел, а в 1952 г. на пленуме ЦК деятельность ЕАК Сталин охарактеризовал как «незаконные еврейские претензии на наш советский Крым».

А долги Сталин всё-таки вернул. Правда, не американцам, а Израилю, снабдив его оружием в первой войне с арабами. В этом и причина того, почему СССР вторым (после США) признал Израиль, первым установил с ним дипломатические отношения и (чтобы выпустить лишний пар) разрешил выезд туда советским евреям. Видимо, Сталин считал, что всё-таки лучше, если Израиль будет в Палестине, а не в Крыму.

Закончена ли третья крымская история? Вряд ли сегодня кто-то может дать утвердительный ответ. Уж слишком лакомый это кусочек — и в климатическом, и в геостратегическом отношении.

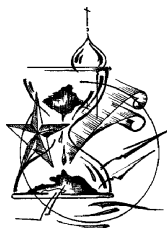
Главный хасидский раввин России Б. Лазар ещё в 2014 году заявил: «Евреи в Крыму в конце концов получили ту свободу, которую ждали давно. Это не только свобода — и всё. Это свобода и новые обязанности. Мы уверены, что Песах в этом году будет началом нового этапа в жизни евреев в Крыму, чтобы построить полноценную еврейскую общину».

В чём состоит долгожданная свобода, если и в составе Украины крымских евреев не притесняли, и в чём заключаются новые обязанности, новый этап в жизни евреев и полноценность еврейской общины, — раввин не расшифровал.

ЛИБЕРАЛЫ ПОЖИРАЮТ РОССИЮ

Либерализм уникален. Если иные идеологии (будь то классового, националистического или религиозного толка) имеют более-менее чёткие ориентиры добра и зла, истины и лжи, красивого и безобразного, то в либерализме всё размыто. Мол, нет истины ни в чём, и всё тут. С этой уникальностью либерализма-постмодернизма очень трудно бороться. Как можно бороться с тем, чего нет? Согласно современному либерализму, истина у каждого своя.

Либерализм, в отличие от иных идеологий, исключительно сложен. Чтобы его понять, мало изучить его теоретические аспекты и открытые смыслы (приоритет прав и свобод индивида). Тут придётся вникнуть в его метафизику (а это — откровенное богоборчество с духом наживы, неуёмного потребительства и всего того, что в христианстве считается «грехи» и «пороки»), вникнуть в его теневые стороны (поскольку большие геополитические проекты всегда планируются тайно) и в реальное политическое проявление (с его американоцентричностью), суть которого в духовном порабощении англосаксами всех народов планеты.

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

Либерализм коварен. Он есть даже там, где его, казалось бы, не должно быть. Если идеология конституционально отвергается, то тем самым государство предлагает гражданам самим разобраться в вопросе «Что есть истина?» На самом же деле это означает, что данная конституция де-факто либеральна, ибо соблюдается главная либеральная установка — «истина у каждого своя».

Либерализм паразитически живуч. Как сорняк. Он поглощает любое идеологическое пространство, если ему жёстко не противостоит иная государственная идеология. И если с ним не бороться, он не оставляет шансов никакой полезной культуре.

Либерализм уничтожает любую человеческую идентичность (культурную, национальную, религиозную и даже — гендерную). Любую, кроме англосаксонской... Немцы, французы и прочие европейцы покорно самоуничтожаются (хотя и медленно, почти незаметно) через либеральные «ценности», нивелирующие веками сложившиеся культурные традиции, через «подхрюкивание» англосаксам (во вред себе) и через искусственную массовую эмиграцию из Ближнего Востока и Африки. С русскими (как политической нацией) оказалось намного сложнее. Русские вяловато, но всё-таки сопротивляются либерализму. Одновременно Россия упрямо даёт отпор геополитическим амбициям либеральной империи англосаксов. Как тут либералам, скажите на милость, не удержаться от русофобии?

Либерализм могущественен. Он держится на безмерном финансировании, на беспрецедентной пропаганде и жесточайшей цензуре, на продуманной, глубоко эшелонированной и мощнейшей кузнице либеральных кадров, на полной государственной поддержке империи англосаксов и всех её вассалов. Этому либеральному могуществу России нечего противопоставить. Но это полбеда. Беда в том, что в России нет даже серьёзных потуг на сей счёт. Идеологическое оружие у России отсутствует, и тут есть над чем задуматься. Особенно, если вспомнить, что фактическая военная победа над Германией в Первую мировую войну к 1917 году в результате обернулась полным поражением из-за имперской капитуляции на идеологическом фронте.

Либерализм вездесущ, как вездесущ дух наживы и потребительства. Например, если любая телепередача прерывается, казалось бы, идеологически нейтральными, безобидными рекламными роликами (приобретай да потребляй), то уже «сухой остаток» от этого телепросмотра не останется идеологически нейтральным. Нескончаемые рекламные послы

«купи!» рано или поздно сделают своё чёрное дело. Они сформируют сначала просто потребителя, а затем и эгоистичного потребителя и в конце концов — либерала, у которого «я» будет намного важнее, чем «мы». Не говоря уже о нравственно разлагающих развлекательных передачах. Нравственное разложение народов является важнейшей теневой задачей либерализма.

Либерализм — это явная угроза России, разрушающая её изнутри. Похоже на то, что в Кремле это, наконец-то, начали осознавать. Поэтому в последнее время на государственных телеэфирах либералы справедливо выставляются как люди лицемерные, лживые, начисто лишённые патриотизма, как западники (если не сказать, — западоиды), видящие в России всё только плохое и призывающие замириться с Западом на его условиях, а фактически — покориться. Следует признать, что антилиберальные аргументы полезны хотя бы тем, что формируют у обывателя представление о том, что либеральная идеология и либералы — это зло для России.

Но тут сразу же возникает вопрос: а какая идеология есть «добро»? А вот на это ответа уже нет. Патриотические передачи постоянно прерываются развращающими рекламами, а словам патриотов уделяется времени и внимания столько же, сколько его оппонентам-либералам. Либералы всех мастей, имея политическую поддержку не более 5% населения, имеют 50% эфирного времени даже на патриотических антилиберальных ток-шоу. Разве это справедливо?! На этих шоу либералов частенько выставляют «мальчиками для порки». И что с того? Как тут не вспомнить слова из басни Крылова: «А Васька слушает, да ест». В нашем случае в образе Васьки выступают либералы. Сухмылкой выслушивая упреки того или иного патриота (мол, «мели, Емеля, твоя неделя»), они даже не едят, а с аппетитом ненасытного зверя пожирают Россию. Результат налицо: российские экономика, Центральный банк, гуманитарная наука, образование и искусство отражают во многом либеральные «ценности» и установки. Поэтому «коллективный Чубайс» будет и далее ехидничать с экранов телевизоров, «Ельцин Центр» и радиостанция «Эхо Москвы» будут продолжать свою либеральную пропаганду, а очередной гайдаровский форум всенепременно пройдёт по расписанию...

Антилиберальная риторика на любых площадках (партийных, общественных или медийных), безусловно, полезна для понимания того, кто наш главный идеологический враг. Она необходима, но явно недостаточна для спасения России от пожирающего её либерального хищника. Востребована ответственная идеология, основанная на традиционных ценнос-

---

тях и социальной справедливости, на имперском единстве народов, на имперской преемственности (как царского, так и советского периодов), на имперском величии. Без такой идеологии антилиберальная риторика нисколько не мешает либералам разрушать Россию. Без идеологического единства патриотов все указанные площадки вольно или невольно льют воду на мельницу либерального проекта. Без единой государственной идеологии, без государственной идеологической цензуры СМИ, без жёсткой работы органов безопасности с либеральными агентами влияния Запада — защиты от либерализма нет и быть не может.

г. Донецк

Роман ИЛЮЩЕНКО

РАСШНУРОВАННАЯ «КУЛЬТУРА»

Форточная революция. Пока профессионалы своего дела разжигают и подзуживают недовольных повышением пенсионного возраста, выводя на улицы пикеты, где среди участников почему-то преобладают молодые люди, некие силы под шумок пытаются совершить настоящий переворот другого плана. Эта революция по открыванию т.н. «окон Овертона», суть которой сводится к взламыванию общепринятых рамок и норм поведения, слову культурных традиций, изменению сознания, смещению духовных ценностей и моральных устоев. Процесс этот долгий и слава Богу, что начался он у нас не так давно. Хотя преуспели в нём революционеры немало.

Пожалуй, последним характерным этапом этой медленной революции стало назначение известного питерского музыканта, популяризатора и сторонника легализации матерной брани (а по мне, так просто аморального типа) Сергея Шнурова в Общественный совет по культуре. Можно не сомневаться, во что вскоре превратится с таким членом и сама эта организация, и наша культура, ведь не для перевоспитания подтянули туда скандального рокера?

По слухам, он там уже неплохо буквально спелся с некоторыми другими участниками этого форума, призванного представлять и защищать интересы всего нашего общества. Впрочем, это не первое повышение Шнурова. До этого на-

---

значения те же таинственные, но могучие силы пригласили его не кем-нибудь, а наставником в популярный телепроект «Голос». О том, кого и каким голосом наставляет петь Сергей, скажем чуть ниже.

Процесс пошёл. А пока давайте вспомним ближайшие этапы этой революции по растормаживанию нравственных комплексов, как именуют сторонники революционных перемен традиционные моральные установки. Например, недавнее стриншоу, организованное в День защитника Отечества для коллег полицейских старшей дознавательницей УМВД РФ по Улан-Удэ. Она вовсе не делала из этого тайны, даже гордилась собой. Слава Богу, что пока так считают в МВД не все, и после назначенной проверки эта сотрудница была уволена, а её руководители получили «предупреждения о неполном служебном соответствии за низкий уровень воспитательной работы».

Впрочем, не удивлюсь, если эта раскрепощенная женщина Востока, теперь уже бывшая сотрудница полиции, обратится в суд и при поддержке эксперта Общественного совета Шнурова восстановится на службе. Ведь её руководителям придется изрядно попотеть, доказывая суду, что уровень воспитательной работы в подразделении был действительно низким. Это какая ещё судья попадет. А то теперь и судьи, наряду с педагогами и врачами могут себе «много чего такого позволить»...

А кто в этом сомневается, если даже ведущая популярной у многих телепрограммы «Здоровье», а по совместительству доктор медицинских наук и аж профессор Елена Малышева, отбросив «совковую» мораль, смело экспериментирует в передаче для семейного просмотра. То берётся обучать молодёжь, как правильно пользоваться презервативами, то делится интимными подробностями полового акта, поднимая тему испускания газов во время оргазма... А в одной из передач она пошла ещё дальше, став организатором шоу «танцующие матки», продолжив, очевидно, провокацию подзабытых «пусси райт». Ну и что, что это вызвало возмущение многих людей? Малышеву это не смущает. И следующим номером её программы будет, возможно, обыкновенный стриптиз.

Но есть плоды и более ощутимые. В том же направлении: декulturизации, опoшления и обидления народа работает продвигаемая теми же силами раскрутка концертной деятельности целой когорты рэперов с собачьими кличками. Этим, например, занят другой жутко популярный у подсевших на вечерние шоу граждан телеведущий Ургант — гражданин Израиля. Несмотря на протесты родительской общественности и выносе решений местных властей об отмене концертов рэперов-сквернословов, агрессивная реклама данных артистов, воспевающих пороки, не прекращается. Увы, вольно или нет, но приложил к этому руку и сам Владимир Путин, выведя их из зоны критики.

Не видеть связи между этими, с позволения сказать, музыкантами и их вполне легализованным защитником в лице «наставника» и «эксперта» Сергея Шнурова значит обладать редким талантом непробиваемости и душевного отупления. Чего, кстати, и добиваются от нас буревестники революции и привратники «окон Овертона».

Сам Шнуров вслед, кстати, за бывшим министром культуры России, председателем Федерального агентства по культуре и кинематографии, президентом Академии российского телевидения, кавалером Ордена «За заслуги перед Отечеством» IV степени Михаилом Швыдким, врученного ему «за большой вклад в развитие отечественной культуры и многолетнюю плодотворную деятельность», вполне официально приравнял «великий и могучий» к ушербному сленгу подворотни. «Нет никакого матерного языка. Есть русский язык во всем его объёме», — заявил в своем интервью музыкант. Впрочем, кто-то из наших сограждан уже согласился или готов согласиться и со Шнуровым и со Швыдким. Как-никак авторитеты! Вот так на наших глазах совершается узаконивание противозаконного.

Всему нашему обществу брошен серьёзный вызов, и он нами увы... проигнорирован. Налицо — торжество победы подворотни, своеобразный рекорд хамства, наглости, пошлости и невежества, который при таком раскладе будет многократно побит и перебит. В этом можно не сомневаться.

Современные «окна Овертона», медленно открываясь, готовят нам весёленькое будущее, в котором жить будет совсем не весело. Согласно плану революционеров, своей задачей они ставят приведение недопустимого и немыслимого в норму. И площадкой для этого адского эксперимента выбрано национальное культурное пространство.

Валерий ФИЛИМОНОВ

КАК И СКАЗАНО В ОТКРОВЕНИИ

26 марта 2019 года на правовом портале «Консультант-Плюс» опубликован проект Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты (в части уточнения процедур идентификации и аутентификации)». Согласно этому документу изменения вносятся в Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации,

---

информационных технологиях и о защите информации». Этот законопроект требует серьёзного изучения, но уже первое ознакомление с ним показывает, что представители цифрового лобби собираются нанести сокрушительный удар по правам и свободам граждан. Все предыдущие инициативы банкиров-ростовщиков и IT-бизнесменов были лишь подготовкой к нему, включая подписанный президентом РФ Федеральный закон от 1 апреля 2019 года № 48-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об индивидуальном (персонифицированном) учете в системе обязательного пенсионного страхования» и отдельные законодательные акты Российской Федерации о придании СНИЛС статуса единого сквозного идентификатора и обязательного его применения в отношениях граждан с властными и коммерческими структурами. Причём по этому закону СНИЛС, говоря языком Священного Писания, будет присваиваться *«всем, малым и великим, богатым и нищим»* (Откр. 13: 16).

Новый законопроект «О внесении изменений в отдельные законодательные акты (в части уточнения процедур идентификации и аутентификации)» фактически создаёт противоречащую Конституции Российской Федерации «законодательную базу» для построения небывалой в истории человечества диктатуры. Совершенно очевидно, что готовили его всё те же лица, которые кровно заинтересованы в продвижении античеловеческих планов в глобальном масштабе. Впервые в правовом поле появляются понятия: «идентификатор лица» (человека), «идентификация и аутентификация физического лица», «цифровой профиль», «инфраструктура цифрового профиля» и другие, описанные недоступным простым гражданам т.н. «птичьим» языком, революционные нововведения. В документе используются очень хитрые формулировки. Например: *«Идентификатор — уникальное обозначение сведений о лице, необходимое для определения такого лица путем применения технических и (или) технологических способов»*. Но даже из этого лукавого определения совершенно ясно, что идентификатор, в первую очередь, относится к личности человека!

Уже не раз было доказано, что идентификатор или личный код гражданина — это новое цифровое имя человека, используемое во взаимоотношениях с информационно-управляющей системой, а цифровой профиль — совокупность сведений о человеке из всех сфер жизнедеятельности, содержащихся в различных базах данных, собираемых с помощью единого уникального сквозного идентификатора. Причём для получения тех или иных материальных благ и так назы-

---

ваемых «услуг» человек должен предъявить не своё имя, а свой идентификатор — свой несменяемый, пожизненный и посмертный номер! А без него нельзя будет «ни покупать, ни продавать» (Откр. 13: 17).

Представленный на портале «КонсультантПлюс» документ фактически «узаконивает»:

1) Взаимодействие гражданина с властными и коммерческими структурами через уникальный цифровой идентификатор вместо его словесного имени. Перед каждым взаимодействием должна быть установлена принадлежность идентификатора конкретному человеку. Лицом, которое подтверждает верность идентификатора или ранее проведённой идентификации и аутентификации гражданина, могут выступать только: а) кредитные организации, операторы подвижной радиотелефонной связи, операторы связи, занимающие существенное положение в сети связи общего пользования, которые имеют право самостоятельно оказывать услуги связи по передаче данных; б) операторы государственных информационных систем; в) иные организации, соответствующие установленным правительством РФ требованиям.

2) Открытие цифрового профиля на каждого гражданина, сведения о котором в дальнейшем пополняются и обновляются органами власти в автоматическом режиме в течение 15 секунд в случае их изменения (!!!). Причём «Положение о цифровом профиле», порядок получения и предоставления сведений с использованием инфраструктуры цифрового профиля, а также состав сведений, хранящихся в инфраструктуре цифрового профиля, определяются правительством РФ по неведомым для граждан критериям. Эти сведения передаются посредством единой системы межведомственного электронного взаимодействия.

3) Фактическую слежку за людьми со стороны государственных органов и неких «организаций, осуществляющих отдельные публичные полномочия», а также их свободный доступ ко всем имеющимся базам с персональными данными гражданина (в том числе даже не относящимися к его цифровому профилю!) в режиме реального времени.

4) Продажу персональных данных из цифрового профиля гражданина любым третьим лицам (по правилам и тарифам, которые опять же будет устанавливать правительство РФ). По признанию госпожи Скоробогатовой, первого заместителя председателя Центробанка РФ Набиуллиной: *«Мы делаем проект для финансового рынка, и мы хотели бы, чтобы они (субъекты рынка) могли без ограничений пользоваться информацией из цифрового профиля».*

---

5) Результат идентификации и аутентификации лица при помощи информационно-технологических средств может подтверждаться электронным документом, предоставляемым посредством информационной системы, обеспечивающей дистанционную идентификацию и аутентификацию лица (Единой биометрической системы).

Таким образом, Россию хотят превратить в экспериментальную площадку по построению тоталитарного цифрового общества, в котором не может быть и речи о свободе и демократии. В таком социуме человек будет обязан жить по законам и правилам богоборческой системы, которые могут противоречить его совести и мировоззрению. Деятельная лояльность к системе, толерантность ко всем и всему, абсолютная покорность системе, которую профессор В.Ю. Катасонов называет банковским концлагерем, — станут главными критериями существования человека. Уже с детского возраста каждый гражданин должен будет подвергать жесткой внутренней цензуре каждую свою мысль и каждое свое действие, чтобы не провиниться перед системой. Поэтому и говорить о реализации людьми своей богоданной свободы в такой системе уже не приходится...

Павел ГУБАРЕВ

ПУТЬ ДОНБАССА

Образование Донецкой Народной Республики в 2014 году было закономерно, неизбежно и предопределено. Еще сто лет назад во время революционных событий в России наш регион отказался входить в Украинскую народную республику. Была учреждена Донецко-Криворожская республика, которая тяготела к РСФСР. А в ответ на обвинения в «сепаратизме» со стороны Киева основатель ДКР Федор Сергеев (Артем) заявил украинцам: «Сепаратисты не мы, а вы!», имея в виду их стремление обособиться от Советской России. В 2014 году ситуация повторилась: нас обвиняют в сепаратизме по отношению к Украине, но сепаратистами являются сами украинцы по отношению к России. Сама ДКР была очень

быстро упразднена большевистским руководством, Донбасс был включен в УССР, а после распада СССР оказался в чужом украинском государстве. Все годы украинской «незалежности» Донбасс ментально оставался русским, и антагонизм между западной и восточной частями страны нарастал. «Евромайдан» и госпереворот в Киеве стал не причиной, а поводом для нашего расставания с ненавистной Украиной. Мы встали на путь возвращения в Россию.

Этот путь оказался не такой быстрый, глянцевый и праздничный, как у Крыма. Путь Донбасса оказался долгим, тернистым и кровавым. От ожиданий «крымского сценария» и эйфории Русской весны мы перешли к «формату Приднестровья» (даже без российских паспортов для населения) и глухой затяжной обороне. От Украины мы ушли, но до России так и не дошли. Но продолжаем идти — упорно и неуклонно.

Внутренняя ситуация в Донецкой Народной Республике на протяжении нескольких лет практически не меняется. Сложно назвать удовлетворительным состояние государства, которое не признано ни одной страной мира (не считая Южной Осетии и Абхазии) и находится в состоянии войны. Государства, столица которого является прифронтовым городом, а в центре этого города безнаказанно взрывают главу Республики. Никакие политические институты, никакая экономическая система в таком государстве нормально развиваться не будут, и ожидать этого наивно. Конечно, по сравнению с 2014—2015 годами разница есть: большая война с тысячами жертв остановлена (хотя и не прекращена), маховщина и революционный хаос упразднены, выстроена армейская структура, более-менее упорядочена правовая система. Огромную помощь оказала и продолжает оказывать Россия — без нее мы бы не выстояли ни в военном отношении, ни в экономическом.

Но речь идет только о нашем выживании, «поддержании на плаву», о качественном развитии пока говорить не приходится. Чтобы ситуация сдвинулась с мертвой точки, необходимо освобождение ЛДНР в административных границах Донецкой и Луганской областей, признание республик Россией, получение жителями Донбасса российского гражданства*. В одиночку ЛДНР полноценно и долго существовать не смогут — только либо в составе Украины, либо в составе

---

* 24 апреля 2019 г. В.В. Путин подписал указ об упрощенной процедуре получения российского гражданства для жителей ДНР и ЛНР. Что, впрочем, тоже не выход из тяжелого экономического положения для республик Донбасса. — Ред.

России. С Украиной мы распрощались навсегда. Поэтому остается только один вариант — возвращение в Россию. Пока этого не произойдет — будем испытывать все существующие сложности, в первую очередь — социально-экономические, так как промышленность Донбасса не может хорошо работать при непризнанном статусе ЛДНР и отсутствии рынков сбыта.

Большей эффективности мы могли бы достичь при объединении ДНР и ЛНР. Но даже от этого мы еще очень далеки. Причина — в исторической обособленности донецкого и луганского регионов, а также в отсутствии политической воли к объединению у местных руководителей. К сожалению, еще с 2014 года власти ЛДНР в этом вопросе руководствуются не идейными соображениями, а политическими амбициями и коммерческими интересами. Если республики объединятся, то под началом либо донецкого, либо луганского главы, а может, и московского «варяга». Процесс объединения, естественно, затронет и экономику обеих республик. То есть создание единого государства на месте ЛДНР сильно ударит по политическим и финансовым позициям огромного количества людей. Поэтому к объединению никто и не стремится. И Москва, понимая это, видимо, на этом объединении не настаивает.

Что касается Новороссии, то отделение еще нескольких областей Юго-Восточной Украины, к большому сожалению, — еще менее реальная перспектива, нежели объединение ЛДНР. Если воюющие пять лет ЛДНР не могут объединиться и вернуться в Россию, что уж говорить еще о шести областях, оккупированных Украиной? Русское движение там давно жестоко подавлено, нет и намека на гражданское сопротивление или партизанскую борьбу. Все возможности были упущены в 2014 году. Даже при возможном очередном «майдане» и кризисе украинской власти события в Новороссии, как в ЛДНР, будут уже вряд ли возможны. Единственный реальный сценарий для освобождения Новороссии, который можно серьезно рассматривать, — это освободительный поход российской армии. Думаю, что время народного ополчения и народных республик осталось позади. Только хорошо экипированные и обученные «вежливые люди» способны провести деокупацию Новороссии и вернуть ее в состав России.

ПРОТУБЕРАНЦЫ

*РАЗМЫШЛЕНИЯ И ВОСПОМИНАНИЯ.
ФРАГМЕНТЫ КНИГИ*

2019 год
(Март)

3 марта нацисты из т.н. «правого сектора» (запрещенного в России) снесли во Львове 30-метровую стелу Монумента Славы — мемориал в память о победителях над нацизмом в Великой Отечественной войне. При открытии в мае 1970 года мемориал получил название «Монумент боевой славы Советских Вооруженных Сил». Ансамбль был выполнен в граните и бронзе.

Ни в Кремле, ни в Доме правительства не последовало по этому поводу никакой официальной реакции. А наш премьер-министр, находясь в Болгарии, 4 марта высказался по поводу предстоящих на Украине президентских выборов: «...в любом случае мы будем уважать выбор наших соседей, выбор украинцев. И будем открыты к диалогу с новым руководством, если оно будет в нём заинтересовано». То есть определенно дал понять бандеровским варварам: делайте что хотите, мы будем открыты к диалогу с любыми вашими властными врагами России. Ну

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

кто бы сомневался? Что еще можно ожидать от привилегированного акционера «Газпрома», имеющего многомиллионный валютный доход от поставок газа в Европу?.. В том числе и через Украину.

***

Почему и зачем мы, Россия, с таким остервенением гоним газ во все концы земли — и на запад, и на восток, и на юг?.. И строим всё новые и новые газопроводы. Европа никуда свой газ не гонит. И не только газ. Она никуда не гонит ни нефть, ни лес, ни другие свои природные ресурсы. В отличие от нас. Наоборот, она «простой продукт» покупает.

Можно не сомневаться, что и после введения в эксплуатацию «Северного потока — 2» транзит газа через Украину не будет остановлен. А зачем его останавливать? Ведь и президент, и премьер, и многие члены президентской администрации, как и члены правительства, и аэропорт российского олигархата являются акционерами «Газпрома», т.е. за каждый кубометр проданного газа им капают дивиденды на личный счет. И чем больше кубометров российского газа течет во все концы земли, тем больше дивидендов идет на их личные счета. Как же им можно отказаться от транзита газа через Украину?

И при этом они просят у нас денег для лечения тяжелобольных детей...

***

Население Японии 128 млн. человек. И в ней — 8 тыс. чиновников. Население России 142 млн. человек. И в ней — 1 млн. 200 тыс. чиновников. Вот это и есть та хваленая административная система, к которой нас с таким упорством вели последние 20 лет. Ведь орава т.н. «единороссов», выпестованная предыдущими «партиями власти», должна где-то кормиться...

***

Госдума приняла закон, согласно которому отныне нас будут преследовать за критику власти. Ясно, что теперь эта критика будет просто опасной. За «неуважение к власти» можно теперь попасть за решётку или получить огромный штраф.

Пенсионная реформа, миграция, чиновничье бездушие, казнокрадство, мошеннический беспредел, безудержная инфляция, сокращение бесплатной медицины, продуктовый фальсификат... Упоминание всего этого может стать и, ко-

---

нечно, станет фактом «неуважения к власти», достаточно будет властным чиновникам что-то из перечисленного или не названного в этом списке обозвать фейком. Но самое главное в этой истории заключается в том, что у властей предрешающих по какой-то причине неимоверно выросло «уважение» к самим себе.

На наших глазах сбываются фантазии Оруэлла и Хаксли, и современное «Министерство правды» будет теперь карать тех, кто, не дай бог, осмелится заигрывать с правдой.

* * *

6 марта этого года В.В. Путин издал распоряжение о создании рабочей группы по реализации концепции государственной миграционной политики на 2019—2025 годы. Согласно этой концепции новыми россиянами должны стать 10 млн. человек из ближнего зарубежья — из Средней Азии, Казахстана, Украины и Молдавии. То есть проблему демографического кризиса в России Кремль намерен решать опять-таки с помощью неограниченной миграции. Ну что ж, этот способ решения данной проблемы — быстрый и мало затратный. Надо думать, другие пути преодоления вымирания русского народа в Кремле не вызывают особого интереса. Но во что выльется реализация этой «концепции миграционной политики» — мы, простые граждане, в отличие от кремлевских чиновников, можем легко догадаться. Лицо России, уже изменившееся по воле высоких менеджеров, в скором времени изменится до неузнаваемости. И, похоже, это мало волнует господ, прорвавшихся к власти.

Уже сейчас это «лицо России» легко разглядеть в московском метро, каждый вагон которого в часы пик на две трети состоит из пассажиров азиатско-кавказской наружности.

* * *

Среди кандидатов в президенты Украины нет ни одного серьезного политика (ну, разве что, может быть, за исключением Ю.Бойко). А возглавляет этот список кандидатов по всем опросам перед президентскими выборами некий клоун Зеленский. Клоун, шут — в прямом смысле этого слова. И это более чем естественно. Это то, чего реально достойна страна под названием «Украина». В своей inferнальной русофобии она уже не вызывает ничего, кроме посмешища. И возглавлять ее должен никто иной, как шоумен в лице реального шута, смешавшего украинский электорат, упоительно гогочущий сам над собой и над своей погибающей страной.

Это, видимо, Богу было угодно: погибать под собственный смех не так страшно, не так жалко и не так явственно. Очень скоро на наших глазах шизофрения злобного украинского абсурда сменится шизофренией всеобщего убийственного смеха.

Собственно, для этого и толкают Зеленского в президенты.

***

Главные претенденты на должность президента Украины — Зеленский, Порошенко и Тимошенко — не имеют ни капли украинской крови. И это тоже более чем показательно для этой некогда искусственно созданной «страны». Но т.н. «украинцы» будут за них голосовать. И плевать им на то, что никто из этой троицы не является по национальности украинцем. Вот вам еще одно доказательство того, что слово «украинец» не обозначает национальности. Слово это является лишь указанием места проживания. То есть «украинцем», «украинским патриотом» и даже «украинским националистом» может быть кто угодно, вплоть до евреев Порошенко, Тимошенко и Зеленского.

***

Еще один министр медведевского правительства оказался вором и крупным мошенником, укравшим из бюджета 4 млрд. рублей и выведшим их за рубеж. По сообщению РИА Новости, экс-министр Михаил Абызов — «создатель преступного сообщества». Кто входил в это «сообщество» — не сказано. Но поручились за него после ареста с целью освобождения его из-под стражи, предложив суду в качестве залога 1 млрд. рублей, очень известные персонажи: Чубайс, Дворкович, Волошин, Чулпан Хаматова, банкирша Н.Тимакова... Это о чём-то говорит?

Министр финансов А.Силуанов выразил недовольство арестом бывшего коллеги Абызова. Другой его коллега — Улюкаев — тянет срок за получение взятки.

А с премьер-министра всё как с гуся вода...

***

Умерла молодая эстрадная певица Юлия Началова. Две недели подряд по всем главным центральным каналам ТВ шли ток-шоу, посвященные ей, — в самое «смотрибельное» время.

27 марта от нас ушел легендарный космонавт — дважды Герой Советского Союза, входивший в «гагаринскую шес-

---

тёрку», — Валерий Фёдорович Быковский. Сообщили об этом в новостях и на том успокоились, больше не вспоминали.

Таковы приоритеты менеджеров российских СМИ да и всех властей, не придавших этому беспардонному информационному перекоосу никакого значения.

* * *

31 марта на Украине прошли президентские выборы. Как и ожидалось, с большим отрывом от остальных претендентов в первом туре победил комик и шоумен В. Зеленский. Порошенко с огромным трудом еле-еле пролез вместе с ним во второй тур голосования. Ясно, что он громко провалился и с большим скрипом протиснулся во второй тур лишь путем фальсификации результатов голосования.

Но вот что примечательно: украинцы отдают голоса смехачу-шоумену, ни бельмеса не смыслящему ни в политике, ни в экономике, ни в других государственных делах. По всей видимости, он и победит во втором туре. Вот действительно будет смеху! Только и останется всем смеяться! Это то, к чему привела украинцев их проевропэйская и проамериканская майданно-уголовная братва. Но что после 21 апреля, когда состоится второй тур выборов, будет делать Украина и ее «освободившееся от России» население? Сидеть у телевизора и хохотать? Думаю, смех у «нэзалэжной» и у «свидомых» быстро пройдет. И тогда хохотать будет над ними весь остальной мир.

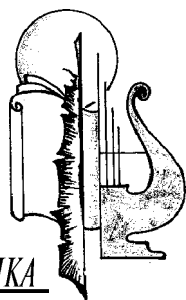
А пока украинские «патриоты» и «националисты» готовятся к голосованию за двух евреев, которые тут же начали друг друга оскорблять и поливать помоями.

Клоун Зеленский уже 31 марта, сразу после оглашения первых данных голосования, не нашел ничего умнее, как потребовать возврата Крыма. Это говорит о его умственном состоянии. А недоумок *поросенко*, для начала предложив писать слово «Россия» с маленькой буквы, через некоторое время со злорадной таинственностью предупредил: «Скоро всем будет не до смеха...» И тут с ним нельзя не согласиться...

«ДУХОВНОЙ ЖАЖДОЮ ТОМИМ...»

В России выстроена жесткая система продвижения нужных книг и имен. Отчасти это связано с коммерциализацией издательского дела. Отчасти, как это ни странно, с политикой. В современном мире добрые дела всё реже совершаются бескорыстно, и ждать, что издатель озаботится поиском талантов, было бы наивно. С одной стороны, издается то, что хорошо продается; с другой — то, что соответствует внутривластным курсу власти имущих. И если с этой точки зрения взглянуть на литературный процесс, становится очевидно: была предпринята попытка убийства русской литературы.

Регулярно повторяемое утверждение, что государство не поддерживает писателей, попросту не соответствует действительности: Роспечать постоянно выезжает на международные выставки-ярмарки и везет с собой внушительную агитбригаду. Другое дело, каких именно писателей поддерживает государство и какие преследует цели. При ближайшем рассмотрении обнажается удивительная истина: в современной России писателей назначают. Причем зачастую выбирают для этого людей, откровенно не имеющих склонности к занятию словесностью. Обычный человек, не вникающий в

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

суть происходящего и воспринимающий премиальные рекомендации за чистую монету, в качестве литературы получает косноязычие, бессмысленные и кое-как сфабулированные тексты. Хотя и недурно при этом изданные.

Что же произошло? Почему всё так получилось? Очевидно, кто-то очень боится воздействия на умы и души печатного слова, памятуя о том, насколько влиятельна всегда была литература в России. Кому-то совершенно не нужно, чтобы писателями оставались люди талантливые, честные и, как следствие, по-настоящему, в хорошем смысле слова патриотичные. Кого-то весьма не устраивает та роль, какую играла русская и советская литература, объединяя людей и формируя общественное мнение.

И вот именно по этой причине современное Российское государство поддерживает писателей, не умеющих впечатляюще и точно передавать свои мысли, а то и вовсе не имеющих никаких мыслей; писателей с выдуманными биографиями, морочащих читателей головы, сеющих раздор и невежество, воспевающих извращение и порок, хулящих и отрицающих Россию на любом историческом промежутке, кроме, пожалуй, 90-х годов XX столетия.

Но русская литература жива. Ее изгнали, подменили явлением уродливым и чуждым, но убить пока не смогли. Можно сколько угодно морочить людям головы, но рано или поздно всё встанет на свои места и настоящие произведения найдут своих читателей. Об этом, словно предчувствуя надвигающиеся сумерки русской литературы, еще сорок лет назад говорил и писал Юрий Васильевич Бондарев — выдающийся советский писатель, чье 95-летие Россия отметила в марте 2019 г.

Подлинная литература, по мнению Юрия Васильевича, не может быть связана с шумом и суетой. Учитель Бондарева К.Г. Паустовский предостерегал своих учеников от славы, денег, шума и «эстрадного успеха» — той самой «медийности», заменившей сегодня талант и мастерство. Всё шумное, броское проходит, говорил Паустовский, остаются лишь книги. Причем те книги, что созданы настоящим писателем, что помогают людям жить и оставаться людьми, что обличают подлинное, а не мнимое зло. Уже став прославленным мастером прозы, Бондарев писал, что настоящий литературный талант немислим без тяжкого, беспощадного труда, «без всепоглощающей одержимости». Писательство — это каторжный труд, от писателя требуется долготерпение, неуспокоенность, ответственность. Назначение писателя в том, чтобы хранить уже созданные духовные ценности и в то же время создавать новые, открывать, «обнажать» человека своего времени. Всё это, по мнению Бондарева, непреложно, и никакая мода не изменит сути литературы и писательства.

Большинству читателей Юрий Васильевич Бондарев известен как писатель-фронтовик, автор повестей и романов, посвя-

---

ценных Великой Отечественной войне, а главное — человеку на войне. Бесспорно, так оно и есть. Но кроме того, Юрий Васильевич — глубокий знаток русской и мировой литературы, вдумчивый критик, тонкий, обладающий исключительным чутьем и вкусом художник, мыслитель и философ литературы. Суждения Бондарева почти полувековой давности не просто не теряют сегодня актуальности, но и звучат подчас пророчески. Его интервью и статьи стали как будто ответом на современные высказывания о литературе. И в этом диалоге сквозь годы Юрий Васильевич оказался более убедителен и доказателен.

Так, рассуждая о новаторстве в литературе, он категорически отвергает формальную, механическую новизну, создаваемую по принципу «так еще никто не делал». Новизна, новаторство, по Бондареву, это всегда сам талант. Потому что талант и есть «особое видение мира, свой круг персонажей, свои идеи, стиль, ритм как выражение яркой индивидуальности художника». Талант и новаторство — это фактически синонимы. Новаторство не может быть связано с разрушением и уродством как таковыми, поскольку для таланта нет необходимости прибегать к нарочитым приемам.

Из далекого 1980 года Юрий Васильевич отвечал тем, кто и сегодня настаивает на отмирании смыслового, сюжетного романа, на главенстве формы над содержанием, на требованиях «прислушиваться к прогрессу» и беспощадно экспериментировать над словом. Всякий эксперимент, считает Бондарев, всякая изобретательность и любые поиски должны служить истине, постижению глубины мысли, заложенной в основу произведения. Формула новизны в литературе, по Бондареву, такова: талант задает и создает новизну, подчиняя форму содержанию. Эта формула неизменна, поскольку подлинная литература, как «форма восстановления реальной действительности, концентрация ее подробностей, ее духа, ее правды всей и во всем», не подвержена моде и внешней, неразборчивой модернизации. Настоящая модернизация в литературе — это анализ вечного и преходящего, меняющегося, это утверждение человеческой личности и созидание словом добра. И каждый раз подлинный талант внесет от себя что-то новое в этот извечный процесс.

Философия Бондарева утверждает идею о нацеленности литературы на борьбу с человеческим пороком. Следовательно, текст, воспевающий порок, не может рассматриваться в качестве литературы. Подлинный художник, о чем бы он ни писал, всегда остается «преданным учеником жизни», содержание его произведений есть результат осмысления, постоянного постижения бытия. Иное — форма — истинная художественность которой сторонится копирования жизни или, по слову Бондарева, «лженатурального фотографирования явлений». Для создания действительно художественной формы писателю необходимо обладать и строгим чувством меры, и безупречным вкусом, и эстетической культурой.

Писатель начинается тогда, уверен Бондарев, когда он «долгим трудом выработал свой стиль, нащупал свой нерв фразы, свою интонацию и свой нерв повествования». Другими словами, писателю необходимо настолько уверенное, виртуозное владение стилем, чтобы при помощи ритма, деталей, повторений, порядка слов, интонации или инверсии уметь создавать необходимую атмосферу, обстановку, нужное настроение у читателя. И конечно, никак не обойтись писателю без интуиции. Интуиция помогает нащупать, почувствовать идею, мысль, постепенно затем сформулированную, а после — воплощенную через образы и сюжет. Процесс этот долгий и тяжелый, работу писателя Бондарев сравнивает с работой землекопа, «роющего колодец в выжженной степи». Обливаясь потом, он упорно пытается добраться до глубинных источников, чтобы испробовать вкус добытой воды и оставить ее людям. Вода может быть разной: горькой, солоноватой или, напротив, сладкой. Но главное, что отведавшие этой воды люди испытывают еще большую жажду. Что же это за жажда? Это познание мира, это стремление разгадать человека, понять, по слову Бондарева, «феномен человека как наивысшей земной особи».

Творчество, по Бондареву, означает отказ от покоя. Творить — значит «искать, освобождать, негодовать, сомневаться, отчаиваться, любить и, в конце концов, утверждать». Утверждать истину и веру в добро — основу духовных ценностей человека.

Сегодня много говорится о духовности, о «возвращении к истокам». Причем под духовностью понимается исключительно религиозная вера, а то и более узко — воцерковленность. Но отчего-то, воцерковившись, современники не делаются лучше и совершеннее, не обретают свободу, не поднимаются над суетными побуждениями. То есть сама по себе воцерковленность никого еще не сделала духовным. Тридцать лет назад, до моды на церковную норму поведения, Юрий Васильевич Бондарев предупреждал, что нужно беречься накопительства и приобретательства, инстинкта наживы, веры в то, во что выгодно верить, восприятия жизни по рекламе, курортным проспектам и картинкам из модных журналов.

О том, что некие силы в мире пытаются навязать всем народам планеты одну и ту же одежду, музыку, литературу, одно мировоззрение и мышление, Бондарев также предупреждал еще в советские годы. Сегодня одним из острых, болевых вопросов стал вопрос о сохранении национального начала. В глобализованном мире народы теряют свое лицо, свою культуру и как следствие — духовность. Национальное переселяется в музеи и заповедники, чтобы в лучшем случае быть извлеченным для забавы туристов.

Перед современным русским писателем должен стоять вопрос о том, остался ли русский народ собой или безвозвратно

утратил отличавшие его прежде качества, подчинившись глобальной идеологии успеха и потребления. В запутанном, противоречивом бытии, считает Бондарев, должен звучать честный голос писателя, чей долг — отделять ложь от правды, истину от подделки, чтобы противостоять пошлости и бездуховности, «жирной сытости» и «тупой наглости богатства». Потому и миссию литературы во все времена видел он не в развлечении читателя и не в самоутверждении автора, но в особом роде служения, в охране человеческого в человеке, особенно в такие периоды истории, «когда уже следует защищать человека от человека, ибо есть опасность, что у человека отнимут имя человека». Задача писателя любой эпохи говорить о стыде и совести, вести с читателем честный диалог «о жизни и смерти, о добре и зле, о мужестве и трусости, о грехе и раскаянии, о жестокости эгоизма и самоотверженности».

Юрий Васильевич Бондарев — представитель социалистического реализма в литературе. Но можно ли, ознакомившись с его философией, утверждающей вечные и непреложные истины, говорить, что соцреализм — это мертвое сегодня и начатническое вчера направление искусства?.. Литература для Бондарева — это не инструмент политики, не подчиненная веяниям эпохи игра, не праздные изыскания в области чувствований, не рассказ о себе или своих родственниках, не вздохи о колосках, не сведение счетов и даже не классовая борьба. Бондарев считал литературу обращением к человеку, мольбой о человечности и жадной свидетельствования правды. Для него это «связь всего сущего и проба мира на прочность и красоту». Как продолжатель Пушкина, он, томимый духовною жадью, жжет сердца людей глаголом, дабы возвестить истину. Юрий Васильевич не просто рассуждал о высоком предназначении литературы и писателя, но всегда оставался верен заявленным принципам. Своей философии он прежде всего следовал сам, подтверждением чему и стало всё его творчество — пронзительно честное, исполненное художественной правды.

«МАЛЬЧИК ИЛИ ДЕВОЧКА?»

*Нечаянные впечатления
от спектакля «Серёжа» в МХТ им. А.П. Чехова*

Для кого как, а для меня театр — чуть ли не священное действо! Покупка билета, и не куда-нибудь, а в знаменитый МХТ им. Чехова! Выбора нет: хочу побывать на спектакле именно сегодня, поскольку поезд домой в Воронеж ночью.

Стою у театральной кассы, жду, когда освободится такая же провинциалка из Челябинска. Милые женщины-билетёрши в кассе у метро! Они не только одаривают счастьем в виде лощёной бумажной полоски, служащей пропуском в храм искусства Мельпомены, они готовы выслушать любого, представшего перед их приветливым взором: что он хочет, что уже видел, и даже поделится собственными впечатлениями. И вот — лёгкое приятное волнение: представление — через пару часов.

— Что?

— «Серёжа».

— Что такое — «Серёжа»?

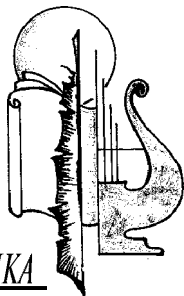
— Не удивляйтесь, это маленький сын Анны Карениной.

— Что? Семейная драма глазами ребёнка?

— Ну, как вам сказать, скорее некая схема.

— Схема? По роману Толстого?

— Ну, вроде того, но там в основном монологе Анны в зал. В общем — оригинальный взгляд режиссёра.

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Должен ли нормальную женщину интриговать оригинальный взгляд театрального режиссёра? Решаю мгновенно, что должен. Разве не любопытно послушать монологи в зал Анны Карениной? Интересно, что же она расскажет.

— Только понимаете, не знаю, как сказать... Хочу вас предупредить, чтоб вы не пришли потом ко мне ругаться, а то уже выслушала... А оно мне надо?

Тут, глядя на моё вытянутое испуганное лицо, билетёрша, видно, собираясь с мужеством, произносит убийственно ошеломляющую фразу:

— Если хотите окунуться в болото с дерьмом, сходите.

Столбенею. Анна Каренина? Та самая, взбалмошная, трогательно утончённая, взвинченная внезапным вихрем жгучей любовной страсти, каждое мгновение которой знакомо до боли? Та самая Анна с её отчаянными всплесками сердечных мук и огненно-сладостной метелью нежных чувств, с её испепеляюще ревностной горечью разочарования и яростной истерикой ледящей несбыточности вожделенных ожиданий? И вдруг — такое?..

Маленькая заминка, но размышляю недолго, хотя и понимаю, что владелица случайно не востребованного драгоценного билета на спектакль высказалась откровенно и без затей. Выбора не было. А что, если абстрагироваться от услышанного и самой сделать все выводы? На размышления ушла секунда.

— Беру.

— Три тысячи.

Отправляюсь по маршруту, по пути перекусываю в кафе «кофепирогом», и вот он — вожделенный.

«Любите ли вы театр? Нет-нет! Любите ли вы театр, как люблю его я?» От внезапной, мимолётно промелькнувшей чужой мысли становится жарко, как-то тревожно и оттого ещё больше волнуяще. И вот через какую-то четверть часа — она, прекрасная и знаменитая, до безумия счастливая и ещё до большего безумия несчастная, случайной волею судьбы оказавшаяся в пленительно-чувственном омуте и не имевшая ни малейшей возможности пренебречь приличиями света... Нет, просто прекрасная! Она не может быть иной! Её, дерзко обворожительную, невозможно не понимать, хотя и, без сомнений, осуждая её последнее жизненное решение. Она — противоречивая и единственная, она — неповторимая на все времена. А вот если бы великий моралист Лев Толстой пощадил её бедную жизнь, наверное, была бы образом совсем иным — обычным, вызывающим лишь только жалость и, может быть, забытым.

И вот — огромный переполненный зал. «Серёжа» в постановке режиссёра Дмитрия Крымова.

Поезд из Москвы в Петербург. В купе с Анной (актриса Мария Смольникова) графиня Вронская, возбуждённо и залихватом смесь, рассказывает про глисты у маленького сына и как она лечила их много лет назад. Достойная тема для представивше-

---

гося знакомства и сближения женщин, выросших в дворянских усадьбах! Лёгкое дуновение от того самого «душистого» лесного болотца, рафинированной столичной кассиршей предсказанного?..

При резком торможении вагонов сверкающими фейерверками из чемоданов выстреливают интимные предметы женского туалета. Должно быть, «игриво-изыщанная изюминка» в духе времени с претензией на этакую лёгкую невинно-изысканную пикантность... Даже на мой провинциальный вкус — плосковатенько, пошленько и совсем не смешно.

Меж тем пролог состоялся. И вот — где-то в лабиринтах мозговых извилин рождается мыслишка. Мыслишка вздрагивает противным скользким червяком, явственно страшая метаморфозироваться в узорчатое скользкое пресмыкающееся. Пытаюсь её, бессовестную, отбросить, но она вертится, затаившись, скрючивается, замирает и через какие-то минуты вновь торжествующе трепыхается импульсивным, пока ещё размытым отблеском дразняще-вибрирующего отвратительного змеиного жала.

На перроне, как и следует ожидать, пожалуй, самый знаменитый в русской классической литературе ловелас — флигель-адъютант Русской императорской армии Алексей Вронский (Виктор Хориняк). Глазам не веришь! Впечатление мгновенное! Это тот самый офицер, вышколенный и безупречный во всём своём великосветском блеске граф?! Не может быть! Этому беспомощному маменькиному сынку, не умеющему сделать самостоятельного шага, удалось покорить сердце очаровательной замужней женщины? Это невнятное, бледное, расплывчатое существо, мялящее что-то невразумительное, это — Вронский Льва Толстого?! А где же пыл неожиданно вспыхнувшего любовного головокружения? Однако знакомство состоялось.

Впрочем, режиссёр спектакля честно предупреждал: «Серёжа» — это не «Анна Каренина», это спектакль не по роману, а по его мотивам. Как бы фрагмент». Только вот первые же «мотивационные» сцены как-то уж слишком очевидно являют зрителю их произвольно измышлённый выверт.

И вот она в Москве, дома, она — пленительная толстовская героиня, потрясая воображение всего земного читающего человечества.

— Я — Анна Каренина. Я от Толстого, Льва Николаевича, как понимаете. Это он создал меня, я перед вами, такая как есть, и вот уж полтора столетия живу собственной жизнью, свободной и не зависимой от его несравненного пера. Кто он теперь для меня.

Тут снова вспомнилась билетёрша и её чистосердечное предупреждение. Писать или не надо? Что скажут на это мои коллеги-друзья, а также недруги из писательской же среды? Одни поймут и поддержат, пусть даже снисходительно-ласково хлопаяют по щёчке (что, не выдержала, бедняжка?), другие ядо-

---

вито поехидничают в чувствах превосходства, если не в печатных комментариях на всю страну, то меж собой в Сети — без сомнения.

И вот всё же пишу.

— Вы знаете, у меня есть муж. У меня замечательный муж! Ну, просто замечательный! Ну, такой замечательный! Ну, невозможно какой замечательный муж! Он никогда не отдыхает. У нас в доме идеальный порядок. Сейчас я расскажу вам про него одну исключительно характерную особенность, не поверите, но я-то знаю. У него все трусы — подписанные. Да-да, подписанные! Ну, вы же знаете — в месяце четыре недели. Так вот на них и написано: первая неделя, вторая неделя, третья неделя, четвёртая неделя. И носит он их строго по надписи. Я сама вышивала! Вот. Вот такой он у меня.

Пытаюсь ушам не верить. Цепенею от услышанного. Тут снова в мозгах что-то скользко-шевеливающееся, в самом начале о себе заявившее, как-то елейно-подленько крадёт, скребётся, изворачивается и вдруг чётко молвит: любезная сударыня, да уж не лукавите ли вы? А если точнее — лжёте во всём своём мнимом великолепии.

Впрочем, да уж не глуповато ли умишком это изящное, не лишённое аристократического шарма во всём своём облике, выстрадавшее, выпестованное бедной душой русского гения, его драгоценное дитяти?..

Да и просто ли глуповато? Может, это хаотично выплёскивающий признаки диагностического слабоумия или проще — интеллектуально ущербный персонаж? А ещё проще — образ тривиально дебиловатой женщины, и не важно, что из дворянского сословия?

Но — довольно! Всё! Образ дан! Вот он — Каренин, чопорный до тошноты педант в абсолютном исчислении.

Потрясающий штрих! Телевизионная журналистка, анонсируя спектакль на экране, то ли страдая от стыда за уважаемого героя Толстого и в первую очередь за него самого, то ли вспоминая реально виденную альтернативную версию эпизода, преподносит несколько иной его вариант: «В пьесе, например, есть вот такой интересный момент: Анна, обращаясь к публике, рассказывает, что у мужа трусы подписаны по дням недели». Так сказать, лёгкий профессионально-дипломатический приём.

Вот и первый принудительный шаг в то самое, с запахом кирпичного белёного сортира вкупе с удушающей хлоркой на длинном транспортном перегоне, о котором предупреждала билетёрша.

Появляется и он сам (Анатолий Белый). Молод, элегантен, статен, красив, с восхитительно живописным кружевом оленьих рогов на голове. Как он их вынес, это надо видеть! Он вынес на сцену свои роскошно плетёные рога с таким благородством в облике, какому мог бы позавидовать и сам Андрей Болконский

с лицом Вячеслава Тихонова, уходя победителем с ратного поля. Вызов обстоятельству или ещё не посвящён в них? Тоже «режиссёрская находка по мотивам»?

— Я расскажу вам одну вещь. У меня была очень умная бабушка. Когда-то меня сильно впечатлили её слова о том, как должна распорядиться собой великосветская дама, чтоб другие из её же круга умерли от зависти: «Лучше позор, чем никогда!» Ой, у меня же есть толстовская фраза: «Здоров ли Серёжа», я её сейчас скажу ему.

Анна поворачивается к мужу, занятому какими-то деревяшками-поделками, какой-то миг словно любит его короной на голове и с чувством выполняемого долга произносит:

— Здоров ли Серёжа?

— Здоров.

Заботливая, соскучившаяся по ребёнку мама за время отъезда, однако. Но ведь «оригинальный авторский взгляд», сказано же!

Меж тем, на сцене — долгий, унылый, до ужаса бессмысленный уклад жизни семьи. Каренин бесконечно что-то мастерит или чинит, Анна заставляет слуг выполнять какие-то мелочные домашние дела: то перемещать мебель туда-обратно, то в определённом порядке перекладывать книги в шкафах, то переставлять посуду в буфетах, то без конца перетирать несуществующую пыль. Она вся в стихии приземлено-бытовых дел. Может быть, это своеобразная пещера-тайник для её скрываемых чувств? Или две параллели, которым никогда не пересечься?

Вскоре до Каренина доходят не подлежащие опровержению слухи о великолепии его аллегорических рогов.

— Я должен тебе сказать, я — твой муж. Я ошибся, да?

Каренин сбивчиво пытается объяснить жене, что её поведение в свете предосудительно, выходит за пределы нравственных понятий в обществе и тем самым бросает тень как на его чиновничью репутацию, так и на честь всей их дворянской семьи. Да какое эгоистичной Анне до этого дело!

Любовь? Ну, какие могут быть «мотивы» без той самой любви! Анна, крича и теряя всякий стыд, в надменно-оскорбительной форме объявляет мужу о ненависти к нему и своих нежных чувствах к Вронскому.

Но... Правил света никто не отменял. Внешние приличия продолжают соблюдаться неукоснительно, и при чём тут роман!

А что же Вронский? Увы, никчемная, не отвечающая за себя половозрелая мужская особь, он явно не умеет обращаться с женщинами, как клоун на цирковой арене, смешно и нелепо затевает перед Анной какие-то метафорично-комические игры, словно так и не вышедший из детства инфант. Всегда в сопровождении матушки, Вронский быстро начинает тяготиться своим нелепым, совсем ненужным романом с замужней дамой.

И здесь «мотивы»? Или «авторская находка»?

Однако любовь Анны кажется то ли стремительно тающей, то ли и вовсе сомнительной. Не для того ль она на какое-то время увлеклась Вронским, чтоб лишь только на себе испытать бабушкину идею, о которой в начале спектакля с горделивым пафосом сообщает публике?

Эгоцентричная и легкомысленная, она как смертельной болезнью заражается чопорностью и педантизмом мужа. Ближе к концу пьесы становится очевидно, что никакой любви, никакого Вронского в её жизни больше нет. Есть диваны, шкафы, полки с книгами, люстры, посуда, ковры и эфемерная пыль. С некоторых пор — это её стихия, её мир, незыблемый и вечный, как восход и закат. Прежней и без того непривлекательной Анны нет, есть какой-то ходяче-говорящий манекен в огромном чёрном мешке, отдалённо напоминающем платье некоей гигантской дамы.

Каренин совершенно не узнаёт её, он психологически подавлен, он бунтует необузданно и дико. Не владея собой, срывает скатерть с длинного как дорога праздничного стола, обращая в осколки дорогую фамильную посуду, тем самым символизируя крушение недавней благопристойной жизни. Он, обвиняя Анну в супружеской измене и трагично осознавая свою отвергнутость, кричит душераздирающе и страшно, пытаясь доказать ей, в какое ничтожество она превратила своё прежнее реальное очарование, и не понимает истинного положения вещей.

Серёжа? Какой Серёжа! Ребёнок появляется на сцене в образе куклы-марионетки в натуральную величину, ведомой тремя кукловодами (!!!). Надо полагать, ещё одна «изюминка авторского воображения»! Но, тем не менее, Серёжа — заглавный герой — кукла! Может быть, здесь, в самом деле, разгадка «талантливое режиссёрского замысла»? Серёжу опекают няни, воспитатели, учителя. Серёжу обучают грамоте, математике, французскому, игре на фортепьяно. Серёжа иногда недоволен, порой жёстко протестует против насилия и внедрения в его внутренний мир и даже ожесточённо дебоширит.

В одной из финальных сцен Анна случайно замечает сына в его детской кроватке, подходит к нему с невесть откуда вспыхнувшей материнской лаской и вдруг видит перед собой взрослого юношу, а главное — живого, который, едва увидев мать, медленно уплывает по вертикали вниз сквозь пол и пространство, должно быть, в землю, у неё на глазах. Анна ошеломлена и не понимает, куда же делся Серёжа: вот только что был на расстоянии руки и уже нет, она в неподдельном ужасе. Проблеск сознания? Где одна лишь раздирающая боль и больше ничего? Горестное чувство утраты невозвратимого времени как виновника потерянного в его тупиковых лабиринтах ребёнка?.. Как отклик первоначально подлинной материнской сущности? Это был единственный, волнующий и по-настоящему трогательный эпизод. «Режиссёрская находка», хоть и в «индивидуальной

упаковке», а всё же фальшивенькая и, как ни крути, родом из неё, родимой, Ясной поляны.

«Анна Каренина», кажется, давно и скрупулёзно исследована. И вот зачем-то понадобилось «новое видение» великого произведения классической русской литературы, бульварно-пошлое, эпатажное и шокирующее. Но для чего? Для кого создавалось это невероятное извращение? Как, с каким чувством публика должна выдерживать сцену родов полулежачей на стуле Анны в присутствии десятка сгорающих от любопытства, в том числе Каренина и его несостоявшегося соперника? Когда из глубин складок её длинного, невообразимо широченного одеяния, подаренного матерью Вронского, появляется новорождённый плод вместе с пуповиной в виде верёвки белого цвета толщиной с морской канат.

— Мальчик или девочка? — слышится чей-то голос.

Меж тем пуповину ловко хватают руками, словно фокусники в балагане, пятеро здоровенных мужчин из челяди. Элегантно жестикулируя, они тянут эту верёвку-пуповину из чрева измученной Анны, изящными движениями наматывают на свои могучие тела, акробатически извиваясь, залихватски взмахивают, как хлыстом над вздыбленной лошадей, артистически запутываются и распутываются, одновременно изящно и томно пританцовывая нечто напоминающее мужскую партию па-де-де из «Шелкунчика» под какую-то тихую лирическую музыку.

— Мальчик или девочка?

Но слуги, не слыша, кривляющимися скоморохами всё тянут и тянут из утробы бесчувственной Анны это бесконечное уродство экзальтированного «режиссёрского взгляда» — тем самым, видимо, метафорично изображая вместе с младенцем рождающуюся драму его ненужности.

— Мальчик или девочка? — снова и снова бесстрастно вопрошал чей-то абстрактный голос незнамо кого, так и не получая ответа.

Уж куда как прозрачней: не всё ли равно — какого пола новорождённое существо, с трагичной обречённостью раздражающим криком извещающее белу свету о своём бессмысленном появлении?

Вытащенной из недр тела несчастной героини Толстого и валяющейся на сцене пуповины-верёвки было метров 40, если не больше. От увиденного — вначале содрогаешься в ползущей тошнотворной брезгливости и тут же входишь в ступор тупого безразличия: всё действие окончательно обрело омерзительный гротеск, преступно посягнувший на нечто святое, безусловно неоспоримое по воле её величества природы...

«Мотивы»? Или «оригинальный режиссёрский замысел»? Или эпатаж жанра? Сцена ассоциировалась с сюжетами древнеримских вакханалий и, как ни странно, через некую метафизическую связь с чудовищем «Ельцин-центра» как символа нашего времени-оборотня.

Но как ни извращён Толстой, всё же рядом с обессилевшей Анной — оба, Каренин и Вронский. Анна жалостливо уговаривает мужа простить её бывшего любовника за причинённые страдания. Тут, по всей видимости, «оригинальное режиссёрское изображение» дало неожиданный сбой, предательски иссякло, да и вынуждено было «скатиться» к первоисточнику, так горячо однажды вдохновившему известного деятеля «современных искусств» окунуться в стихию его «собственного вольного прочтения».

Спектакль завершается душераздирающе-истощающей сценой обезумевшей Анны. Никакие прежние чувства её не волнуют. Мужчин нет. Нет даже детей. Никакого поезда тоже нет. Зато есть героиня с задранной юбкой, с оттопыренной в зал пятой точкой и истеричными воплями-вскриками. Так что же это было? Апофеоз драмы?..

В финальной сцене Анна, вроде как с просветлённым разумом, объясняет публике идею о том, что никто никому ничем не обязан. Другими словами — жизнь перед человеком ставит вопросы, отвечать на которые он не должен.

Зрительный зал, стоя, аплодировал долго, горячо и восхищённо. С особым восторгом был встречен в изящном поклоне «Серёжа» с тремя своими учтиво согнутыми над ним воспитателями. Преподнесённые ему цветы были галантно переданы Анне...

Так что же это было? Разве это не представление трансформации системы наших нравственных ориентиров и традиционных жизненных ценностей на фоне моральной деградации? Но откуда и с чего оно взялось? Может, человеку нелегко определить своё «эго» в современном обществе? И он должен принять уродливые новоявленные законы «свободного капиталистического рынка» просто по определению? Но допустимо ли их внедрение в высокое предназначение искусства — будь то театр, литература, музыка или живопись?

К нашему великому прискорбию, положение вещей в современном обществе, как оно есть, без масок и прикрас, нормально мыслящего человека не поражать не может. Увы, в спектакле «Серёжа» МХТ им. Чехова, как в зеркале, отразилась сущность нашего оскалившегося времени: традиционно духовная наполненность русского мира за какие-то четверть века на наших же глазах претерпела такие колоссальные извращения, каких не было за всю её историю. Мы должны признать, что, по большому счёту, русского театра как целостного явления больше нет... Некоторые исключения не спасают общей картины.

Но ведь с этим мы должны что-то делать...